

2020  
N 3 (53)

**ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА**  
**LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE**  
**YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA**

16+

Научно-практический журнал.  
Учрежден Тюменским институтом повышения  
квалификации сотрудников МВД России.  
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established  
by Tyumen Advanced Training Institute of the  
Ministry of the Interior of the Russian Federation.  
Published since 2006. Issued quarterly.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

**EDITORIAL BOARD**

**Председатель**

**Chairman**

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,  
кандидат технических наук, доцент,  
заслуженный работник высшей школы  
Российской Федерации,  
Тюменский институт повышения  
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,  
Candidate of Technical Sciences, associate  
professor, honoured worker of higher education  
of the Russian Federation, Tyumen Advanced  
Training Institute of the Ministry of the Interior  
of the Russian Federation

**Главный редактор**

**Chief Editor**

ВАНЮШИН Я.Л.,  
кандидат юридических наук, доцент,  
Тюменский институт повышения  
квалификации сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,  
Candidate of Legal Sciences, associate professor,  
Tyumen Advanced Training Institute  
of the Ministry of the Interior  
of the Russian Federation

**Ответственный редактор**

**Executive Editor**

ЧЕРНОВА С.С.,  
кандидат юридических наук,  
Тюменский институт повышения  
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,  
Candidate of Legal Sciences,  
Tyumen Advanced Training Institute  
of the Ministry of the Interior  
of the Russian Federation

**Члены редакционной коллегии:**

**Members of the editorial board:**

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,  
Doctor of Legal Sciences, professor,  
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry  
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,  
доктор юридических наук, профессор,  
заслуженный деятель науки  
Российской Федерации,  
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,  
Doctor of Legal Sciences, professor,  
honoured worker of science  
of the Russian Federation,  
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry  
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,  
доктор юридических наук, доцент,  
Сибирский юридический институт  
МВД России

BEZRUKOV A.V.,  
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,  
Siberian Law Institute of the Ministry  
of the Interior of the Russian Federation

ГАНАИМ Х.,  
LLD, профессор,  
Хайфский университет,  
Израиль

GHANAYIM Kh.,  
LLD, professor, University of Haifa  
(Israel)

|  |   |
|--|---|
| ГЕРАСИМЕНКО Ю.В.,<br>доктор юридических наук, профессор,<br>заслуженный юрист Российской Федерации,<br>Омская академия МВД России  | GERASIMENKO Yu.V.,<br>Doctor of Legal Sciences, Professor,<br>honoured lawyer of the Russian Federation,<br>Omsk Academy of the Ministry<br>of the Interior of the Russian Federation   |
| ГРИШКО А.Я.,<br>доктор юридических наук, профессор,<br>Нижегородская академия МВД России   | GRISHKO A.Ya.,<br>Doctor of Legal Sciences, professor,<br>Nizhny Novgorod Academy of the Ministry<br>of the Interior of the Russian Federation  |
| ГУЧОК А.Е.,<br>доктор юридических наук, доцент,<br>Высшая аттестационная комиссия<br>Республики Беларусь   | GUCHOK A.E.,<br>Doctor of Legal Sciences, associate professor,<br>The Higher Attestation Commission<br>of the Republic of Belarus (Belarus)   |
| ЗИГМУНТ О.А.,<br>PhD,<br>Университет Фехта<br>(Германия)   | SIEGMUNT O.A.,<br>PhD,<br>Vechta University<br>(Germany)  |
| ИЛЬЯШЕНКО А.Н.,<br>доктор юридических наук, профессор,<br>Кубанский государственный университет  | IL'YASHENKO A.N.,<br>Doctor of Legal Sciences, professor,<br>Kuban State University   |
| КЛЕАНДРОВ М.И.,<br>доктор юридических наук, профессор,<br>заслуженный деятель науки<br>Российской Федерации,<br>член-корреспондент РАН,<br>заслуженный юрист Российской Федерации,<br>Институт государства и права<br>Российской академии наук | KLEANDROV M.I.,<br>Doctor of Legal Sciences, professor,<br>Corresponding Member of the Russian<br>Academy of Sciences, honoured lawyer<br>of the Russian Federation, honoured worker<br>of science of the Russian Federation,<br>Institute of State and Law<br>of the Russian Academy of Sciences |
| КОЗАЧЕНКО И.Я.,<br>доктор юридических наук, профессор,<br>заслуженный деятель науки<br>Российской Федерации,<br>Уральский государственный<br>юридический университет   | KOZACHENKO I.Ya.,<br>Doctor of Legal Sciences, professor,<br>honoured worker of science<br>of the Russian Federation,<br>Ural State Law University  |
| ЛАВРОВ В.П.,<br>доктор юридических наук, профессор,<br>заслуженный деятель науки<br>Российской Федерации,<br>Академия управления МВД России  | LAVROV V.P.,<br>Doctor of Legal Sciences, professor,<br>honoured worker of science<br>of the Russian Federation,<br>Academy of Management of the Ministry<br>of the Interior of the Russian Federation  |
| ЛИПИНСКИЙ Д.А.,<br>доктор юридических наук, профессор,<br>Тольяттинский государственный университет  | LIPINSKIY D.A.,<br>Doctor of Legal Sciences, professor,<br>Togliatti State University   |
| ЛУНЕЕВ В.В.,<br>доктор юридических наук, профессор,<br>заслуженный деятель науки<br>Российской Федерации,<br>Институт государства и права<br>Российской академии наук  | LUNEEV V.V.,<br>Doctor of Legal Sciences, professor,<br>honoured worker of science<br>of the Russian Federation,<br>Institute of State and Law<br>of the Russian Academy of Sciences  |

МАЙОРОВ В.И.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Тюменский институт повышения  
квалификации сотрудников МВД России

MAYOROV V.I.,  
Doctor of Legal Sciences, professor,  
Tyumen Advanced Training Institute  
of the Ministry of the Interior  
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,  
доктор юридических наук, профессор,  
заслуженный деятель науки  
Российской Федерации,  
Институт государства и права  
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,  
Doctor of Legal Sciences, professor,  
honoured worker of science  
of the Russian Federation,  
Institute of State and Law  
of the Russian Academy of Sciences

СЕРГЕЕВ А.Б.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Тюменский институт повышения  
квалификации сотрудников МВД России

SERGEEV A.B.,  
Doctor of Legal Sciences, professor,  
Tyumen Advanced Training Institute  
of the Ministry of the Interior  
of the Russian Federation

СУМАЧЕВ А.В.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Тюменский институт повышения  
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,  
Doctor of Legal Sciences, professor,  
Tyumen Advanced Training Institute  
of the Ministry of the Interior  
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Санкт-Петербургский юридический  
институт (филиал)  
Университета прокуратуры  
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,  
Doctor of Legal Sciences, professor,  
St. Petersburg Law Institute (Branch)  
of the University of Prosecutor's Office  
of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Тюменский институт повышения  
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,  
Doctor of Legal Sciences, professor,  
Tyumen Advanced Training Institute of the  
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских рецензируемых  
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed scientific  
journals (2015)**

**Партнеры:**

Международная ассоциация содействия правосудию;  
Российская криминологическая ассоциация

**Partners:**

International Union of Assistance to Justice;  
Russian Association for Criminology

**Адрес редакции, издателя и типографии:**

625049, г. Тюмень, Тюменская область,  
ул. Амурская, 75.

**Address of the Editorial Board, Publisher**

**and Printing House:** Amurskaya str. 75, Tyumen,  
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; [naukatui@mail.ru](mailto:naukatui@mail.ru)

**ISSN 1998-6963**

**Подписной индекс в Объединенном каталоге  
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации  
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.

Редактор Е.В. Карнаухова.

Технический редактор Е.К. Булатова.

Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.

Подписано в печать 23.09.2020. Дата выхода в свет 29.09.2020.

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 16. Уч.-изд. л. 15.

Тираж 300 экз. Заказ N 052. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2020.



## СОДЕРЖАНИЕ

## CONTENTS

### Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

ЛИПИНСКИЙ Д.А. О целях и функциях юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности

6

МУСАТКИНА А.А. Финансово-правовая безопасность: понятие и признаки

21

### Раздел 2. Охрана и защита прав человека

КИРИЧЁК Е.В. Цифровизация конституционно-правовой и общественно-политической жизни современной России: положительные и отрицательные стороны

33

### Раздел 3. Административная деликтология

ХАМЕТДИНОВА Г.Ф. Об эффективности мер административно-правовой защиты несовершеннолетних в Российской Федерации: ретроспектива законодательства

41

ЛЕТАЕВА Е.А. Некоторые вопросы административной ответственности велосипедистов за управление транспортным средством в состоянии опьянения

52

### Раздел 4. Уголовный закон

ЗАХАРЧУК С.Д. О признании взяточничества малозначительным деянием

61

### Раздел 5. Правоохранительная политика

ВАНЮШИНА И.Н. Принцип субординации на государственной службе Российской Федерации и службе в органах внутренних дел Российской Федерации

73

### Раздел 6. Совершенствование правоохранительной практики

ГОРОШКО И.В., ЛЕБЕДЕВ В.Н. Правовое регулирование передачи служебной информации ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти

85

### Section 1. Methodology of law enforcement activities

LIPINSKY D.A. On the objectives and functions of legal responsibility in the mechanism of ensuring national security

MUSATKINA A.A. Financial and legal security: concept and features

### Section 2. Human rights protection

KIRICHEK E.V. Digitalization of the constitutional and legal, social and political life in modern Russia: positive and negative aspects

### Section 3. Administrative delictology

KHAMETDINOVA G.F. On the effectiveness of administrative and legal protection of minors in the Russian Federation: retrospective analysis of the legislation

LETAEVA E.A. Some issues concerning the administrative responsibility of cyclists for driving a vehicle while intoxicated

### Section 4. Criminal Law

ZAKHARCHUK S.D. On classifying bribery as a minor offence

### Section 5. Law enforcement policy

VANYUSHINA I.N. The principle of subordination in the civil service of the Russian Federation and when serving in the internal affairs agencies of the Russian Federation

### Section 6. Improving law enforcement practice

GOROSHKO I.V., LEBEDEV V.N. Legal regulation of the transfer of official information for limited distribution in federal executive bodies

## **Раздел 7. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности**

АНТОНОВ О.Ю., СЕБЯКИН А.Г. Тактические комплексы применения знаний в области компьютерной техники при расследовании преступлений

94

## **Section 7. Criminalistic provision of law enforcement activities**

ANTONOV O.Yu., SEBYAKIN A.G. Tactical complexes of applying knowledge in the field of computer technology while investigating crimes

СОБОЛЕВСКАЯ С.И. Стратегическое прогнозирование в криминалистике: современное состояние и тенденции развития

102

SOBOLEVSKAYA S.I. Strategic forecasting in criminalistics: current state and development trends

БАХТЕЕВ Д.В., ЛЕДНЁВ И.В. Понятие и свойства криминалистического профилирования личности и поведения неизвестного преступника

110

BAKHTEEV D.V., LEDNEV I.V. The concept and characteristics of forensic profiling of the personality and behavior of an unknown offender

КРАВЕЦ Е.Г., ШУВАЛОВ Н.В. Комплекс специальных знаний, необходимых при расследовании хищений, совершаемых с использованием вредоносных компьютерных программ

119

KRAVETS E.G., SHUVALOV N.V. Special knowledge required for investigating the thefts committed by using malicious software

## **Раздел 8. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей**

МЕЩЕРЯКОВА М.А. Конституционное право на тайну коммуникации: понятие и содержание

127

## **Section 8. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view**

MESHCHERIAKOVA M.A. Constitutional right to privacy of communication: concept and content

САРАНЧИН Д.В. Проблемы дифференциации ответственности за деяние, предусмотренное статьей 151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации

138

SARANCHIN D.V. Problems of differentiation of responsibility for the act provided by Article 151.2 of the Criminal Code of the Russian Federation

## Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

|   |   |
|---|---|
| ЛИПИНСКИЙ Д.А.,<br>доктор юридических наук, профессор,<br>Dmitri8@yandex.ru<br>Департамент магистратуры;<br>Тольяттинский государственный<br>университет,<br>445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14 | LIPINSKY D.A.,<br>Doctor of Legal Sciences, professor,<br>Dmitri8@yandex.ru<br>Graduate Department;<br>Tolyatti State University,<br>Belorusskaya St. 14, Tolyatti, 445020,<br>Russian Federation |
|---|---|

### О ЦЕЛЯХ И ФУНКЦИЯХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ\*

**Аннотация.** Автором статьи исследуется механизм обеспечения национальной безопасности, определяются его структурные элементы, в том числе институциональная составляющая. Обосновывается отсутствие тождества между механизмом обеспечения национальной безопасности, механизмом правового регулирования и механизмом государства. Исходя из концепции юридической ответственности как целостного правового явления, включающего позитивный и негативный аспекты реализации, определяются регулятивная, превентивная, карательная, восстановительная и воспитательная функции юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности, а также соответствующие им цели. Особое внимание уделяется регулятивной функции юридической ответственности, как первичной по отношению к другим функциям, которая направлена на развитие динамики и эффективное действие всего механизма обеспечения национальной безопасности в целом. Обосновывается, что специфика функций юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности заключается в том, что они в основном направлены внутрь данного механизма и обеспечивают нормальное действие других его элементов, а внешнее воздействие на иные общественные отношения происходит опосредованно через действие всего механизма обеспечения национальной безопасности в целом.

**Ключевые слова:** юридическая ответственность; национальная безопасность; функции юридической ответственности; цели юридической ответственности; механизм обеспечения национальной безопасности; регулятивная функция; превентивная функция; карательная функция; восстановительная функция.

Для цитирования: Липинский Д.А. О целях и функциях юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 3 (53). С. 6-20.

### ON THE OBJECTIVES AND FUNCTIONS OF LEGAL RESPONSIBILITY IN THE MECHANISM FOR ENSURING NATIONAL SECURITY\*\*

**Annotation.** The author of the article analyzes the mechanism for ensuring national security, determines its structural elements, including the institutional component. The absence of the identity between the mechanism of ensuring national security, the mechanism of legal regulation and the mechanism of the state is substantiated. Basing on the concept of legal responsibility as an integral legal phenomenon that includes the positive and negative aspects of its implementation, the regulatory, preventive, punitive, reestablishing and educational functions of legal responsibility in the mechanism for ensuring national security, as well as their corresponding goals, are defined. Special attention is paid to the regulatory function of legal responsibility, as a primary one in relation to other functions, which is aimed at developing the dynamics and effective operation of the entire mechanism for ensuring national security. It is proved that the specificity of the functions of legal responsibility in the

\* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект N 19-011-00083 А «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности».

\*\* The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 19-011-00083 A "Legal Responsibility in the Mechanism of Ensuring National Security".

mechanism for ensuring national security is that they are mainly directed inside this mechanism and ensure the normal operation of its other elements, while external influence on other social relations occurs indirectly through the action of the mechanism for ensuring national security as a whole.

**Keywords:** legal responsibility; national security; functions of legal responsibility; goals of legal responsibility; mechanism for ensuring national security; regulatory function; preventive function; punitive function; reestablishing function.

For citation: Lipinsky D.A. On the objectives and functions of legal responsibility in the mechanism for ensuring national security // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 3 (53). P. 6-20.

**Введение.** В начале статьи необходимо определить базовые (исходные) положения, которые будут использоваться в исследовании. Прежде всего, следует обратиться к понятию механизма обеспечения национальной безопасности и его основным элементам. Несмотря на то, что понятие «механизм» применительно к правовым и государственно-правовым явлениям активно используется в юридической литературе уже не одно десятилетие [1], относительно категории «механизм обеспечения национальной безопасности» исследователи находятся еще на начальном этапе его разработки. Например, некоторые ученые базовым элементом для определения механизма обеспечения национальной безопасности считают механизм государства [2, с. 11]. В рамках данной позиции механизм обеспечения национальной безопасности предстает в виде государственных органов, на которые возложены обязанности по обеспечению национальной безопасности, а также институтов гражданского общества, привлекаемых для реализации функций обеспечения национальной безопасности.

Другие исследователи отмечают наличие государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности, в который входит система государственных институтов, выполняющих свои функции на основе нормативных правовых актов в целях обеспечения национальных интересов [3, с. 10]. С.Ю. Чапчиков, посвятивший механизму национальной безопасности докторскую диссертацию, полагает, что в механизм обеспечения национальной безопасности «входят юридические нормы; правовые отношения; акты реализации прав и обязанностей, акты применения права; система государственных органов, цели, задачи, способы, основные направления обеспечения национальной безопасности» [4, с. 13]. В совмест-

ной работе С.Ю. Чапчиков и В.П. Беляев раскрывают механизм обеспечения национальной безопасности как единство государственных институтов, основной или дополнительной функцией которых является обеспечение национальной безопасности [5, с. 21]. В.К. Бабаев и В.М. Баранов под механизмом обеспечения национальной безопасности предлагают понимать «единство организационно оформленных государством специальных органов, которые в соответствии с интересами человека, общества и государства решают задачи обеспечения безопасности страны и в этих целях осуществляют в строго определенных формах государственное руководство и практически реализуют в своей деятельности функции обеспечения национальной безопасности» [6, с. 120].

Проблема усложнена еще и тем, что понятие механизма обеспечения национальной безопасности не является сугубо юридическим, так как в него включаются политические, информационные, управленческие, мотивационные и организационные элементы [7]. Кроме того, данное явление исследуется не только в правовых науках, но и экономистами, философами, а также представителями политологической науки, и каждый из исследователей стремится привнести в понятие механизма обеспечения национальной безопасности составляющую, обусловленную предметом своей отрасли научного знания [8; 9; 10].

Если обратиться к нормативным правовым актам и закрепленным законодательным дефинициям, то в них оперируют понятиями «обеспечение национальной безопасности» и «система обеспечения национальной безопасности». Так, в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683 (далее — Стратегия национальной

безопасности) «обеспечение национальной безопасности — реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов» (абз. 4 п. 6)\*.

При этом под системой обеспечения национальной безопасности понимается «совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов» (абз. 6 п. 6). Несложно заметить, что законодательство оперирует понятием «система обеспечения национальной безопасности». Как справедливо указывается в литературе, это близкие, но не тождественные явления [5, с. 20]. В Стратегии национальной безопасности не раскрывается и понятие инструментов, при помощи которых реализуется национальная безопасность. Очевидно, что основными инструментами выступают государственная власть и право, которое включает такой «цементирующий» его элемент, как институт юридической ответственности.

На наш взгляд, с одной стороны, механизм обеспечения национальной безопасности является частью механизма государства, его отдельным сложным структурным элементом, в который входят присущие ему блоки. С другой стороны, недопустимо механическое соединение механизма правового регулирования с его классическими элементами (на которые указывает С.Ю. Чапчиков), с механизмом государства, несмотря на то, что в современном государственно-организованном обществе органы, реализующие национальную безопасность, действуют исключительно на основе норм права. Это два относительно самостоятельных механизма, которые тесно взаимодействуют друг с другом. Кроме того, в данный механизм

органически включена и сама юридическая ответственность, обладающая собственным механизмом реализации. В связи с этим можно прийти к выводу, что механизм обеспечения национальной безопасности состоит не только из отдельных элементов, но и из входящих в него механизмов. Таким образом, его можно представить как сложный механизм, включающий в себя различные микромеханизмы, одним из которых и является юридическая ответственность, взятая в совокупности ее основных элементов.

Другая отправная составляющая заключается в самом понимании юридической ответственности, которое является весьма дискуссионным в юридической науке. Так, от того, что понимается под юридической ответственностью, зависит и количество реализуемых ей функций. Если исходить из определения юридической ответственности как следствия правонарушения, то из числа ее функций будет исключена регулятивная составляющая. При определении юридической ответственности как единого правового явления, включающего в себя позитивную и негативную формы реализации, перечень ее функций и целей будет совсем иной. В настоящей работе не планируется дискуссия и не приводятся многочисленные доводы, подчеркивающие юридический характер позитивной ответственности (это не является целью данной статьи), а только содержится ссылка на работы автора, в которых раскрыта указанная проблема [11; 12].

Подчеркнем, что под юридической ответственностью понимаем целостное правовое явление, включающее право и обязанность субъекта на правомерное поведение, которое влечет одобрение или поощрение со стороны уполномоченных органов, а в случае нарушения обязанности или злоупотребления правом — дополнительную обязанность, сущность которой заключается в претерпевании субъектом различных неблагоприятных последствий правонарушения, которые носят личный, имущественный, организационный или иной характер [13, с. 41]. Любое определение не может охватить всех признаков и проявлений такого сложного правового явления, как юридическая ответственность. В связи с этим дополнительно не-

\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 1 (ч. II). Ст. 212.

обходимо указать, что и позитивная, и негативная составляющие такого единого правового явления, как юридическая ответственность, включают статическую и динамическую стадии, каждая из них обладает своими целями и функциями, реализуясь не одновременно, а зависящими от различных юридических фактов. Статическая составляющая позитивной юридической ответственности включает право и (или) обязанность действовать правомерно, а динамическая – само правомерное поведение, и факультативно – применение мер поощрения. Статика негативной (ретроспективной) юридической ответственности включает обязанность претерпеть различные неблагоприятные правоограничения, которые обусловлены юридическим фактом правонарушения, а динамика заключается непосредственно в самом претерпевании различных правоограничений. При этом функции и цели обладают своей спецификой применительно как к статической, так и к динамической составляющей негативного аспекта юридической ответственности.

**Основная часть исследования.** Известно, что функции тех или иных государственно-правовых явлений производны от задач, которые стоят перед ними. Безусловно, механизм обеспечения национальной безопасности относится к государственно-правовым явлениям, и в нем органически сочетаются как функции государственных органов, так и функции различных правовых средств. В связи с этим сложно согласиться с мнением С.В. Хмелевского [14, с. 154] и С.Ю. Чапчикова [15, с. 275], которые функции и цели отождествляют с отдельными направлениями деятельности самих государственных органов. При этом нормативную основу они включают в механизм обеспечения национальной безопасности. Так, к функциям механизма обеспечения национальной безопасности ими отнесены: «прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз безопасности; определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области обеспечения безопасности; правовое регулирование в области обеспечения безопасности» [15, с. 285] и другие.

Между тем правовые средства, в том числе юридическая ответственность, бу-

дучи включенными в данный механизм, осуществляют собственные функции, которые дополняют, а нередко и обеспечивают реализацию государственными органами присущих им функций в данной сфере. Фактически С.Ю. Чапчиков с небольшими коррективами перечисляет положения ст. 3 (содержание деятельности по обеспечению безопасности) Федерального закона «О безопасности». Однако положения о содержании деятельности могут указывать на наличие тех или иных функций, но не являются тождественными с ними. Кроме того, всем известна фраза, которая давно стала крылатой: «юридическая наука начинается там, где мы можем сказать “нет” законодателю». Если писать обобщенно, то механизму обеспечения национальной безопасности в целом присуща охранительная функция государства, лишь с тем отличием, что здесь она характеризуется специфическими объектами и субъектами воздействия, а также подразделяется на ряд подфункций, которые, в свою очередь, взаимодействуют с функциями права. В действительности ни одна функция государства или государственного органа не может реализовываться вне специально-юридических функций права, на это справедливо указывается в юридической литературе [16, с. 140].

Относительно количества функций и целей юридической ответственности в правовой литературе ведутся оживленные дискуссии, но следует исходить из того, что юридическая ответственность выполняет регулятивную, превентивную, карательную, восстановительную и воспитательную функции [17, с. 220; 18, с. 99]. Деление различных направлений правового воздействия юридической ответственности происходит на основе их целевого предназначения в механизме обеспечения национальной безопасности.

Функции юридической ответственности часто подразделяют в зависимости от отраслевой принадлежности или целей, которые они обеспечивают, но системе известны и межотраслевые образования. В частности, к одному из них относится институт национальной безопасности. Следовательно, можно утверждать о существовании регулятивной, превентивной, восстановительной и карательной функций юри-

дической ответственности, но уже в сфере обеспечения национальной безопасности. Ранее нами была разработана классификация функций юридической ответственности. Однако необходимо уточнить, что составной частью безопасности является состояние защищенности, а весь механизм обеспечения национальной безопасности как раз и направлен на создание такого состояния. Между тем состояние защищенности — это комплексная категория, которая включает регулирование отношений, предупреждение правонарушений, восстановление прав, а также кару самого правонарушителя. Таким образом, наличие указанных функций вытекает также из категории «создание состояния защищенности».

Правовые средства (к которым относится и юридическая ответственность во всех ее проявлениях, включая позитивную составляющую) в механизме обеспечения национальной безопасности преследуют цель создания упорядоченного состояния общественных отношений, иначе — их урегулирования в сфере обеспечения национальной безопасности, так как социальное предназначение и роль юридической ответственности состоит прежде всего в урегулировании поведения субъектов. Поскольку регулятивная функция подразделяется на регулятивно-статическую и регулятивно-динамическую, то следует утверждать, что регулятивная функция определяет различные варианты поведения субъектов.

Данных субъектов можно подразделить на две большие категории. Во-первых, это государственные органы и учреждения, в обязанности которых входит обеспечение национальной безопасности. Во-вторых, к ним относятся обычные граждане и юридические лица, на которых распространяются требования нормативных правовых актов, составляющих правовую основу национальной безопасности. Если обратиться к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности»\* (далее — Федеральный закон «О безопасности»), то в содержание деятельности по обеспечению безопас-

ности, наряду с другими составляющими, включено правовое регулирование в области обеспечения безопасности (п. 3 ст. 3). Таким образом, в законе презюмируется наличие регулятивной функции права в целом, одним из проявлений которой и является регулятивная функция юридической ответственности.

Федеральный закон «О безопасности» определяет перечень субъектов ее обеспечения. К их числу относятся: Президент Российской Федерации; Совет Федерации; Государственная Дума; Правительство Российской Федерации; федеральные органы исполнительной власти; органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления; Совет Безопасности. При этом закон не конкретизирует, какие федеральные органы исполнительной власти обеспечивают национальную безопасность, что вполне объяснимо рамочным характером закона.

Регулятивная функция конституционного права закрепляет позитивную юридическую ответственность Президента Российской Федерации. Она предопределена прежде всего его особым статусом и ролью гаранта Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации). Регулирующее воздействие конституционной ответственности выражено в том, что Президент Российской Федерации «принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти». Он ответственен за принятие данных решений, а в Конституции Российской Федерации посредством регулятивно-статической подфункции смоделированы правомерные варианты его действий. Они вполне коррелируются с объектами национальной безопасности Российской Федерации, закрепленными в Стратегии национальной безопасности. Так, из определения понятия национальной безопасности следует, что ее объектами являются конституционные права и свободы граждан; суверенитет; независимость; государственная и территориальная целостность.

Правительство Российской Федерации является коллективным субъектом

\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 1. Ст. 2.

национальной безопасности, а в ст. 3 Федерального конституционного закона Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. N 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»\* ответственность определяется в качестве одного из принципов его деятельности. Здесь подразумевается ответственность за подготавливаемые и принимаемые решения, в том числе и в сфере обеспечения национальной безопасности, то есть ее позитивная составляющая, которая выступает в роли управляющего фактора при принятии соответствующих решений. Именно Правительство Российской Федерации обязано в рамках своих полномочий организовывать исполнение Конституции Российской Федерации, а также различных видов нормативных правовых актов, на основе которых реализуется национальная безопасность. Кроме того, Правительство Российской Федерации является и правотворческим органом, осуществляющим подзаконное нормативно-правовое регулирование. На него возложена обязанность по принятию различных видовых стратегий национальной безопасности, наличие которых непосредственно вытекает из Стратегии национальной безопасности.

Позитивная юридическая ответственность и ее регулирующая роль деятельности таких высших органов государственной власти, как Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации, подтверждается и рядом решений Конституционного Суда Российской Федерации. Так, обеспечение взаимодействия органов государственной власти — одна из основ национальной безопасности, за это несет юридическую ответственность глава государства\*\*. В другом решении Консти-

\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 51. Ст. 5712.

\*\* По делу о проверке конституционности положения пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.М. Асельдерева, К.Г. Рабаданова, Г.К. Сулейманова и Е.В. Тарышкина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 2014 г. N 7-П // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2014. N 3.

туционного Суда Российской Федерации отмечается наличие юридической ответственности главы государства за деятельность, осуществляемую Правительством Российской Федерации\*\*\*. Кроме того, указывается на ответственность публичной власти за сохранение окружающей природной среды\*\*\*\*, которая, как известно, включена в приоритеты, обуславливающие национальную безопасность.

Анализ Конституции Российской Федерации показывает, что в ней отсутствует понятие «национальная безопасность», но сам термин «безопасность» используется в различных значениях, и достаточно часто под ним подразумевается или национальная безопасность в целом, или отдельная ее разновидность. Например, в Конституции Российской Федерации устанавливается запрет на подрыв безопасности государства и содержится примерный перечень действий, которые могут быть на это направлены (ч. 5 ст. 13). Безопасность труда устанавливается в нем как конституционная ценность и конституционное право (ч. 3 ст. 37); обеспечение безопасности государства выступает в качестве одного из критериев, на основе которых могут быть ограничены права и свободы человека и гражданина, а также юридических лиц и лиц, занимающих государственные должности, которые обладают соответствующим иммунитетом (ч. 3 ст. 55, ч. 2 ст. 74; ст. 98); оборона и безопасность находятся в исключительном ведении Российской

\*\*\* По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в связи с жалобами граждан А.С. Зорина, А.Г. Кожушного и других»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июня 2013 г. N 12-П // Там же. 2013. N 6.

\*\*\*\* По делу о проверке конституционности статьи 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Тополь»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2013 г. N 5-П // Там же. 2013. N 5.

Федерации (п. «м» ст. 71); обеспечение экологической безопасности относится к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п. «д» ст. 72). Особо следует отметить, что обеспечение безопасности закреплено в присяге Президента Российской Федерации (ст. 82). Специально подчеркивается, что Правительство Российской Федерации «осуществляет меры по обеспечению обороны страны, государственной безопасности» (п. «д» ст. 114). За соблюдение запретов, выполнение обязанностей, принятие решений в данной сфере государственные органы несут юридическую ответственность. Запрет, обязывание, дозволение — это способы реализации регулятивной функции юридической ответственности.

Государственная Дума Российской Федерации и Совет Федерации также являются органами, реализующими национальную безопасность посредством своей правотворческой деятельности. В Стратегии национальной безопасности неоднократно указывается на совершенствование правового регулирования, направленного на обеспечение национальной безопасности; необходимость развития нормативно-правовой базы. В ней также отмечается, что не полностью сформированная нормативно-правовая база относится к одному из факторов, которые негативным образом влияют на состояние национальной безопасности. Как уже указывалось, регулятивная функция права в целом и юридической ответственности в частности включает регулятивно-статическую и регулятивно-динамическую составляющие.

Проблема нормального функционирования механизма обеспечения национальной безопасности заключается в том, что сами обязанности абстрактны, расплывчаты и не подкреплены мерами государственного принуждения. В таких случаях сложно утверждать о возможной динамике общественных отношений. Известно, что законодательный орган страны призван решать поставленные в Стратегии национальной безопасности задачи по совершенствованию ее обеспечивающей нормативно-правовой базы. Однако ответственность в Стратегии национальной безопасности закреплена на уровне декларации. В частности, можно выделить

положения: «повышается социальная ответственность органов обеспечения государственной и общественной безопасности» (п. 47); необходимо «уточнить полномочия и ответственность в сфере охраны здоровья граждан федеральных органов государственной власти» (п. 74). При этом ответственность законодателя за принятие нормативных правовых актов, обеспечивающих национальную безопасность, отсутствует. Декларирование ответственности — это не самый эффективный и действенный способ реализации регулятивной функции юридической ответственности в сфере обеспечения национальной безопасности.

Как уже указывалось, перечень органов исполнительной власти, которые являются субъектами механизма обеспечения национальной безопасности, Федеральным законом «О безопасности» не конкретизирован. Он достаточно обширен. В той или иной степени все министерства, ведомства, федеральные агентства являются субъектами ее обеспечения, с той лишь разницей, что для одних обеспечение национальной безопасности является основной функцией, а другие реализуют ее в процессе осуществления иных функций. В данном случае речь идет о коллективных субъектах. Однако регулятивная функция юридической ответственности распространяет свое действие и на индивидуальных субъектов, наделенных властными полномочиями, — государственных и муниципальных служащих, а также на лиц, занимающих государственные должности.

О воздействии регулятивной функции юридической ответственности на государственных и муниципальных служащих автором неоднократно отмечалось и ранее, но в данном случае следует подчеркнуть, что посредством обязанностей, запретов и дозволений регулируются их полномочия, направленные на обеспечение национальной безопасности. Однако здесь возникает большая проблема — в последние годы оценка их деятельности становится более формальной и направлена отнюдь не на достижение результата, который показывал бы, насколько улучшилась сфера обеспечения национальной безопасности. Кроме того, проблема индивидуальной юридической ответственности в сфере обеспечения национальной

безопасности связана с коллективной ответственностью, так как эффективность деятельности государственного органа в целом зависит от действий конкретных индивидуальных субъектов. Думается, что на законодательном уровне необходимо использовать также такой способ реализации регулятивной функции, как поощрение, и для индивидуальных, и для коллективных субъектов.

Нельзя не обратить внимание на институты гражданского общества, которые в Стратегии национальной безопасности непосредственно закреплены в качестве субъектов обеспечения национальной безопасности. Причем гражданское общество в данном документе указывается не только в качестве субъекта, но и в качестве приоритетной ценности. Фактически говорится о необходимости его совершенствования. В каждом разделе Стратегии национальной безопасности указывается, что институты гражданского общества – это субъекты обеспечения того или иного вида национальной безопасности. При этом не конкретизируется, что это за субъекты и как они должны взаимодействовать с институтами государственной власти. Очевидно, что в отношении данных субъектов подразумевается только позитивная юридическая ответственность. Однако в отношении гражданского общества запреты и ограничения не конструктивны, поскольку они являются антиподом гражданского общества и сдерживают инициативу субъектов. Думается, что и одними дозволениями здесь проблему не решить. Как нами уже указывалось ранее, поощрение – это факультативная стадия юридической ответственности и одновременно один из способов реализации регулятивной функции. Стимулировать институты гражданского общества к обеспечению национальной безопасности возможно только посредством использования поощрения и дозволений, детальная разработка которых не входит в предмет настоящего исследования.

Итак, регулятивная функция юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности – это одно из направлений правового воздействия, направленное на закрепление, упорядочение и развитие общественных

отношений, фактическим содержанием которых является деятельность властных субъектов и институтов гражданского общества, посредством которых поддерживается на должном уровне реализация механизма обеспечения национальной безопасности.

Ни одно определение не может отразить все признаки соответствующего понятия. В связи с этим необходимо отметить, что регулятивную функцию в механизме обеспечения национальной безопасности характеризуют следующие специфические признаки: особый объект воздействия – общественные отношения национальной безопасности; специфический субъектный состав – индивидуальные и коллективные властные субъекты, отвечающие за состояние национальной безопасности, а также институты гражданского общества; способы воздействия – обязывание, дозволение, запрет, формулирование составов правомерной деятельности и поведения, на которые должны ориентироваться субъекты, в отношении которых осуществляется воздействие.

При этом необходимо иметь в виду, что юридическая ответственность – это только одно из правовых средств, при помощи которых происходит регламентация деятельности субъектов, обеспечивающих национальную безопасность. Наличие регулятивной функции обусловлено соответствующей целью – упорядочить и развить общественные отношения в сфере национальной безопасности.

Наличие цели предупреждения нарушений общественных отношений в сфере обеспечения национальной безопасности предопределяет существование превентивной функции, которая, в свою очередь, подразделяется на две подфункции – частной и общей превенции. Наличие превентивной функции непосредственно вытекает из ряда положений Стратегии национальной безопасности. Например, в ней указывается на совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (п. 44). Отмечается, что в целях обеспечения государственной и общественной безопасности «развивается система выявления, предупреждения и пресечения...» (абз. 1 п. 47); «создаются механизмы предупреждения и нейтрали-

зации социальных и межнациональных конфликтов» (абз. 2 п. 47).

В Федеральном законе «О безопасности» в качестве одного из принципов ее обеспечения называется «соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина» (ст. 2). Известно, что защита — это один из моментов охраны [19, с. 130], а в рамках охранительной функции реализуется и превентивная. В содержание деятельности по обеспечению безопасности входит предупреждение и устранение угроз безопасности (п. 4 ст. 3). Стратегия национальной безопасности — это только один из нормативных правовых актов, которым она определяется и регулируется. Положения о превентивной функции и соответствующей цели можно также найти и в иных нормативных правовых актах: Концепции общественной безопасности в Российской Федерации\*; Стратегии государственной антинаркотической политики до 2020 года\*\*; Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года\*\*\* и др.

В многочисленных нормативных правовых актах, положения которых направлены на обеспечение нормального функционирования механизма обеспечения национальной безопасности, предупреждение и пресечение различных правонарушений является целью или задачей всего нормативного правового акта, а следовательно, и той части норм, которые непосредственно направлены на обеспечение национальной безопасности. Например, одной из задач УК РФ является предупреждение преступлений (ст. 2). В статье 1.2 КоАП РФ предусмотрена за-

дача предупреждения административных правонарушений. В статье 2 Федерального закона от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму»\*\*\*\* приоритет мер по предупреждению терроризма выступает в качестве одного из основных принципов противодействия терроризму (ст. 2). Аналогичный принцип предусмотрен и в ст. 3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции»\*\*\*\*\*; ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»\*\*\*\*\* и др. Перед органами государственной власти, которые непосредственно обеспечивают национальную безопасность и реализуют юридическую ответственность, ставится задача предупреждения преступлений и иных правонарушений. Например, такая задача закреплена в ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»\*\*\*\*\* и др.

Превентивная функция в механизме обеспечения национальной безопасности производна от регулятивной. Предупредить от нарушения можно только те общественные отношения, которые уже урегулированы правовыми нормами. Общую превенцию достаточно сложно отграничить от регулятивного воздействия, так как в качестве способов осуществления данной функции выступают обязанности и запреты, которые также направляют деятельность субъектов обеспечения национальной безопасности в необходимое русло.

В этом смысле динамическая подфункция регулятивной функции соединяется с его превентивным направлением правового воздействия, которое, предупреждая от нарушения общественные отношения, одновременно содействует их регулированию. Однако у общей превенции есть и существенное отличие от регулятивного воздействия, так как ей присущ такой способ, как угроза применения мер юридической ответственности. Применительно к пред-

\* Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 14 нояб. 2013 г. N Пр-2685 // Президент России: сайт. URL: <http://kremlin.ru>

\*\* Стратегия государственной антинаркотической политики до 2020 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 23 февр. 2010 г. N 690 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 24. Ст. 3015.

\*\*\* Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. N 344 // Президент России: сайт. URL: <http://kremlin.ru>

\*\*\*\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 11. Ст. 1146.

\*\*\*\*\* Там же. 2008. N 52 (ч. II). Ст. 6228.

\*\*\*\*\* Там же. 2002. N 30. Ст. 3031.

\*\*\*\*\* Там же. 2011. N 7. Ст. 900.

мету нашего исследования она (угроза) исходит от санкций норм, которые устанавливают ответственность за нарушение общественных отношений, обеспечивающих национальную безопасность.

Проблема выделения подобного рода норм из всего нормативного массива не входит в предмет данной статьи, но некоторые базовые моменты необходимо отметить. Прежде всего, к таким нормам следует отнести весь институт конституционной ответственности; нормы уголовного права, регулирующие ответственность за коррупционные преступления; нормы УК РФ, предусматривающие ответственность за преступления против общественной безопасности (гл. 24); ряд норм, предусмотренных главой о преступлениях против здоровья населения и общественной нравственности; некоторые нормы, предусматривающие ответственность за экологические преступления (гл. 26). Безусловно, такие нормы содержатся и в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Аналогичные положения содержатся в КоАП РФ, а также в иных нормативных правовых актах.

О том, какие нормы относятся к устанавливающим ответственность за нарушение нормального функционирования механизма обеспечения национальной безопасности, можно говорить, исходя из объектов национальной безопасности, а также угроз, которые закреплены как в общей Стратегии национальной безопасности, так и в видовых стратегиях и концепциях. По данным ряда ученых [см., например: 15, с. 120; 2, с. 10], правовой массив, составляющий только основу правового регулирования национальной безопасности, включает более 4 тыс. нормативных правовых актов различной юридической силы. Отдельные нормы, от которых исходит превенция возможных нарушений национальной безопасности независимо от конкретной обстановки и возможных угроз, всегда относятся к блоку предписаний, составляющих правовое «ядро» нормативного функционирования национальной безопасности. Негативные явления и процессы, которые угрожают национальной безопасности, должны носить глобальный характер, и поэтому не всегда ту или иную норму можно от-

нести к обеспечивающей национальную безопасность. В противном случае можно прийти к парадоксальному выводу о том, что обычная клевета или оскорбление посягают на национальную безопасность, так как личность с ее правами и свободами является высшей ценностью, которая, как известно, выступает объектом национальной безопасности. С другой стороны, ввиду повышенной общественной опасности некоторых правонарушений, даже единичное деяние может существенно затрагивать интересы национальной безопасности.

Специфика превентивной функции в механизме обеспечения национальной безопасности заключается еще и в том, что, в отличие от регулятивной, ее действие в равной степени распространяется как на властных субъектов, так и на обычных граждан, которые обязаны соблюдать запреты и исполнять обязанности. Однако сам механизм действия превентивной функции в отношении властных субъектов несколько отличается на психологическом (мотивационном) уровне. Обязанности и запреты, которые распространяют свое действие на субъектов, обеспечивающих национальную безопасность, являются частью их должностных обязанностей и предполагают возможность принуждения, убеждения и поощрения. К обычным гражданам относится лишь часть запретов и обязанностей, которые направлены на недопущение нарушения национальных интересов, и гарантируются они силой государственного принуждения и убеждения, исключая поощрение как таковое. Более того, под их действием формируется так называемое «привычное» правомерное поведение, а в повседневной деятельности граждане практически не соотносят свое поведение с предписаниями правовых норм ввиду прошедшей ранее социализации.

Как уже отмечалось ранее, направление общей превенции тесным образом связано с динамическим воздействием регулятивной функции и различать их возможно только теоретически. Этого нельзя сказать о частнопредвентивной подфункции, реализация которой обусловлена непосредственным применением мер государственного принуждения с целью исключения субъекта из самого механизма обеспечения национальной безопасности,

что не дает ему совершить аналогичное правонарушение в будущем. Воздействие в виде исключения из механизма обеспечения национальной безопасности свойственно в отношении властных субъектов, так как они непосредственно обеспечивают действие указанного механизма. Применительно к гражданам меры юридической ответственности направлены на то, чтобы исключить возможное нарушение данного механизма извне. Существенно отличается и сам механизм действия общей и частной превенции. Общая превенция действует уже ввиду самого факта наличия соответствующих норм, а для реализации частной превенции необходима деятельность уполномоченных органов и принятие актов применения юридической ответственности.

Итак, превентивная функция юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности — это одно из направлений правового воздействия, нацеленное на предотвращение нарушений общественных отношений, являющихся объектом правового регулирования национальной безопасности, которая состоит из двух подфункций (частной и общей превенции), различающихся между собой объектами и субъектами воздействия, а также способами осуществления. Одновременно необходимо указать и на специфические признаки превентивной функции в механизме обеспечения национальной безопасности: ее наличие обусловлено специальной целью предупреждения, которая закреплена в различных нормативных правовых актах, регулирующих национальную безопасность; обладает особым объектом воздействия — это сам механизм обеспечения национальной безопасности и общественные отношения, входящие в его состав; различен механизм воздействия превентивной функции в отношении властных субъектов и обычных граждан; на уровне общей превенции тесным образом взаимодействует с регулятивной функцией, но существенно отличается от ее действия на уровне частной превенции; способами ее осуществления выступают запреты, обязывание, угроза применения мер юридической ответственности, а также непосредственное применение мер юридической ответственности.

Наличие цели кары и соответствующей ей функции юридической ответственности в целом, а значит, и в сфере обеспечения национальной безопасности является спорным в юридической литературе. По данной проблеме следует придерживаться позиции тех ученых, которые признают наличие цели кары, но не считают ее самоцелью и понимают ее как справедливое, гуманное и цивилизованное возмездие, а не в том значении, которое ей придавалось в более ранние исторические периоды существования государства и права [20, с. 68].

Применительно к предмету данного исследования отметим, что существование карательной функции в механизме обеспечения национальной безопасности подчеркивает наличие в основополагающих нормативных правовых актах таких терминов, как «борьба» и «противодействие». Так, в различных контекстах в Стратегию национальной безопасности они включены 22 раза. Например, отмечается, что необходимы «активные меры по борьбе с коррупцией, теневой и криминальной экономикой» (п. 58). Аналогичная терминология содержится и в иных документах стратегического планирования: в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации; Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года и др.

Правовой «арсенал», при помощи которого реализуется карательная функция в механизме обеспечения национальной безопасности, достаточно широк. Он представлен мерами юридической ответственности, закрепленными практически во всех отраслях отечественного права: конституционном; уголовном; административном; служебном; и так далее. Детальный анализ всех указанных мер не входит в предмет настоящего исследования. Однако необходимо отметить, что карательная составляющая может реализовываться как в отношении обычных граждан, так и в отношении властных субъектов, но для последних она носит повышенный характер [21, с. 648]. В этом состоит одна из особенностей карательной функции в механизме обеспечения национальной безопасности. В отличие от регулятивного и общепревентивного воздействия для реализации ка-

рательной функции необходимо действие всех элементов механизма правового регулирования, которое условно можно выразить в следующей схеме: норма юридической ответственности, направленная на обеспечение национальной безопасности — юридический факт в виде правонарушения, посягающего на национальную безопасность — правоотношения юридической ответственности — акт применения юридической ответственности. Таким образом, в рамках механизма обеспечения национальной безопасности начинает действовать отдельный механизм правового регулирования юридической ответственности. Кроме того, в пределах данного механизма реализуется и частная превенция.

Если сопоставлять механизмы действия карательного направления и регулятивного, то последнее схематично можно отобразить следующим образом: норма права — юридические факты, влекущие появление соответствующих обязанностей — правомерное поведение или деятельность, направленная на обеспечение национальной безопасности — применение мер поощрения (последнее носит факультативный характер). В статье специально не указываются акты реализации прав и обязанностей в качестве отдельного элемента механизма правового регулирования, так как считаем, что они осуществляются в рамках правомерного поведения (деятельности). Таким образом, в рамках механизма обеспечения национальной безопасности действуют относительно самостоятельные механизмы, с присущими им функциями, которые в целом направлены на обеспечение национальной безопасности. Относительно карательной функции полагаем необходимым также отметить, что она реализуется для эффективного осуществления частной превенции и восстановления нарушенных общественных отношений, так как кара — это не самоцель. Сама специфика карательной функции достаточно подробно исследована в юридической литературе и ее суть заключается в претерпевании субъектом различных ограничений личного, имущественного, неимущественного, организационного и другого характера.

Одновременно с карательной функцией в механизме обеспечения нацио-

нальной безопасности реализуется и восстановительная функция, направленная на нормализацию и приведение общественных отношений в прежнее состояние. Ее наличие обусловлено самим механизмом защиты общественных отношений, который, как уже отмечалось, представляет собой комплексное правовое явление. Кроме того, основополагающие нормативные правовые акты в механизме обеспечения национальной безопасности специальной терминологией подчеркивают наличие восстановительной функции.

Например, в Стратегии национальной безопасности отмечается, что целями обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования являются сохранение и восстановление природных систем (п. 83). На первый взгляд, восстановительная функция юридической ответственности реализуется только вместе с карательной, и способы ее осуществления производны от приемов, которые используются для реализации кары. Отчасти такое утверждение является верным, если делать его без учета специфики позитивной юридической ответственности, которая реализуется, в частности, при помощи поощрительных мер. Так, Федеральным законом от 10 января 2002 г. N 7-ФЗ «Об охране окружающей природной среды»\* предусмотрена система поощрительных мер в виде уменьшения платы за негативное воздействие на природу в случае внедрения современных технологий производства, которые минимизируют негативное воздействие на окружающую природную среду. Применяя такие технологии, субъекты проявляют свою позитивную ответственность, направленную на восстановление благоприятной для человека среды обитания, за что следует применение мер поощрения, которые, как отмечается в юридической литературе, могут заключаться и в смягчении имеющихся обязанностей (уменьшении их объема) [22, с. 10].

Отраслевые институты юридической ответственности, а также их меры многообразны и играют неодинаковую роль в механизме обеспечения национальной

\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 2. Ст. 133.

безопасности. Если обратиться к институту уголовной ответственности, целью которого выступает восстановление социальной справедливости (ст. 43), то на первом месте находится карательная функция. Она реализуется посредством устранения субъекта из тех или иных общественных отношений, которые он ранее нарушал, и это приводит к их нормализации. Аналогичное можно отметить и об институте административной ответственности. Для института гражданско-правовой ответственности на первое место выходит восстановительная функция, а карательная является второстепенной. При этом возможно одновременное действие двух и более институтов юридической ответственности для восстановления общественных отношений с целью обеспечения национальной безопасности.

**Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:**

1. Функции юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности обусловлены наличием в нем институционального правового блока и стоящими перед ним целями. Указанный блок условно можно назвать законодательством в сфере обеспечения национальной безопасности, которому соответствует межотраслевой институт юридической ответственности. В рамках данного механизма функции юридической ответственности реализуются при помощи присущего им государственно-правового механизма. Это позволяет сделать вывод о сложном строении механизма обеспечения национальной безопасности, включающем в себя отдельные относительно самостоятельные, но взаимосвязанные механизмы.

Специфика функций юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности заключается в том, что они в основном направлены внутрь данного механизма и обеспечивают нормальное действие других его элементов, а внешнее воздействие на иные общественные отношения происходит опосредованно через действие всего механизма обеспечения национальной безопасности в целом. При этом в механизме обеспечения национальной безопасности различна роль позитивной и негативной составляющих юридической ответственности, дей-

ствие которых чередуется на различных стадиях (этапах) реализации механизма обеспечения национальной безопасности. На основе общих характеристик системы права, юридической ответственности (его отдельной составляющей), целей, а также необходимости защиты национальной безопасности можно сделать вывод о том, что юридическая ответственность в данном механизме выполняет регулятивную, превентивную, карательную, восстановительную и воспитательную функции.

2. Регулятивная функция юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности — это одно из направлений правового воздействия, направленное на закрепление, упорядочение и развитие общественных отношений, фактическим содержанием которых является деятельность властных субъектов и институтов гражданского общества, посредством чего поддерживается на должном уровне реализация механизма обеспечения национальной безопасности. Регулятивную функцию в механизме обеспечения национальной безопасности характеризуют следующие специфические признаки: особый объект воздействия — общественные отношения национальной безопасности; специфический субъектный состав — индивидуальные и коллективные властные субъекты, отвечающие за состояние национальной безопасности, а также институты гражданского общества; способы воздействия — обязывание, дозволение, запрет, формулирование составов правомерной деятельности и поведения; наличие цели — упорядочить и развить общественные отношения в сфере национальной безопасности; наличие взаимосвязей с регулятивной функцией права.

3. Превентивная функция юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности — это одно из направлений правового воздействия, направленное на предотвращение нарушений общественных отношений, являющихся объектом правового регулирования национальной безопасности, которая состоит из двух подфункций (частной и общей превенции), различающихся между собой объектами и субъектами воздействия, а также способами осуществления. Она характеризуется следующими специфиче-

скими признаками: ее наличие обусловлено специальной целью предупреждения; обладает особым объектом воздействия — это сам механизм обеспечения национальной безопасности и общественные отношения, входящие в его состав; использует различные механизмы в отношении властных субъектов и обычных граждан; на уровне общей превенции тесным образом взаимодействует с регулятивной функцией, но существенно отличается от ее действия на уровне частной превенции; способами ее осуществления выступают запреты, обязывание, угроза применения мер юридической ответственности, а также непосредственное применение мер юридической ответственности; наличие взаимосвязей с охранительной функцией права и государства.

4. Карательная функция юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности — это одно из направлений правового воздействия, реализующееся в целях предупреждения, восстановления, воспитания и кары, направленное на сужение имущественных и неимущественных прав субъектов и оформляющее динамику правоотношений

юридической ответственности. Ее признаками являются: юридический факт правонарушения, посягающего на отношения национальной безопасности; наличие нескольких целей, так как кара не самоцель; оформление с ее помощью правоотношений юридической ответственности; способы осуществления в виде сужения тех или иных имущественных или неимущественных прав субъекта; наличие взаимосвязей с охранительной функцией права и государства.

5. Восстановительная функция юридической ответственности в механизме обеспечения национальной безопасности — это одно из направлений правового воздействия, она реализуется в целях восстановления нормальной реализации механизма обеспечения национальной безопасности при помощи мер как позитивной, так и негативной юридической ответственности. Ее признаками выступают: особый объект воздействия, который претерпел негативные изменения; наличие цели восстановления; реализация в рамках как позитивной, так и негативной юридической ответственности; сочетание с карательной и частнопревентивной функциями.

#### Список литературы

1. Шундилов К.В. Правовые механизмы: постановка проблемы // Проблемы теории государства и права. 2002. N 3. С. 81-91.
2. Куковский А.А. Механизм национальной безопасности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2010. Вып. 24. С. 10-14.
3. Удычак Ф.Н. Государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 23 с.
4. Чапчиков С.Ю. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2018. 43 с.
5. Беляев В.П., Чапчиков С.Ю. Понятие и структура механизма обеспечения национальной безопасности: теоретический аспект // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. N 5 (84). С. 17-21.
6. Бабаев В.К., Баранов В.М. Общая теория права. Краткая энциклопедия. Н. Новгород, 1997. 240 с.
7. Панышин В.И. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности ресурсами уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 24 с.
8. Костюк М.Е. Государственная языковая политика и ее роль в механизме обеспечения национальной безопасности: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 21 с.
9. Сироткин А.В. Управленческий консалтинг в механизме обеспечения национальной безопасности: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. 22 с.
10. Дююи И.А. Международные интеграционные процессы в образовании и национальная безопасность России: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2004. 180 с.
11. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 401 с.
12. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты. М.: РИОР, 2013. 144 с.
13. Липинский Д.А., Мусаткина А.А., Чуклова Е.В. Альтернативные санкции в российском праве. М.: РИОР, 2018. 180 с.

14. Хмелевский С.В. Современная система национальной безопасности России: структурно-функциональный анализ // Социально-политические науки. 2011. N 1. С. 152-160.
15. Чапчиков С.Ю. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2018. 414 с.
16. Лапшина О.С. Охранительная функция права в системе функций права и государства: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011. 190 с.
17. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Функционирование юридической ответственности. М.: Директ Медиа, 2013. 400 с.
18. Кабанов П.А. Карательная функция в системе функций юридической ответственности. Тольятти: ВУиТ, 2005. 140 с.
19. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 230 с.
20. Дуюнов В.К. Наказание в уголовном праве России – принуждение или кара? // Государство и право. 1997. N 11. С. 61-68.
21. Одинокова А.В. Должностное лицо как субъект повышенной юридической ответственности через призму законности // Юридическая техника. 2020. N 4. С. 647-650.
22. Малько А.В. Поощрение как правовое средство // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. N 3 (214). С. 3-13.

### References

1. Shundikov K.V. Legal mechanism: problem statement. Problems of the theory of state and law, 2002, no. 3, pp. 81-91. (In Russ.).
2. Kukovskiy A.A. The mechanism of national security. Bulletin of the South Ural state University. Series: Law, 2010, Issue 24, pp. 10-14. (In Russ.).
3. Udychak F.N. State-legal mechanism for ensuring national security. Autoabstract Cand. Diss. Krasnodar, 2011. 23 p. (In Russ.).
4. Chapchikov S.Yu. Conceptual foundations of national security and the mechanism for ensuring it: a theoretical and legal study. Autoabstract Doct. Diss. Kursk, 2018. 43 p. (In Russ.).
5. Belyayev V.P., Chapchikov S.Yu. Concept and structure of the national security mechanism: theoretical aspect. Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management, 2017, no. 5 (84), pp. 17-21. (In Russ.).
6. Babayev V.K., Baranov V.M. General theory of law. Short encyclopedia. Nizhniy Novgorod, 1997. 240 p. (In Russ.).
7. Pan'shin V.I. Organizational and legal mechanism for ensuring national security with criminal justice resources. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2013. 24 p. (In Russ.).
8. Kostyuk M.E. State language policy and its role in the national security mechanism. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2011. 21 p. (In Russ.).
9. Sirotkin A.V. Management consulting in the national security mechanism. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2010. 22 p. (In Russ.).
10. Dyupyui I.A. International integration processes in education and national security of Russia. Cand. Diss. St. Petersburg, 2004. 180 p. (In Russ.).
11. Lipinsky D.A. Problems of legal liability. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2004. 401 p. (In Russ.).
12. Lipinsky D.A., Musatkina A.A. Legal liability, sanctions and protection measures. Moscow, RIOR Publ., 2013. 144 p. (In Russ.).
13. Lipinsky D.A., Musatkina A.A., Chuklova E.V. Alternative sanctions in Russian law. Moscow, RIOR Publ., 2018. 180 p. (In Russ.).
14. Hmelevskiy S.V. Modern national security system of Russia: structural and functional analysis. Social and political Sciences, 2011, no. 1, pp. 152-160. (In Russ.).
15. Chapchikov S.Yu. Conceptual foundations of national security and the mechanism for ensuring it: a theoretical and legal study. Doct. Diss. Kursk, 2018. 414 p. (In Russ.).
16. Lapshina O.S. The protective function of law in the system of functions of law and the state. Cand. Diss. Kazan, 2011. 190 p. (In Russ.).
17. Lipinsky D.A., Musatkina A.A. Functioning of legal responsibility. Moscow, Direkt Media Publ., 2013. 400 p. (In Russ.).
18. Kabanov P.A. Punitive function in the system of legal responsibility functions. Toliatti. VUit Publ., 2005. 140 p. (In Russ.).
19. Matuzov N.I. Legal system and personality. Saratov, Saratov University Publ., 1987. 230 p. (In Russ.).
20. Duyunov V.K. Punishment in Russian criminal law - coercion or punishment? State and law, 1997, no. 11, pp. 61-68. (In Russ.).
21. Odinkova A.V. An official as a subject of increased legal responsibility through the prism of legality. Legal technique, 2020, no. 4, pp. 647-650. (In Russ.).
22. Mal'ko A.V. Promotion as a legal tool. News of higher educational institutions. Jurisprudence, 1996, no. 3 (214), pp. 3-13. (In Russ.).

МУСАТКИНА А.А., MUSATKINA A.A.,  
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,  
Musatkinaaaa@mail.ru, associate professor,  
Musatkinaaaa@mail.ru  
Департамент бакалавриата; Undergraduate Department;  
Тольяттинский государственный Tolyatti State University,  
университет, Tolyattinskaya St. 14, Tolyatti, 445020,  
445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14 Russian Federation

### ФИНАНСОВО-ПРАВОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ\*

**Аннотация.** В статье анализируются признаки правовой безопасности, определяется, какая часть юридической безопасности является составной частью национальной безопасности. Рассматриваются различные точки зрения относительно понимания правовой безопасности, а также обосновывается наличие в данном явлении институционального, правотворческого и правореализационного аспектов. На основе признаков юридической безопасности выявляются характеристики финансово-правовой безопасности. Аргументируется отсутствие тождества понятий «финансовая безопасность» и «финансово-правовая безопасность». Юридические нормы не только опосредуют процессы безопасности в финансовой сфере, их определенная часть составляет финансово-правовую безопасность. По мнению автора статьи, на уровне национальной безопасности можно утверждать о юридической безопасности как об одной из ее составных частей, но с учетом того, что не весь блок правовой безопасности является видом национальной безопасности. Таким же образом выстраивается и соотношение между финансовой и финансово-правовой безопасностью. Сделан вывод о том, что финансово-правовая безопасность представляет собой состояние защищенности финансового права, включающее правотворчество, законодательство и реализацию правовых норм, от угроз правового и антиправового характера.

**Ключевые слова:** национальная безопасность; финансово-правовая безопасность; угрозы финансово-правовой безопасности; признаки финансово-правовой безопасности; финансовая безопасность; налогово-правовая безопасность.

Для цитирования: Мусаткина А.А. Финансово-правовая безопасность: понятие и признаки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 3 (53). С. 21-32.

### FINANCIAL AND LEGAL SECURITY: CONCEPT AND FEATURES\*\*

**Annotation.** The author of the article analyzes the features of legal security and reveals which part of legal security is an integral part of national security. Various points of view regarding the understanding of legal security are considered. The existence of institutional, law-making and law-realization aspects in this phenomenon is substantiated. Basing on the analysis of the features of legal security, the characteristics of financial and legal security are identified. The lack of the identity of the concepts "financial security" and "financial and legal security" is proved. Legal norms not only mediate security processes in the financial sphere, a certain part of them provides financial and legal security. According to the author of the article's opinion, it is possible to assert that legal security is one of the components of the national security, but taking into account the fact that not the entire block of legal security is a type of national security. The relationship between financial and financial and legal security is the same. It is concluded that financial and legal security is the state of protection of financial law, including lawmaking, legislation and implementation of legal norms, from threats having legal and illegal nature.

**Keywords:** national security; financial and legal security; threats to financial and legal security; features of financial and legal security; financial security; tax and legal security.

For citation: Musatkina A.A. Financial and legal security: concept and features // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 3 (53). P. 21-32.

\* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект N 19-011-00083 А «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности».

\*\* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 19-011-00083 A "Legal Responsibility in the Mechanism of Ensuring National Security".

**Введение.** В последние годы в связи со сложной обстановкой в социальной, экономической, политической и иной сферах жизни общества все больше внимания уделяется исследованиям различных видов национальной безопасности: государственной, экономической, политической, военной, правовой и т.д. Они рассматриваются под различными углами зрения представителями многих наук ввиду многогранности указанного явления. Следует отметить, что до настоящего времени финансово-правовая безопасность не подвергалась исследованию, поскольку научный поиск был сосредоточен на понятии финансовой безопасности, тогда как финансово-правовая безопасность и финансовая безопасность являются близкими, но не тождественными явлениями. Между тем от эффективной реализации финансово-правовой безопасности зависит собираемость налогов, выполнение государством своих функций, предотвращение террористических угроз, реализация различных национальных программ, а также должное функционирование институтов гражданского общества.

В настоящее время имеется необходимость в совершенствовании финансово-правовой безопасности и системы национальной безопасности, а также в построении моделей взаимодействия между ними. Финансово-правовая безопасность и национальная безопасность, как одни из приоритетов современности, способствуют решению целого ряда задач, актуальных для стабилизации российского общества. Кроме того, на современном этапе наблюдается количественный и качественный рост финансовых правонарушений, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, совершение банковских операций, связанных с большими рисками, нарушение нормативов, установленных Центральным банком Российской Федерации. Существование транснациональных преступных группировок невозможно без незаконных финансовых операций. Эти и другие негативные явления создают угрозы национальной безопасности и подрывают авторитет России на международной арене. Не последняя роль в минимизации, нейтрализации и устра-

нении угроз национальной безопасности отводится финансово-правовой безопасности.

**Правовая безопасность: понятие и признаки.** Логика представленного исследования основана на принципе перехода от общего к частному. В связи с этим прежде всего необходимо остановиться на понятии национальной безопасности, разновидностью которой является правовая безопасность. Однако проблема здесь усложнена тем, что ввиду комплексности данной научной категории дать полное определение национальной безопасности в принципе невозможно, оно всегда будет ограничено предметом и методом той или иной отрасли научного знания, а также целями и задачами, которые ставит перед собой исследователь. Отметим, что в рамках данной статьи исходным является следующий понятийный ряд: национальная безопасность — юридическая безопасность как часть национальной безопасности — финансово-правовая безопасность.

Причем, как отмечалось в других работах автора, не вся юридическая безопасность своим содержанием входит в явление национальной безопасности. В противном случае оно будет слишком объемным и расплывчатым [1, с. 3]. Только часть правовой безопасности\* включена в содержание национальной безопасности и является разновидностью национальной безопасности. Следует разграничивать категории «правовая безопасность» и «правовая безопасность как часть (вид) национальной безопасности». Так, с одной стороны, понятия «правовая безопасность» и «правовая безопасность как вид национальной безопасности» соотносятся как категории рода и вида, а с другой — «национальная безопасность» и «правовая безопасность как часть национальной безопасности» соотносятся как род и вид [1, с. 19].

Последние годы характеризуются оживленными дискуссиями о понятии и признаках юридической безопасности. При этом большинством исследователей за основу берется определение на-

\* В тексте работы понятия «правовая безопасность» и «юридическая безопасность» используются как синонимы, дискуссия о широком и узком понимании права во внимание не принимается.

циональной безопасности, закрепленное в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683\* (далее – Стратегия национальной безопасности). В предлагаемых различными авторами дефинициях в качестве базовых признаков правовой безопасности указывается на состояние защищенности субъектов; наличие тех или иных угроз, от которых происходит защита; различные объекты безопасности. Сама правовая безопасность исследуется с позиции особого состояния общественных отношений [2, с. 43], процесса обеспечения данного состояния [3, с. 11], также ряд ученых объединяют два названных аспекта [4, с. 10]. Кроме этого, существуют концепции, в которых правовая безопасность определяется как диалектическая противоположность угрозам и опасностям [5, с. 65].

Для большинства направлений в понимании правовой безопасности характерно наличие особенностей, которые, на наш взгляд, являются серьезными методологическими ошибками. Во-первых, чаще всего за основу автоматически берется официальное определение национальной безопасности, содержащееся в Стратегии национальной безопасности, однако оно не лишено существенных недостатков. Во-вторых, оперируя такими базовыми характеристиками, как «угроза», «состояние защищенности», ученые часто не берут во внимание, что это должны быть угрозы правового характера и, соответственно, правовая защищенность. В-третьих, часто отождествляются понятия «обеспечение национальной безопасности правовыми средствами» и «юридическая безопасность». В-четвертых, поскольку аксиоматичным стало утверждение о разграничении системы права и правовой системы, то аналогично должны различаться общее состояние защищенности всей правовой системы общества и защищенности самой системы права. Вследствие этого предлагается рассматривать понятие правовой безопасности в широком и узком смысле.

\* Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 дек. 2015 г. N 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 1 (ч. II). Ст. 212.

В-пятых, происходит отождествление правовой безопасности в целом и правовой безопасности как составной части национальной безопасности, в результате этого последняя превращается в «каучуковое» понятие.

Наша цель – не критика существующего, так как отдельные элементы из уже разработанных концепций взяты в данной статье за основу, а поиск выхода из сложившейся ситуации. Главным представляется не определение юридической безопасности, а выявление ее существенных характеристик, так как само определение не всегда может отразить наиболее важные из них. Итак, при определении правовой безопасности как составной части национальной безопасности необходимо исходить из следующего.

Во-первых, в правовых нормах формализуются государственные, общественные и индивидуальные ценности, а также возможные угрозы, которые поддаются правовому регулированию, что составляет институциональный уровень правовой безопасности.

Во-вторых, путем регламентации прав и обязанностей, а также предоставления свобод и инициатив упорядочивается взаимодействие различных органов, а также институтов гражданского общества и личности по обеспечению правовой безопасности субъектов.

В-третьих, участие уполномоченных органов в обеспечении правовой безопасности происходит посредством правотворческой, правореализационной, контрольной, надзорной, судебной и иной деятельности.

В-четвертых, при определении той части правовой безопасности, которая относится к национальной, необходимо выделять особо важные ценности, закрепленные в правовых нормах, и наиболее опасные угрозы.

Таким образом, в правовой безопасности, являющейся составной частью национальной безопасности, следует выделять институциональный, правотворческий и правореализационный аспекты. Соответственно, правовая безопасность представляет собой защищенность самой системы права, правотворчества, законодательства, реализации права от угроз правового и антиправового характера.

В связи с этим вновь возникает вопрос о том, что необходимо понимать под угрозами правового характера. Думается, что к таковым относятся нормативные правовые акты, не соответствующие критериям антикоррупционной экспертизы, Конституции Российской Федерации; подзаконные акты, не соответствующие законам; правовые неопределенности, пробелы и коллизии; правовые декларации, не снабженные механизмами реализации, а также иные дефекты законодательства. К ним же следует отнести и нормативные акты, в которых не соблюден разумный баланс личных, общественных и государственных интересов, а особенно те, которые создают необоснованные льготы и привилегии для отдельных категорий субъектов (прежде всего для политической элиты, олигархов и иной, очень узкой группы населения нашей страны). Отдельную группу угроз правового характера может представлять юридический тоталитаризм, понимаемый нами не в смысле тоталитарного политического режима [6, с. 759], а как излишняя зарегламентированность общественных отношений, ненужная детализация, формализм в ущерб полезности или вредности тех или иных ценностей, делающие реализацию прав и свобод практически невозможной.

Это примерный и далеко не полный перечень опасностей правового характера. Таким образом, система правовых норм, с одной стороны, не должна содержать подобного рода угроз, а с другой — в ней необходимо присутствие механизмов, направленных на их нивелирование, устранение или минимизацию. Угрозы антиправового характера — это правонарушения, злоупотребления правом, объективно-противоправные деяния, неисполнение обязанностей, а также иные формы проявления правового нигилизма. При этом угрозы правового и антиправового характера взаимосвязаны друг с другом, находятся в состоянии единства и борьбы противоположностей. Они зависят и от ценностей, которые предусмотрены правовыми нормами. Так, придание антиценностям характера ценностей может порождать правонарушения ввиду невосприимчивости их гражданами. Можно отметить, что «отнюдь не парадокс, что для наполнения

бюджета надо не вводить новые или повышать налоги, а снизить или отменить существующие. В результате у людей будет работа, зарплата. Они будут тратить ее на себя, семью, а это будет способствовать развитию экономики и опять же повышению бюджета государства. Но логика некоторых государственных решений иная. А может быть, просто чьи-то интересы не совпадают с интересами всего общества и государства?» [6, с. 763].

Правовая безопасность как составная часть национальной безопасности включает в себя и защищенность от угроз на уровне правореализации, к которым следует относить избирательное правосудие; невыполнение государственными и муниципальными служащими обязанностей; ошибочное толкование нормативных правовых актов; применение права с нарушением основополагающих принципов; придание подзаконному акту силы закона и т.д.

Таким образом, к признакам юридической безопасности как составной части национальной безопасности следует отнести: закрепление в юридических нормах ценностей национальной безопасности; формализацию в различных правовых институтах угроз национальной безопасности; наличие юридических механизмов, препятствующих появлению правовых и антиправовых угроз; наличие состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Указанную группу признаков можно назвать институциональной. Кроме того, существуют еще и правореализационные признаки, заключающиеся в соответствии реальных правоотношений их моделям, закрепленным в правовых нормах; развитости и совершенстве правоотношений по обеспечению юридической безопасности в обществе; единообразии толкования правовых норм; применению принципов права и правового государства в случае наличия пробелов, а также коллизий; подчиненности политики праву, а не наоборот.

**Финансово-правовая безопасность: понятие и признаки.** Анализ финансово-правовой безопасности обладает рядом особенностей и логично начинать его с определения понятия финансовой безопасности. Так, в последнее десятилетие в научной литературе активно иссле-

дуются финансовая безопасность и правовые средства, ее обеспечивающие, а сам научный поиск происходит на микро- [7, с. 12] и макроуровнях [8, с. 74]. При этом, как отмечается в литературе, указанное понятие «возникло на стыке трех научных направлений: теории экономической безопасности, финансовой теории и теории экономического цикла» [8, с. 63]. Это можно признать верным, так как анализ диссертационных и других работ по указанной проблематике [см., например: 9; 10; 11; 12] показывает, что первыми на данную категорию обратили внимание ученые-экономисты, и только затем различные аспекты финансовой безопасности стали предметом научных разработок в юридических науках [см., например: 13; 14; 15]. Как уже отмечалось, исследования финансовой безопасности проводятся на микро- и макроуровнях. В контексте настоящей работы интерес представляет прежде всего макроуровень финансовой и финансово-правовой безопасности. В связи с этим особо следует отметить цикл монографических работ под редакцией профессора И.И. Кучерова [8; 16; 17], в которых авторам удалось систематизировать, обобщить и выявить закономерности финансовой безопасности.

Изучение научных работ, посвященных финансовой безопасности, выполненных учеными-юристами, показывает, что в них идет речь о финансовой безопасности и ее обеспечении исключительно в правовом аспекте и с применением методологии, свойственной юридическим, а не экономическим наукам. Так, в одном из авторефератов диссертации отмечается, что «под финансовой безопасностью Российской Федерации диссертант понимает наиболее важную подсистему экономической безопасности страны, представляющую собой состояние защищенности финансовой системы государства, при котором обеспечивается гарантированная защита финансовых интересов многонационального народа Российской Федерации от внутренних и внешних угроз» [18, с. 12]. Несложно заметить, что в основу определения положены базовые характеристики безопасности: «угрозы», «состояние защищенности», а также наличие объекта защиты – «финансовые интересы...». Можно

отметить и то обстоятельство, что источником здесь стало легальное определение понятия «национальная безопасность».

И.И. Кучеров, используя несколько иную методологию, приходит к выводу, что «финансовую безопасность следует определить как обеспеченное посредством проведения уполномоченными органами государства специальных мероприятий состояние защищенности элементов финансовой системы, предполагающее ее устойчивость, которое позволяет осуществлять непрерывное и достаточное финансирование публичных расходов даже в условиях внутренних и внешних финансово-экономических угроз на основе использования денежных средств бюджетов, иных публичных фондов, включая золотовалютные резервы» [8, с. 77]. В другой работе «финансовая безопасность определяется автором как состояние защищенности финансовой устойчивости государства, которое позволяет осуществлять непрерывное и достаточное финансовое обеспечение всех его полномочий и функций посредством формирования публичных фондов денежных средств, включая золотовалютные резервы» [19, с. 69].

Анализируя позицию ученого о понятии финансовой безопасности, следует отметить, что она наиболее приближена к традиционному пониманию национальной безопасности, в котором оперируют таким признаком, как «состояние защищенности». Следуя принципу объективности научного исследования, необходимо отметить, что в монографической трилогии [8; 16; 17] авторский коллектив указывает на различные угрозы, средства их минимизации, а также достижение цели особого состояния как базовые категории финансовой безопасности, но с учетом особенностей финансового регулирования. Именно поэтому в качестве отправной характеристики финансовой безопасности ими за основу берется «устойчивость финансовой системы».

Такое понимание финансовой безопасности государства имеет право на существование, но при этом возникает вопрос о тождественности понятий «финансовая безопасность» и «финансово-правовая безопасность». Подобная постановка вопроса аналогична проблеме

соотношения юридической безопасности и безопасности всей правовой системы общества, она согласуется также с узким и широким пониманием юридической безопасности, что уже отмечалось ранее в работе. Тем не менее в приведенных исследованиях заложены теоретические основы и для исследования финансово-правовой безопасности. Так, вполне обоснованно предложение определять институты финансовой безопасности «с правовых позиций в качестве институтов финансового права» [8, с. 68], что отчасти сближает понятия «финансовая безопасность» и «финансово-правовая безопасность». В связи с этим и логика исследования авторов в выявлении правовых средств финансовой безопасности основывается на институциональном подразделении финансового права как отрасли права: бюджетно-правовые средства; налогово-правовые средства и так далее. Безусловно, финансовое право — самостоятельная отрасль права, однако это не должно исключать межотраслевого подхода в обеспечении финансовой безопасности. Косвенно это признают и сами авторы, считая финансовую безопасность составной частью экономической безопасности.

В связи с этим остается неразрешенным вопрос о соотношении финансовой безопасности государства и финансово-правовой безопасности, а также национальной безопасности с финансовой и финансово-правовой безопасностью. Например, Е.В. Кудряшова утверждает, что «социальная наука установила тесную взаимосвязь и иерархию — “национальная безопасность” — “экономическая безопасность” — “финансовая безопасность”, которые означают, в том числе, что повышение уровня финансовой безопасности, которое не повышает уровня экономической безопасности, не имеет смысла» [15, с. 124]. Однако в указанной иерархии не нашлось места для финансово-правовой безопасности.

Вероятно, автор исходит из того, что право (в данном случае финансовое право) — это один из инструментов обеспечения финансовой безопасности, но не самостоятельный блок в данной иерархии. Между тем, на наш взгляд, юридические нормы не только опосредуют процессы

безопасности в финансовой сфере, но и их определенная часть составляет финансово-правовую безопасность. Так, на уровне национальной безопасности можно утверждать о юридической безопасности как одной из ее составных частей, но здесь необходимо учитывать, что не весь блок правовой безопасности является видом национальной. Ввиду того, что право комплексно (не только при помощи норм финансового права) регулирует экономические отношения, можно в порядке постановки проблемы выделить экономико-правовую безопасность как составную часть экономической безопасности. Таким же образом выстраивается и соотношение между финансовой и финансово-правовой безопасностью. При этом в самой финансово-правовой безопасности необходимо выделить определенный блок, относящийся, в свою очередь, к национальной безопасности.

Исследование финансовой-правовой безопасности невозможно без обращения к основополагающим нормативным правовым актам, регулирующим указанную сферу. В Стратегии национальной безопасности в качестве угрозы экономическому росту называется незащищенность национальной финансовой системы от действий нерезидентов и спекулятивного иностранного капитала; наличие условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений. Указывается, что обеспечение экономической безопасности осуществляется, в частности, путем стабильности функционирования и развития финансовой системы; сбалансированности финансовой системы и т.д. Специально отмечается, что для обеспечения экономической безопасности основные усилия направляются на совершенствование инвестиционных и финансовых институтов. В качестве одного из направлений политики называется укрепление финансовой системы.

Действующее законодательство не содержит понятия «финансовая безопасность» и «финансово-правовая безопасность», но в 2017 году впервые было закреплено нормативное определение более общей категории — экономической безопасности. В пункте 7 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации

на период до 2030 года\* (далее – Стратегия экономической безопасности) под «экономической безопасностью понимается состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации». Кроме того, раскрываются такие категории, как экономический суверенитет, национальные интересы, угрозы, вызовы и обеспечение экономической безопасности, а также выделяются внешние и внутренние угрозы. Например, угрозой внешнего характера является подверженность финансовой системы Российской Федерации глобальным рискам, а внутренней угрозой – несбалансированность национальной бюджетной системы; высокий уровень коррупции, теневая экономика и т.д.

Анализ Стратегии экономической безопасности показывает, что в ней называются угрозы и риски правового характера, например, говорится об «установлении избыточных требований в области экологической безопасности». Эти требования формализованы в различных нормативных правовых актах. По сути, здесь идет речь о так называемом правовом тоталитаризме, наличие которого было отмечено при рассмотрении угроз правовой безопасности в целом. Правовой аспект финансовой безопасности в Стратегии экономической безопасности закреплен в виде совершенствования регулирования деятельности финансовых организаций, развития системы пруденциального надзора. В рассматриваемом нормативном акте говорится и о необходимости юридического закрепления границ исключительной экономической зоны Российской Федерации.

В связи с ограниченными рамками исследования в статье не ставится цель проведения анализа всех положений о финансово-правовой безопасности, а только указывается на некоторые из них, на наш взгляд, наиболее наглядно закрепляющие

ее основы либо подчеркивающие существование данной категории. О наличии финансово-правовой безопасности свидетельствуют отдельные положения как Стратегии национальной безопасности, так и Стратегии экономической безопасности, ставящие задачи совершенствования нормативно-правовой базы.

Ввиду того, что финансовая безопасность в целом и финансово-правовая безопасность в частности «пронизывают» различные сферы государственной деятельности, их отдельные положения можно найти и в иных нормативных правовых актах, которые регулируют другой вид национальной безопасности. В Экологической доктрине Российской Федерации, одобренной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. N 1225-р\*\*, угрозами экологической безопасности называется теневая экономика в использовании природных ресурсов; отсутствие рентных платежей. Одной из целей Федерального закона от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»\*\*\* является создание «правового механизма противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» (ст. 1). Наличие финансово-правовых механизмов отмечается и в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации 28 ноября 2014 г. N Пр-2753\*\*\*\*. В юридической литературе обращено внимание на наличие финансово-правовых механизмов противодействия коррупции [20, с. 48].

\*\* Экологическая доктрина Российской Федерации: одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 авг. 2002 г. N 1225-р // Там же. 2002. N 36. Ст. 3510.

\*\*\* О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 7 авг. 2001 г. N 115-ФЗ // Там же. 2001. N 33. Ст. 3418.

\*\*\*\* Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 28 нояб. 2014 г. N Пр-2753. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

\* Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. N 208 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. N 20. Ст. 2902.

Таким образом, можно выделить два аспекта реализации финансово-правовой безопасности. Во-первых, направленный на обеспечение стабильности финансовой системы. Во-вторых, сквозной, заключающийся в реализации других видов национальной безопасности. Такая роль финансово-правовой безопасности обусловлена тем, что ни одна из функций государства не сможет должным образом реализовываться без ее материального обеспечения. Кроме того, современные организованные группы (преступные сообщества) используют различные легальные финансовые механизмы для создания собственной экономической основы. Соответственно, задачей правотворческих органов совместно с институтами гражданского общества является выявление таких возможностей и создание соответствующих правовых преград для их реализации.

Основополагающими нормативными правовыми актами финансового законодательства являются Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) и Бюджетный кодекс Российской Федерации (далее – БК РФ). По этой причине для целей исследования необходимо обратиться к НК РФ. Кроме того, можно согласиться и с ранее высказанной точкой зрения о том, что финансовая безопасность сопоставима с основными институтами финансового права как отрасли права, но применительно к нашему исследованию указываем на финансово-правовую безопасность, а соответственно, и на налогово-правовую, и бюджетно-правовую, а также банковско-правовую безопасность (имеется в виду публичное правовое регулирование банковской деятельности).

При этом интерес представляют прежде всего основные начала (принципы) налогового права и налогообложения, так как в них закрепляются основы налогово-правовой безопасности субъектов общественных отношений. В пункте 1 ст. 3 НК РФ сочетаются принципы и обязанности субъектов налогового права. Нормативно закреплено, что «каждое лицо должно уплачивать законно установленные налоги и сборы», – функциональное предназначение данного основного начала налогового законодательства многообразно. Во-первых, это

не только принцип, но и межотраслевая обязанность, предусмотренная и в Конституции Российской Федерации. Во-вторых, сначала может сложиться мнение, что в нем отражена только обязанность налогоплательщика, но одной из основ финансово-правовой безопасности является руководство принципом законности уполномоченными органами при установлении налогов и сборов. Таким образом, складывается типичное общерегулятивное правоотношение между государством и налогоплательщиками. Далее в этом же пункте конкретизируются некоторые аспекты законности при установлении налогов и сборов, в частности: «законодательство о налогах и сборах основывается на признании всеобщности и равенства налогообложения. При установлении налогов учитывается фактическая способность налогоплательщика к уплате налога».

Отметим, что прежде всего данный принцип развивает другую основу налогово-правовой безопасности – об экономическом основании налогов и запрете произвольности при его установлении. Далее конкретизируются конституционные положения о равенстве прав и обязанностей путем закрепления запретов на дискриминационный характер налогов и сборов. Особо следует отметить законодательное установление о недопустимости налогов и сборов, препятствующих реализации гражданами своих конституционных прав и свобод. Оно согласуется с конституционным признанием человека, его прав и свобод высшей ценностью и с положениями Стратегии национальной безопасности, в которой на первом месте в числе объектов охраны находятся права и свободы гражданина.

Из рассматриваемых положений наиболее спорным является вопрос об учете фактической способности налогоплательщика к уплате, которое относится к самому установлению налога. С одной стороны, это положение закрепляет налогово-правовую безопасность, а с другой – оно предельно не определено, что, в свою очередь, создает правовые опасности для налогоплательщика. Такого рода вывод основывается на диалектике парных юридических категорий: правовая безопасность – правовая опасность, так как одним из признаков

парных категорий являются взаимные переходы из одного состояния в другое.

Указанное положение НК РФ уже не раз становилось предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации применительно к различным видам налогов. При этом принимались диаметрально противоположные решения. Например, в одном из решений им было подчеркнуто, что реализация неформального равенства должна основываться на учете фактической способности гражданина (с учетом его заработка или иного дохода) уплачивать соответствующий размер налога\*. Совсем иное решение было принято по единому налогу на вмененный доход, который уплачивается вне зависимости от результата деятельности субъекта\*\*. Судебная практика различных арбитражных судов по данному вопросу также имеет противоречивый характер. Между тем единообразие толкования и наличие правовой основы для этого является важной гарантией налогово-правовой безопасности субъектов.

Официальное толкование – это один из способов устранения сомнений, неясностей законодательства о налогах и сборах. В пункте 7 ст. 3 НК РФ закреплен другой инструмент налогово-правовой безопасности. Так, «все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законо-

дательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (плательщика сбора, плательщика страховых взносов, налогового агента)».

Проведенный обзор основных начал законодательства о налогах и сборах (а они одновременно выступают и основой налогово-правовой безопасности субъектов) показывает, что налогово-правовую безопасность необходимо понимать не только как защищенность интересов государства, но и как защищенность налогоплательщиков от произвола государственных органов. Налогово-правовая безопасность является показателем защищенности и достаточного обеспечения как финансовых интересов государства, так и физических, юридических лиц. Думается, что отдельными характеристиками налогово-правовой безопасности выступает и нормальная деятельность налоговых органов, а также низкий уровень финансовых правонарушений. При этом последние два показателя обеспечиваются нормами не только налогового права, но и иных отраслей. Это дает основание предположить межотраслевой характер как налогово-правовой, так и финансово-правовой безопасности.

От налогово-правовой безопасности в совокупности с бюджетно-правовой безопасностью, а именно от их функционирования зависит справедливая аккумуляция, распределение и перераспределение средств, можно рассуждать и в более глобальном аспекте прав гражданина на социальное государство, на национальное богатство и достойное. В связи с этим следует согласиться с мнением Н.М. Казанцева о том, что «финансовое право – право ценности национального богатства, реализуемой и приумножаемой как частно-правовым, так и публично-правовым образом, а также право ценности денежного выражения частных благ, защищаемой и реализуемой публично-правовым образом» [21, с. 99]. Н.М. Казанцев предлагает рассматривать «право народа на неуменьшение ценности его национального достояния» как институт финансового права. В свете изложенного выше, думается, что его можно определять и как одну из основ финансово-правовой безопасности, которая должна проявляться не только как безопасность государства и его инте-

\* По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1 и 5 Федерального закона от 5 февраля 1997 г. «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд, Фонд социального страхования РФ, Государственный фонд занятости населения РФ и фонды обязательного медицинского страхования на 1997 год» в связи с жалобами граждан и запросами судов: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февр. 1998 г. N 7-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 10. Ст. 1242.

\*\* По жалобам граждан С.О. Евсикова, Т.Г. Сибирченковой, Р.К. Исламовой, Л.И. Ленгле, С.В. Рыбакова, А.В. Привалова на нарушение их конституционных прав положениями Федерального закона «О едином налоге на вмененный доход для определенных видов деятельности» и положениями соответствующих законов Республики Марий Эл, Ставропольского Края, Нижегородской области и Пермской области: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апр. 2001 г. N 82-0 // Там же. 2001. N 24. Ст. 2500.

ресов. Для того чтобы «право народа на неумаление ценности его национального достояния» не превратилось в очередную декларацию или сухую теорию, вся система налогов, бюджетного распределения и перераспределения должна работать на достижение конституционной цели формирования в России правового и социального государства.

Идея о финансовом праве как «...ценности национального богатства» была высказана Н.М. Казанцевым в 2005 году. В этот период он отмечает: «...конкретно говоря, в нынешней России такого финансового права как конкретной институциональной реальности, дефиницию которого выше сформулировал автор в виде права ценности публичного и частного богатства или, кратко, права финансовой ценности, нет» [21, с. 100]. Применительно к современной правовой реальности также можно утверждать, что данная основа финансово-правовой безопасности еще не сформировалась. Она по-прежнему остается целью Конституции Российской Федерации и финансового права с финансовым законодательством.

Проявления финансово-правовой безопасности многогранны, нормы, посвященные ей, закреплены и в иных нормативных правовых актах: БК РФ, периодически принимаемых федеральных законах о бюджете Российской Федерации, а также в иных нормативных правовых актах, которые относятся к бюджетному законодательству согласно ст. 2 БК РФ, и т.д. Ограниченный объем статьи не позволяет остановиться на всех свойствах данного явления более подробно. Отдельно следует отметить, что и международные нормативные правовые акты, направленные на борьбу с легализацией денег и иного имущества, полученных преступным путем, терроризмом, коррупцией, трансграничной организованной преступностью, составляют основу финансово-правовой безопасности.

Другая проблема, которая стоит перед юридической наукой, заключается в выявлении соотношения понятий «финансово-правовая безопасность» и «финансово-правовая безопасность как составная часть национальной безопасности». Первое по объему несомненно шире,

чем второе, однако соотношение между этими явлениями не статично, оно меняется в зависимости от появления новых вызовов и угроз, а также качественного и количественного изменения уже существующих. Ранее автором уже были предложены количественные и качественные характеристики, на основе которых происходит разграничение названных явлений применительно к правовой безопасности в целом [1, с. 18]. Думается, что их можно применить и к финансово-правовой безопасности. Первый критерий — это массовость тех или иных явлений, которые именно в своей совокупности оказывают негативное воздействие на финансово-правовую систему. Иными словами, это количественная характеристика. Вторым критерием — качественный, заключающийся в особой опасности того или иного посягательства для финансово-правовой системы, даже если они носят единичный характер. Кроме того, качественные критерии складываются и ввиду взятых на себя Россией международных обязательств в обеспечении финансово-правового мирового правопорядка.

#### **В завершение исследования следует сделать выводы:**

1. Финансово-правовая безопасность представляет собой состояние защищенности финансового права, включающее правотворчество, законодательство и реализацию правовых норм, от угроз правового и антиправового характера. Она сочетает публичные и частные интересы, а также преследует цель построения социального государства, которое основано на справедливом аккумулировании, распределении и перераспределении национального достояния. Финансово-правовая безопасность, являясь, как и все право, надстройкой, влияет на финансовую безопасность, а последняя — на экономическую. Финансово-правовая безопасность не соотносится с национальной безопасностью как категории рода и вида. Это два относительно самостоятельных понятия и явления. Только часть финансово-правовой безопасности входит в содержание национальной безопасности и уже именно она является разновидностью национальной безопасности. С другой стороны, понятия «национальная безопасность» и

«финансово-правовая безопасность как часть национальной безопасности» соотносятся как род и вид.

2. Для выявления части финансово-правовой безопасности, которая входит в содержание национальной безопасности, необходимо учитывать количественные и качественные характеристики угроз финансовому праву и финансово-правовой системе. Содержание финансово-правовой безопасности в зависимости от тех или иных угроз видоизменяется, то есть тот или иной блок правовых средств, который ранее относился к «обычной финансово-правовой безопасности», может со временем войти уже в содержание финансово-правовой безопасности как составной части национальной безопасности.

3. Угрозами правового характера для финансово-правовой безопасности являются: наличие неопределенностей в самих нормах финансового права (даже на уровне принципов); отсутствие едино-

образного толкования норм финансового права и противоречивая административная и судебная практика по их реализации; отсутствие в нормативных правовых актах целей финансового права с позиции сочетания в них публичных и частных интересов; отсутствие разумного баланса публичных и частных интересов в налоговом и ином финансовом законодательстве, что делает на современном этапе развития не реалистичным достижение целей построения социального и правового государства и определение финансового права как национального достояния, включающего в себя справедливое аккумулирование, распределение и перераспределение денежных средств. Угрозы антиправового характера финансово-правовой безопасности аккумулируют финансовые правонарушения, а также посягательства на общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность финансовых органов государства.

#### Список литературы

1. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. О юридической безопасности в сфере трудовых отношений в свете общей теории правовой безопасности // Вопросы безопасности. 2019. N 4. С. 1-19. DOI: 10.25136/2409-7543.2019.4.30451.
2. Лапаев И.С. Механизм обеспечения юридической безопасности в Российской Федерации (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2013. 212 с.
3. Тюрина Т.Б. Правовая безопасность личности в современном российском государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 24 с.
4. Осипов В.А. Механизм правовой безопасности в современном обществе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 22 с.
5. Галузин А.Ф. Правовая безопасность и ее принципы. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2008. 241 с.
6. Толстик В.А. Правовой тоталитаризм: стратегия правотворчества или движение по инерции? // Юридическая техника. 2015. N 9. С. 759-763.
7. Волков А.В. Обеспечение исполнения обязательств в реальных правоотношениях как залог финансовой безопасности предприятия // Гражданское право. 2015. N 2. С. 12-13.
8. Институты финансовой безопасности / И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина, О.А. Акопян и др.; под ред. И.И. Кучерова и Н.А. Поветкиной. М.: ИНФРА-М, 2020. 246 с.
9. Котов Н.В. Финансовый контроль в системе обеспечения экономической безопасности государства: автореф. ... дис. канд. экон. наук. М., 2006. 24 с.
10. Паначев В.Ю. Противоречия как источник угроз финансовой безопасности региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Красноярск, 2009. 26 с.
11. Подкуйко М.С. Влияние финансовой глобализации на финансовую безопасность России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д., 2009. 23 с.
12. Константинов Г.А. Обеспечение финансовой безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2005. 23 с.
13. Галкин Д.В. Органы внутренних дел в системе обеспечения финансовой безопасности Российской Федерации (административно-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 22 с.
14. Петросян О.Ш. Уголовно-правовые и криминологические особенности финансовой безопасности государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 44 с.
15. Кудряшова Е.В. Финансовая безопасность в иерархии целей стратегического планирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. N 2. С. 124-138.

16. Правовые средства обеспечения финансовой безопасности / И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина, О.А. Акопьян и др.; под ред. И.И. Кучерова и Н.А. Поветкиной. М.: ИНФРА-М, 2019. 246 с.
17. Риски финансовой безопасности / И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина, О.А. Акопьян и др.; под ред. И.И. Кучерова и Н.А. Поветкиной. М.: ИНФРА-М, 2018. 246 с.
18. Степанков Д.В. Государственно-правовой механизм обеспечения финансовой безопасности (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 24 с.
19. Кучеров И.И. Слагаемые финансовой безопасности и ее правовое обеспечение // Журнал российского права. 2017. N 6. С. 67-77.
20. Хабриева Т.Я. Правовые проблемы финансовой безопасности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. N 10. С. 48-54.
21. Казанцев Н.М. Институты финансового права // Журнал российского права. 2005. N 9 (105). С. 97-114.

### References

1. Lipinskiy D.A., Musatkina A.A. On legal security in the field of labor relations in the light of the General theory of legal security. Security concerns, 2019, no. 4, pp. 1-19. DOI: 10.25136/2409-7543.2019.4.30451. (In Russ.).
2. Lapaev I.S. Mechanism for ensuring legal security in the Russian Federation (issues of theory and practice). Cand. Diss. Penza, 2013, 212 p. (In Russ.).
3. Tyurina T.B. Legal security of the individual in the modern Russian state. Autoabstract Cand. Diss. Saratov, 2005. 24 p. (In Russ.).
4. Osipov V.A. Mechanism of legal security in modern society. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2009. 22 p. (In Russ.).
5. Galuzin A.F. Legal security and its principles. St. Petersburg, R. Aslanov Publishing House "Legal Center Press", 2008. 241 p. (In Russ.).
6. Tolstik V.A. Legal totalitarianism: strategy of law-making or movement by inertia? Legal technique, 2015, no. 9, pp. 759-763. (In Russ.).
7. Volkov A.V. Ensuring the fulfillment of obligations in real legal relations as a guarantee of financial security of the enterprise. Civil law, 2015, no. 2, pp. 12-13. (In Russ.).
8. Kucherov I.I., Povetkina N.A., Akopyan O.A. i dr. The financial institutions security. Moscow, INFRA-M Publ., 2020, 246 p. (In Russ.).
9. Kotov N.V. Financial control in the system of ensuring economic security of the state. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2006. 24 p. (In Russ.).
10. Panachev V.Yu. Contradictions as a source of threats to the financial security of the region. Autoabstract Cand. Diss. Krasnoyarsk, 2009. 26 p. (In Russ.).
11. Podkuyko M.S. Impact of financial globalization on Russia's financial security. Autoabstract Cand. Diss. Rostov-on-Don, 2009. 23 p. (In Russ.).
12. Konstantinov G.A. Ensuring financial security of the Russian Federation. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2005. 23 p. (In Russ.).
13. Galkin D.V. Internal Affairs bodies in the system of ensuring financial security of the Russian Federation (administrative and legal aspect). Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2010. 22 p. (In Russ.).
14. Petrosyan O.Sh. Criminal-legal and criminological features of financial security of the state. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2011. 44 p. (In Russ.).
15. Kudryashova E.V. Financial security in the hierarchy of strategic planning goals. Law. Journal of the Higher school of Economics, 2019, no. 2, pp. 124-138. (In Russ.).
16. Kucherov I.I., Povetkina N.A., Bozhenok S.Ya. i dr. Legal means of ensuring financial security. Moscow, INFRA-M Publ., 2019. 246 p. (In Russ.).
17. Kucherov I.I., Povetkina N.A., Akopyan O.A. i dr. The risk of financial security. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 246 p. (In Russ.).
18. Stepankov D.V. State-legal mechanism for ensuring financial security (problems of theory and practice). Autoabstract Cand. Diss. Nizhny Novgorod, 2006. 24 p. (In Russ.).
19. Kucherov I.I. Components of financial security and its legal support. Journal of Russian law, 2017, no. 6, pp. 67-77. (In Russ.).
20. Khabrieva T.Ya. Legal problems of financial security. Bulletin of economic justice of the Russian Federation, 2016, no. 10, pp. 48-54. (In Russ.).
21. Kazantsev N.M. Institutes of financial law. Journal of Russian law, 2005, no. 9 (105), pp. 97-114. (In Russ.).

## Раздел 2. Охрана и защита прав человека

КИРИЧЁК Е.В., KIRICHEK E.V.,  
доктор юридических наук, доцент, Doctor of Legal Sciences,  
Kirichek79@yandex.ru, associate professor,  
Kirichek79@yandex.ru  
Управление учебно-методической работы; Department of educational  
Академия управления and methodical work;  
Министерства внутренних дел Academy of Management of the Ministry  
Российской Федерации, of the Interior of the Russian Federation,  
125171, г. Москва, Z. and A. Kosmodemyanskikh St. 8,  
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8 Moscow, 125171, Russian Federation

### ЦИФРОВИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ

**Аннотация.** Статья посвящена анализу динамично развивающегося процесса — цифровизации. Любая сфера функционирования государства и общества так или иначе связана с вопросами использования информационно-коммуникационных технологий. С их развитием появляются не только новые возможности, но и угрозы для демократии и прав человека, затрагиваются сами основы человеческого бытия в обществе. Формирующееся информационно-цифровое пространство объективно становится качественно новой сферой правового, в том числе конституционно-правового, влияния. Исследование строилось на основе обобщения и системного анализа научных работ, а также нормативной правовой базы. Новизна и практическая значимость статьи состоят в попытке автора обосновать роль и значение цифровизации, рассмотрев ее положительные и отрицательные стороны.

**Ключевые слова:** цифровизация; цифровая экономика; электронное правосудие; право на информацию; информационное общество; цифровое право; инновационные технологии.

Для цитирования: Киричёр Е.В. Цифровизация конституционно-правовой и общественно-политической жизни современной России: положительные и отрицательные стороны // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 3 (53). С. 33-40.

### DIGITALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL, SOCIAL AND POLITICAL LIFE IN MODERN RUSSIA: POSITIVE AND NEGATIVE ASPECTS

**Annotation.** The article is devoted to the analysis of a dynamically developing process — digitalization. Any sphere of the everyday life of the state and society is somehow related to the use of information and communication technologies. During the process of their development, not only new opportunities, but also threats to democracy and human rights are appearing, and the very foundations of human existence in society are affected. The information and digital environment, which is being created, is becoming a qualitatively new sphere of legal and constitutional influence. The research was based on the generalization and systematic analysis of the scientific papers, as well as the regulatory framework. The novelty and practical significance of the work consists in the author's attempt to substantiate the role and significance of digitalization, considering its positive and negative aspects.

**Keywords:** digitalization; digital economy; e-justice; right to information; information society; digital law; innovative technologies.

For citation: Kirichek E.V. Digitalization of the constitutional and legal, social and political life in modern Russia: positive and negative aspects // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 3 (53). P. 33-40.

Достаточно динамично развивающийся процесс формирования представлений о цифровизации, привлекает ученых и практиков, деятельность которых связана с различными областями познания [см., например: 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Несмотря на то,

что данное понятие используется преимущественно со второй половины 90-х годов XX века\* (а если обратиться к идее «механизации» эпохи Возрождения, когда люди только начинали задумываться о замене человека машиной, то значительно раньше), важно отметить следующее: российская правовая наука и практика не сформировала пока четкого представления о цифровизации.

Вместе с тем информатизация современного общества, внедрение новых информационных технологий неизбежно влияют не только на организацию и деятельность органов публичной власти, но и на претворение в жизнь предписаний конституционно-правовых норм. Происходят процессы центростремительной адаптации конституционных институтов к новым реалиям общественной жизни.

В настоящее время в информационном пространстве многие конституционные принципы и нормы реализуются посредством цифровой среды. При этом особо значимой является сфера обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в том числе право на частную жизнь, свобода выражения мнений, право избирать и быть избранным, право на поиск, получение и распространение информации любыми законными способами, право на судебную защиту, право на идентификацию, право доступа к электронной сети, право на конфиденциальность и т.д. Не случайно сформулированный в Резолюции Совета ООН по правам человека от 16 июля 2012 г. А/HRC/RES/20/8 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете»\*\* принцип определяет, что права, принадлежащие человеку офлайн (от англ. offline – вне сети), должны также защищаться и онлайн (от англ. online – в сети).

Современное интернет-пространство не может существовать без права, так же как и реализация ряда субъективных прав представляется затруднительной без Интернета. Это свидетельствует о том, что право становится не только средством

обеспечения цифровизации, но и цифровизация, являясь важным фактором, оказывает определенное влияние на сферу правового регулирования [8, с. 91].

Рост экономики многих стран, внедрение возможностей информационных технологий послужили мощным импульсом цифрового развития права, а это, в свою очередь, способствовало появлению новых горизонтов использования киберпространства, оперативности решения актуальных задач и, что очень важно, экономии времени.

В настоящее время сформирована нормативная правовая база в сфере реализации конституционного права на информацию\*\*\*, в которой нашел свое отражение ряд базовых понятий. Кроме этого, появились новые, имеющие конституционное значение формы деятельности на местном, региональном, федеральном и международном уровнях, такие как электронное правительство, электронное голосование, электронное правосудие, и др., оказывающие непосредственное влияние на поведенческий образ самого человека.

Однако в практике правового регулирования содержание термина «цифровизация» не раскрывается. Его наполнение имеет ярко выраженный научно-технический смысл, не связанный с юриспруденцией. Важно заметить, что цифровизация не ограничивается использованием только ин-

\*\*\* Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ: ред. от 2 дек. 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 31 (ч. I). Ст. 3448; 2019. N 49 (ч. V). Ст. 6986; Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: федер. закон от 9 февр. 2009 г. N 8-ФЗ: ред. от 28 дек. 2017 г. // Там же. 2009. N 7. Ст. 776; 2018. N 1 (ч. I). Ст. 7; О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года: федер. закон от 29 мая 2019 г. N 102-ФЗ // Там же. 2019. N 22. Ст. 2658.

\* Об утверждении Правил технической эксплуатации первичных сетей Взаимоувязанной сети связи Российской Федерации: приказ Госкомсвязи России от 19 окт. 1998 г. N 187 // СвязьИнформ. 1998. N 10 (чч. 1, 2).

\*\* См.: URL: <http://www.lawtrend.org>wp

формационно-коммуникационных технологий, а предполагает применение широкого спектра цифровых моделей, новых бизнес-процессов и создание цифровых активов\*.

Сегодня цифровая индустрия оказывает существенное влияние на модернизацию традиционных рынков — труда, капиталов, товаров, услуг. Приоритетными становятся ценностные ориентиры: «большие данные», «информационная платформа», «искусственный интеллект», «цифровые деньги», «цифровое право» и др., являющиеся своего рода вектором поступательного развития бизнес-проектов.

Несмотря на то, что в гуманистически устроенном обществе тотальная цифровизация права невозможна, ее влияние на трансформацию правовой среды очевидно. И эта тенденция со временем будет только наращиваться, охватывая все новые области жизнедеятельности человека. О неизбежности этого процесса неоднократно говорилось на международном уровне, в частности:

— общими интересами государств — участников СНГ являются: обеспечение информационной безопасности, информационная открытость, развитие образования, науки, техники и культуры, координация действий в борьбе с организованной преступностью и др.\*\*;

— революционное воздействие информационно-коммуникационных технологий касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества, они становятся жизненно важным стимулом развития мировой экономики\*\*\*;

\* О проекте решения Высшего Евразийского экономического совета «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года»: решение N 82 Совета Евразийской экономической комиссии (Принято в г. Москве 15 сент. 2017 г.) // Евразийский экономический союз: официальный сайт. URL: <http://www.eaeunion.org>

\*\* О Концепции формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств: решение Совета глав правительств СНГ (Принято в г. Москве 18 окт. 1996 г.) // Рос. газ. («Экономический союз»). 1996. 7 дек.

\*\*\* Окинавская хартия глобального информационного общества (Принята на о. Окинава 22 июля 2000 г.) // Дипломатический вестник. 2000. N 8. С. 51-56.

— на современном этапе общепризнанным фактом для международного сообщества является отведение информационно-коммуникационным технологиям определяющей роли в развитии всех сфер жизнедеятельности государства, общества, человека\*\*\*\*;

— обеспечение условий оказания и получения электронных государственных услуг включает закрепление прав и обязанностей участников оказания и получения электронных государственных услуг, защиту их прав и законных интересов, формирование соответствующей правовой основы и др.\*\*\*\*\*;

— электронное правительство создается для повышения эффективности и открытости деятельности государственных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления в условиях формирования и развития информационного общества\*\*\*\*\*.

Существующие модернизационные процессы сказываются и на развитии правового рынка, происходит переосмысление традиционных практик, упрощается сбор и обработка информации, это позволяет на основе анализа больших данных предлагать модели ведения юридической деятельности, развивать правовые платформы электронной коммерции (маркетплейсы) и онлайн-конструкторы договоров. В тех от-

\*\*\*\* Решение Совета глав правительств СНГ «О Стратегии сотрудничества государств — участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 года и Плана действий по ее реализации» (Принято в г. Минске 28 окт. 2016 г.). URL: <http://digital.gov.ru>

\*\*\*\*\* Модельный закон об электронных государственных услугах (Принят в г. Санкт-Петербурге 7 апр. 2010 г. постановлением 34-7 на 34-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ) // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. Информационный бюллетень. 2010. N 47. С. 184-198.

\*\*\*\*\* Модельный закон об электронном правительстве (Принят в г. Санкт-Петербурге 25 нояб. 2016 г. Постановлением 45-14 на 45-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ) // Межпарламентская Ассамблея СНГ: официальный сайт. URL: <http://iacis.ru>

раслях права и отраслях законодательства, эффективность которых напрямую зависит от качества сбора, хранения и анализа информации, воздействие цифровизации проявляется значительно сильнее (финансовое право, налоговое право, информационное право, предпринимательское право и др.).

Таким образом, можно с уверенностью утверждать: масштабы влияния цифровизации на российскую правовую среду настолько велики, что возникают определенные предпосылки для создания нового института, или, возможно, подотрасли информационного права – цифрового права. Учитывая дискуссионность вопроса, О.В. Танимов и А.Р. Шевченко предлагают рассматривать цифровое право с позиции теории юридических фикций [9, с. 8].

Кроме того, серьезное внимание уделяется цифровой экономике и ее взаимосвязи с цифровым правом. Затраты на ее развитие к 2024 году предполагается увеличить до 5,1 % ВВП России за счет всех источников по доле в ВВП не менее чем в три раза по сравнению с 2017 годом (1,7 %)\*.

Конечно, только финансовых средств, необходимых для достижения результата, недостаточно. Требуется также прочная нормативная правовая база, регулирующая особенности применения инновационных технологий на финансовом рынке, например, оборот криптовалют, осуществление краудфандинговой деятельности, совершение сделок в электронной форме; вопросы киберфизических систем, совершенствования механизмов стандартизации, а также банковской, коммерческой, врачебной и других видов тайн.

Все это обуславливает интерес ученых к исследованию проблемных вопросов. И если положительные стороны цифровизации очевидны, то среди отрицательных сторон можно выделить:

– скрытую контролируемость процессов жизнедеятельности человека. Се-

годня человек повсеместно находится под пристальным видеонаблюдением при реализации прав на отдых, на труд и других прав. Вместе с тем отдельные государства, например Федеративная Республика Германия и Королевство Нидерландов, вообще отказались от цифровизации избирательного процесса, поскольку, по их мнению, современные технологии не в полной мере способны обеспечить необходимую степень прозрачности [5, с. 29];

– нарушение конфиденциальности персональных данных и, как следствие, использование информации в корыстных целях, в том числе в глобальном масштабе – для формирования антидемократических режимов [10, с. 4]. Также следует обратить внимание на тот факт, что владение тем или иным гражданином не принадлежащей ему информацией, хранящейся на электронных носителях либо отправленной на свой адрес электронной почты, непременно создает условия для ее последующего неконтролируемого распространения. Правовые последствия здесь могут быть самыми разными в зависимости от субъекта (носителя) информации, в том числе обладающего статусом носителя конфиденциальной информации, и мер, которые он предпринял для ее сохранности в смысле законодательства об информации, информационных технологиях и о защите информации [11, с. 42].

Актуальность защиты персональных данных подтверждается деятельностью Роскомнадзора в части увеличения количества выявленных нарушений. Так, если результативность проверок в 2018 году составляла 80 %, то в 2019 году – 81,29 %. Всего в 2019 году проведено 989 плановых и 30 внеплановых проверок, а также 136 плановых проверок в отношении государственных органов, органов местного самоуправления, обеспечивающих обработку персональных данных, по результатам которых выдано 799 предписаний об устранении выявленных нарушений\*\*.

\* Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: паспорт национального проекта (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. N 7). Документ опубликован не был. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

\*\* Доклад об осуществлении государственного контроля (надзора) и об эффективности такого контроля (надзора) за 2019 год // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: официальный сайт. URL: <https://rkn.gov.ru>

В 2019 году в адрес ведомства и его территориальных органов было подано 50 394 обращения граждан и юридических лиц (в 2018 году — 41 171), в том числе 49 683 — обращения и жалобы граждан (субъектов персональных данных) и 711 — юридических лиц. Причем круг вопросов самый различный — от применения законодательства, разъяснения порядка, условий и правомочности обработки персональных данных до жалоб на действия операторов. Доводы заявителей подтвердились в 7,2 % случаев\*;

— воздействующее влияние одних субъектов на других в процессе реализации отдельных прав и свобод (например, организаций, оказывающих услуги доступа к сети Интернет), манипулирование сознанием граждан посредством ресурсов Глобальной сети, что иногда рассматривается как средство политического давления и применяется для доведения своих идей и поиска сторонников;

— низкий уровень цифровой грамотности населения. Отношение к Интернету, а тем более элементарные навыки и умения пользования им у граждан различные. Одни демонстрируют полное равнодушие, другие, напротив, не представляют свою жизнь без интернет-ресурсов. Развитие цифровой грамотности населения — это первостепенная задача федерального проекта «Кадры для цифровой экономики национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»\*\*». Основной акцент Проекта сделан на содействии гражданам в освоении цифровой грамотности, в частности, на создании общедоступных онлайн-сервисов, использовании положительного зарубежного опыта, стационарном и онлайн-обучении, привлечении высокопрофессиональных кадров, реализации программ переподготовки и перспективных образовательных проектов, в том числе по вопросам кибербезопасности, и т.д. Все это непременно будет способствовать полноценному вовлечению граждан в участие в общественной жизни, привитию интереса к электронным

технологиям как полезным инструментам, являющимся средствами реализации их прав и свобод.

В Рекомендациях по электронной демократии, принятых в 2009 году Комитетом министров Совета Европы, отмечается, что информационно-коммуникационные технологии, с одной стороны, могут способствовать повышению уровня занятости, обеспечению прав и свобод человека и гражданина, с другой — негативно сказаться на реализации прав, свобод и ценностей\*\*\*;

— дополнительные финансовые затраты на техническое оснащение никаким образом не соотносятся с минимальным размером оплаты труда и величиной прожиточного минимума, при том что современная действительность диктует условия, при которых полноценная реализация отдельных прав и свобод напрямую зависит от информационно-коммуникационных технологий. Например, подача заявлений для государственной регистрации прав на недвижимое имущество (Росреестр), заявлений и обращений в государственные органы, учреждения, организации, реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий и др. предполагают наличие электронных гаджетов и, соответственно, оплаты услуг провайдеров;

— регресс в развитии права и государства, спровоцированный повсеместным внедрением искусственного интеллекта. Искусственный интеллект в отрыве от человеческого сознания не способен развивать право и государство. В данном случае важно сочетать принцип соразмерности использования искусственного интеллекта и аналитического человеческого мышления в развитии права и государства, в котором, несмотря ни на что, именно человек является движущей силой, определяющей вектор поступательного развития всего существующего.

\*\*\* Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/REC(2009)1 по электронной демократии (приняты Комитетом министров 18 февр. 2009 г. на 1049-м собрании заместителей министров) // Внесудебные процедуры — альтернативное урегулирование споров — примирение сторон. URL: <http://mosmediator.narod.ru>

\* Там же.

\*\* Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: паспорт национального проекта.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий способствует снижению коммуникативной активности личности, и, на первый взгляд, это может нанести серьезный урон государству и праву. Вместе с тем анализ практики позволяет сделать вывод, что это далеко не так.

Положительная динамика использования информационно-коммуникационных технологий свидетельствует об их востребованности. В качестве примера можно привести статистику обращений граждан в органы государственной власти. В частности, в 2019 году в адрес Президента Российской Федерации поступило более 1,3 млн обращений, запросов информации и сообщений (АППГ – более 1,6 млн). При этом наибольшее количество – 64,6 % обращений поступило в форме электронного документа (АППГ – 65,7 %)\*.

В январе 2020 года в Правительство Российской Федерации поступило около 9,2 тыс. обращений, в том числе в форме электронного документа – 7,2 тыс. заявлений; в декабре 2019 года – почти 10,2 тыс. обращений, в том числе в форме электронного документа – 7,4 тыс. заявлений\*\*.

В 2019 году в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации поступило 44 тыс. обращений граждан (АППГ – 31,5 тыс.), из них через Виртуальную приемную на официальном сайте Совета Федерации в сети Интернет – около 29 тыс. (АППГ – 17 тыс.)\*\*\*.

За осеннюю сессию 2019 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации поступило на рассмотрение 63,8 тыс. обращений (АППГ

– 62,4 тыс.), из них 50,5 тыс. обращений поступило через интернет-приемную Государственной Думы (АППГ – 45,5 тыс.)\*\*\*\*.

Кроме этого, как известно, в проводимой в Российской Федерации судебной реформе акцент делается на развитии электронного правосудия в целях упрощения процедуры рассмотрения дел, достижения качественных показателей, в том числе эффективного исполнения судебных решений, за счет внедрения информационно-коммуникационных технологий\*\*\*\*\*. Важной вехой реформирования судебной системы явилось принятие Федерального закона от 23 июня 2016 г. N 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»\*\*\*\*\*, закрепившего использование с 1 января 2017 г. в деятельности судов электронного документооборота.

Подтверждением этого являются статистические данные за 2017-2019 гг. Если в 2017 году в федеральные суды общей юрисдикции в электронном виде поступило около 280 тыс. документов процессуального характера, то в 2018 году – около 700 тыс., в 2019 году – более 1 млн. Положительная динамика отмечается и в деятельности федеральных арбитражных судов: в 2017 году – почти 300 тыс. документов, в 2018 году – около 400 тыс., в 2019 году – почти 500 тыс.

Кроме этого, широкое распространение получили электронные сервисы. Об этом свидетельствуют приведенные данные о количестве (рост 30-40 % ежеквартально) подаваемых в суды документов, а также личные кабинеты, создаваемые

\* Обзоры обращений, адресованных Президенту Российской Федерации // Президент Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://letters.kremlin.ru>

\*\* Обзоры обращений в Правительство Российской Федерации // Правительство Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://services.government.ru>

\*\*\* Обзоры обращений граждан в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://council.gov.ru>

\*\*\*\* Сведения об обращениях граждан, поступивших в Государственную Думу за сессию // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://duma.gov.ru>

\*\*\*\*\* О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы»: постановление Правительства Российской Федерации от 27 дек. 2012 г. N 1406: ред. от 25 дек. 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 1. Ст. 13; 2020. N 2 (ч. I). Ст. 163.

\*\*\*\*\* Там же. 2016. N 26 (ч. I). Ст. 3889.

в системе ГАС «Правосудие». За время существования электронных сервисов создано более 2 млн 270 тыс. личных кабинетов участников судопроизводства в федеральных судах. Более того, оснащение всех федеральных судов общей юрисдикции средствами видеоконференцсвязи позволило в 2019 году провести с их помощью более 248 тыс. судебных заседаний [12].

Особая активность обращений граждан в суды наметилась в период действия противоэпидемиологических мер. Например, с 18 марта по 20 апреля 2020 г. в 1,5 раза возросло количество документов (в том числе исков, ходатайств, жалоб и др.), подаваемых в электронном виде, — около 200 тыс. в федеральных судах общей юрисдикции и свыше 50 тыс. в федеральных арбитражных судах. Судами рассмотрено свыше 2 млн дел и материалов, проведено 8 тыс. судебных заседаний посредством видеоконференцсвязи [12].

Вместе с тем важно отметить, что обращения граждан в форме электронного документа являются правом, а не императивной обязанностью. Это всего лишь дополнительный способ обращения, наряду с которым подача соответствующих документов и приложений к ним может быть осуществлена и на бумажном носителе.

Таким образом, подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы:

1. Принимая во внимание то, что цифровые технологии выступают прежде всего в качестве обеспечивающего средства конституционного права человека на получение информации, а процесс цифровизации предоставляет безграничные возможности ее использования, дебаты относительно границ реализации прав и свобод человека и гражданина будут только усиливаться.

2. Недооценка возможностей широкого использования информационно-коммуникационных технологий, их влияния на автономию личности, на принятие самостоятельных решений является следствием низкой информационной грамотности и обеспеченности населения. Именно информационно-коммуникационные технологии способны влиять на формирование совершенно новой модели коммуникаций между властью и гражданином, когда человек получает, например, комплекс услуг, коммуницируя с властью в удаленном доступе. В свою очередь, власть, заинтересованная в положительных отзывах, старается незамедлительно реагировать на обращения граждан, проявляя обеспокоенность относительно распространения негативной информации о своей деятельности и в определенных случаях принимает запретительные меры для ограничения критики публичных институтов.

Здесь важно соблюсти баланс между властью и свободой, поскольку существование свободы личности вне сильной государственной власти невозможно. В свою очередь, государство, не обеспечивающее полноценную защиту свободы, как совершенно оправданно отметил Н.С. Бондарь, в любой момент может стать тоталитарным [13, с. 30-31].

3. Широкомасштабное внедрение информационно-коммуникационных технологий неизбежно сказывается на функционировании органов власти, институтов гражданского общества, трансформации существующих общественных структур, а также на реализации конституционно-правовых установлений. Их соразмерная интеграция, безусловно, способствует упрощению формальных процедур, в том числе при реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

### Список литературы

1. Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 7. С. 23-28.
2. Боброва Н.А. Цифровизация: плюсы и минусы // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 10. С. 23-25.
3. Василевич Г.А. Цифровизация права как средство повышения его эффективности // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 8. С. 32-35.
4. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Рос. газ. 2018. 29 мая.
5. Саурин А.А. Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 8. С. 26-31.
6. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. N 9. С. 5-16.

7. Шахрай С.М. «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. N 12. Т. 88. С. 1075-1082.
8. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. N 1. С. 85-102.
9. Танимов О.В., Шевченко А.Р. Цифровое право: основные сущностные аспекты // Российская юстиция. 2019. N 10. С. 6-9.
10. Авакьян С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. N 4. С. 3-7.
11. Алешкова И.А., Молокаева О.Х. Опасности цифрового развития права: очевидные, скрытые, мнимые // Конституционное и муниципальное право. 2019. N 8. С. 41-45.
12. Куликов В. Жалобная сеть // Рос. газ. 2020. 22 апр.
13. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия. М.: Юстицинформ, 2005. 592 с.

### References

1. Avak'yan S.A. Information space of knowledge, digital world and constitutional law Constitutional and municipal law, 2019, no. 7, pp. 23-28. (In Russ.).
2. Bobrova N.A. Digitalization: pros and cons. Constitutional and municipal law, 2019, no. 10, pp. 23-25. (In Russ.).
3. Vasilevich G.A. Digitalization of law as a means of increasing its effectiveness. Constitutional and municipal law, 2019, no. 8, pp. 32-35. (In Russ.).
4. Zor'kin V.D. The Right in a digital world. Russian newspaper, 2018, May, 29. (In Russ.).
5. Saurin A.A. Digitalization as a factor of law transformation. Constitutional and municipal law, 2019, no. 8, pp. 26-31. (In Russ.).
6. Khabrieva T.Ya. Law before the challenges of digital reality. Journal of Russian law, 2018, no. 9, pp. 5-16. (In Russ.).
7. Shakhray S.M. "Digital" Constitution. The fate of basic human rights and freedoms in a total information society. Bulletin of the Russian Academy of Sciences, 2018, no. 12, vol. 88, pp. 1075-1082. (In Russ.).
8. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in the conditions of digital reality. Journal of Russian law, 2018, no. 1, pp. 85-102. (In Russ.).
9. Tanimov O.V., Shevchenko A.R. Digital right: the main essential aspects. The Russian justice, 2019, no. 10, pp. 6-9. (In Russ.).
10. Avak'yan S.A. Main trends in the modern development of constitutional law. Constitutional and municipal law, 2017, no. 4, pp. 3-7. (In Russ.).
11. Aleshkova I.A., Molokaeva O.H. Dangers of digital development of law: obvious, hidden, imaginary. Constitutional and municipal law, 2019, no. 8, pp. 41-45. (In Russ.).
12. Kulikov V. Complaint network, Russian newspaper, 2020, April 22. (In Russ.).
13. Bondar' N.S. Power and freedom in the balance of constitutional justice, Moscow, Yustitsinform Publ., 2005. 592 p. (In Russ.).

### Раздел 3. Административная деликтология

ХАМЕТДИНОВА Г.Ф., кандидат юридических наук, gulnara.khamietdinova@mail.ru  
Кафедра административной деятельности органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

KHAMETDINOVA G.F., Candidate of Legal Sciences, gulnara.khamietdinova@mail.ru  
Chair of administrative activity of the internal affairs bodies; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

#### ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕТРОСПЕКТИВА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

**Аннотация.** В статье анализируются изменения, произошедшие в административно-правовом регулировании общественных отношений в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних с момента вступления в законную силу Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Констатируется, что законодательная деятельность по формированию административно-правовой защиты детства лишена системности. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что наличие в административном законодательстве общей нормы, предусматривающей ответственность за создание условий, ставящих в опасность ребенка, а также за неоказание помощи, в которой он нуждается в связи с малолетним возрастом, способствовало бы более эффективной защите прав несовершеннолетних.

**Ключевые слова:** защита детства; несовершеннолетний; неоказание помощи; оставление в опасности малолетнего; административно-правовые меры; административно-правовое регулирование; ответственность родителей.

Для цитирования: Хаметдинова Г.Ф. Об эффективности мер административно-правовой защиты несовершеннолетних в Российской Федерации: ретроспектива законодательства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 3 (53). С. 41-51.

#### ON THE EFFECTIVENESS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION OF MINORS IN THE RUSSIAN FEDERATION: RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION

**Annotation.** The author of the article analyzes the changes concerning the administrative and legal regulation of public relations in the field of protection of the rights and legitimate interests of minors since the Code of Administrative Offences of the Russian Federation came into force. It is stated that the legislative activity aimed at the administrative and legal protection of children is not systematic. As a result of the research, it is concluded that administrative legislation should contain a general rule providing the responsibility for creating the conditions endangering the life or health of a child, as well as for failing to provide the assistance that a child needs because of his or her young age. The existence of such rule would contribute to a more effective protection of the rights of minors.

**Keywords:** child protection; minor; failure to help; leaving a minor in danger; administrative and legal measures; administrative and legal regulation; parental responsibility.

For citation: Khametdinova G.F. On the effectiveness of administrative and legal protection of minors in the Russian Federation: retrospective analysis of the legislation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 3 (53). P. 41-51.

Приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями,

способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины\*.

Одним из основных национальных приоритетов России является обеспечение благополучного и защищенного детства. Как отмечается в литературе, с каждым годом законодательная база, регулирующая общественные отношения в сфере защиты прав и законных интересов ребенка, становится шире [1, с. 41].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) за время существования претерпел 415 редакций. В отличие от первоначальной редакции, вступившей в силу 1 июля 2002 г. и содержащей 6 статей, направленных на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, актуальный текст КоАП РФ включает более 25 статей, устанавливающих административную ответственность за правонарушения в сфере охраны детства.

С начала действия КоАП РФ административно-правовой охране подлежали права несовершеннолетних детей, вытекающие из семейных правоотношений. На это были направлены три нормы, содержащиеся в главе 5 КоАП РФ: ст. 5.35 «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних, чч. 1 и 2 ст. 5.36 «Нарушение порядка и сроков предоставления сведений о несовершеннолетних, нуждающихся в передаче на воспитание в семью либо в учреждения для детей-сирот или детей, оставшихся без попечения родителей» и ст. 5.37 «Незаконные действия по усыновлению (удочерению) ребенка, передача его под опеку (попечительство) или в приемную семью».

Еще два положения содержалось в главе 6 КоАП РФ: ст. 6.7 «Нарушение санитарно-эпидемиологических требований к условиям воспитания и обучения» и ст. 6.10 «Вовлечение несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ», и одно в главе 20

– ст. 20.22 «Нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ». При этом ст. 6.10 КоАП РФ была единственной нормой, которая стояла на защите здоровья несовершеннолетних.

Первоначальная редакция ст. 20.22 КоАП РФ была нацелена прежде всего на охрану общественного порядка, поскольку ответственность родителей обуславливалась не фактом потребления соответствующих веществ несовершеннолетними детьми, а их появлением после потребления или в момент потребления в общественных местах. Современная редакция этой статьи направлена в первую очередь на подкрепление административно-правовыми средствами запрета на потребление несовершеннолетними алкогольной и спиртосодержащей продукции, установленного Федеральным законом от 22 ноября 1995 г. N 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»\*\* (далее – Федеральный закон N 171-ФЗ) вне зависимости от места совершения правонарушения. При этом, как и прежде, указанная норма остается в главе 20 КоАП РФ [2, с. 22].

За период действия КоАП РФ произошло заметное расширение административно-правового регулирования отношений, связанных с реализацией прав и законных интересов несовершеннолетних.

В соответствии с главой 5 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на права граждан» к объектам административно-правовой охраны в сфере защиты прав и легитимных интересов несовершеннолетних относятся следующие общественные отношения:

\*\* О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федер. закон от 22 нояб. 1995 г. N 171-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 48. Ст. 4553.

\* См.: Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. N 996-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. N 23. Ст. 3357.

— касающиеся политических прав — статьей 5.11 КоАП РФ предусмотрена ответственность за привлечение к проведению предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума лиц, которые не достигли на день голосования возраста 18 лет;

— возникающие из семейных отношений — ст.ст. 5.35, 5.35.1;

— направленные на охрану права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитываться в семье — ст. 5.36;

— касающиеся защиты прав детей на усыновление, удочерение, опеку и попечительство — ст. 5.37.

В 2011 году ст. 5.35 КоАП РФ, являющаяся основной статьей в сфере защиты несовершеннолетних детей, была дополнена частями 2 и 3\*. Часть 2 предусматривает ответственность субъектов, лишивших детей права на общение с родителями или близкими родственниками, если такое общение не противоречит интересам детей, намеренно сокрывших место нахождения детей помимо их воли и не исполнивших судебное решение об определении места жительства детей. Повторное нарушение данной нормы влечет усиление ответственности на основании ч. 3 ст. 5.35 КоАП РФ.

Вместе с тем в литературе обосновывается необходимость расширения федерального законодательства в части установления оснований для привлечения к ответственности по ст. 5.35 КоАП РФ. Например, по мнению О.М. Дорошенко, в современном российском административном законодательстве предусмотрена ответственность родителей за правонарушения, совершенные их детьми, но в целом данный вид ответственности недостаточно развит и редко применяется. В связи с этим в дальнейшем законодателю следует стремиться к большей централизации данного направления (содержание федерального законодательства) и расширению перечня составов, по которым возможно привлечение к ответственности родителей, опекунов, попечителей, приемных родителей, лиц, усыновивших (удочеривших) детей в судебном порядке [3, с. 68].

\* О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 4 мая 2011 г. N 98-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 19. Ст. 2715.

Постепенное расширение государственного контроля в сфере здоровья, нравственности и санитарно-эпидемиологического благополучия населения привело к увеличению количества норм, направленных на защиту детства. Глава 6 КоАП РФ, содержащая в первой редакции две соответствующие статьи (6.7 и 6.10), в 2013 году претерпела изменения, а именно была дополнена:

1) статьей 6.17 «Нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию». Данное обновление\*\* стало результатом принятия специализированного закона, определившего три вида информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей; классификацию информационной продукции (до 6 лет, с 6 лет, с 12 лет, с 16 лет); требования к обороту информационной продукции, а также закрепившего положение, в соответствии с которым нарушение требований данного закона влечет установленную законодательством Российской Федерации ответственность\*\*\*. Следует отметить неоднозначное восприятие общественностью положений Федерального закона 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», закрепивших\*\*\*\* требование к обозначению категории информационной продукции в зависимости от возраста ребенка. Это находило отражение и в критических суждениях авторов научных публикаций [4; 5];

\*\* О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»: федер. закон от 21 июля 2011 г. N 252-ФЗ // Там же. 2011. N 30. Ст. 460.

\*\*\* О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федер. закон от 29 дек. 2010 г. N 436-ФЗ // Там же. 2011. N 1. Ст. 48.

\*\*\*\* О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28 июля 2012 г. N 139-ФЗ // Там же. 2012. N 31. Ст. 4328.

2) статьями 6.19 «Создание юридическим лицом условий для торговли детьми и (или) эксплуатации детей» и 6.20 «Изготовление юридическим лицом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и оборот таких материалов или предметов», установившими ответственность юридических лиц за создание условий для торговли детьми и (или) эксплуатации детей и за изготовление материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и оборот таких материалов или предметов\*.

Субъектом данных правонарушений является юридическое лицо. В примечаниях 1 и 2 к ст. 6.20 КоАП РФ уточнено, во-первых, что юридическое лицо несет ответственность в том случае, если лицо, выполняющее управленческие функции в данной организации, действовало от имени или в интересах юридического лица. Во-вторых, закреплено, что лицом, выполняющим управленческие функции в данной организации, является лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции.

В литературе высказывается мнение о том, что правовой статус указанного лица сформулирован не конкретно и это затрудняет квалификацию в части выявления субъекта состава правонарушения. Предлагается привлекать к ответственности только юридическое лицо. Это позволит создать эффективную систему внутреннего контроля и минимизировать риски [6, с. 99].

В поддержку данного мнения следует отметить, что примечания к ст. 6.20 КоАП РФ являются излишними. Существующий в уголовном законе смежный состав

\* О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предупреждения торговли детьми, их эксплуатации, детской проституции, а также деятельности, связанной с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: федер. закон от 5 мая 2013 г. N 58-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 14. Ст. 1666.

(ст. 242.1 УК РФ) позволяет персонифицировать ответственность за деяния, практически не отличающиеся по описанию объективной стороны. В частности, имеющиеся единичные факты привлечения к административной ответственности по анализируемым статьям и отдельные научные публикации не позволяют на данном этапе сделать вывод об эффективности этих норм;

3) статьей 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», установившей административную ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, совершенную посредством распространения или навязывания соответствующей информации, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния (ч. 1)\*\*. Квалифицирующими признаками данного правонарушения выступают признаки особых субъектов (иностранных граждан или лица без гражданства) и средства их совершения (средства массовой информации и (или) информационно-телекоммуникационные сети (чч. 2-4).

В 2014 году Федеральный закон, установивший настоящую ответственность, был обжалован в Конституционный Суд Российской Федерации и в 2017 году в Европейский Суд по правам человека лицами, привлеченными к административной ответственности по комментируемой статье. Конституционный Суд Российской Федерации признал, что ст. 6.21 КоАП РФ не содержит дискриминационных положений\*\*\*. Европейский

\*\* О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей: федер. закон от 29 июня 2013 г. N 135-ФЗ // Там же. 2013. N 26. Ст. 3208.

\*\*\* По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сент. 2014 г. N 24-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2014. N 6.

Суд по правам человека, напротив, посчитал, что закон нарушает ст. 10 и ст. 14 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод\*, запрещающие дискриминацию по каким бы то ни было признакам.

По мнению А.В. Кротова, нравственное и духовное развитие ребенка относится к компетенции семейного регулирования, в незначительной части – общества, но не государства с его специфическими методами реализации государственной власти [7, с. 66].

Полагаем, что анализируемая норма справедливо стоит на защите детства в российском обществе. Свобода взрослого человека в сфере сексуальных отношений не имеет ничего общего с действиями, расцениваемыми как пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, и, соответственно, не может притеснять интересы сексуальных меньшинств. При этом пропаганда (призывы) к нетрадиционным сексуальным отношениям, напротив, нарушает такую свободу;

4) статьей 6.23 «Вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака» и частью 2 статьи 6.24 «Вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака». Основанием для установления административной ответственности\*\* явилось принятие в развитие Рамочной конвенции Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака Федерального закона от 23 февраля 2013 г. N 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий

\* Гордеев В., Витько С. ЕСПЧ признал дискриминационным российский закон о гей-пропаганде // РБК - информационное агентство: сайт. URL: <https://www.rbc.ru>

\*\* О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О рекламе» в связи с принятием Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»: федер. закон от 21 окт. 2013 г. N 274-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 43. Ст. 5444.

потребления табака»\*\*\* (далее – Федеральный закон N 15-ФЗ). Под особую охрану законом были взяты детские площадки, курение на которых усиливает ответственность по ч. 2 ст. 6.24 КоАП РФ в виде административного штрафа в размере от 2 до 3 тысяч рублей. При этом за курение в иных запрещенных Федеральным законом N 15-ФЗ местах в соответствии с ч. 1 ст. 6.24 КоАП РФ предусмотрен административный штраф в размере от 500 до 1 тысячи рублей.

Справедливое усиление ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака, совершенное родителями или иными законными представителями, предусмотрено частью 2 ст. 6.23 КоАП РФ. Потребление табака и алкоголя является не только вредной привычкой, но и «катализатором» деструктивных социальных процессов во всем обществе, негативным образом отражающихся на институте семьи. Первые представления у ребенка об основах сбережения жизненных ресурсов, здоровья, духовно-нравственного, физического и интеллектуального развития, безопасности, благополучия формируются в семье. Курение табака, как и потребление алкоголя, является фактором ухудшения здоровья всех членов семьи, приводит к формированию неблагополучной семьи, в которой нет места ответственности родителей и происходит нарушение прав ребенка [8, с. 45].

Главой 12 КоАП РФ предусмотрены четыре нормы ст. 12.23 «Нарушение правил перевозки людей», направленные на защиту детей в сфере безопасности дорожного движения. В июле 2013 года впервые была введена ч. 3 ст. 12.23 КоАП РФ\*\*\*\*, закрепившая ответственность за нарушение

\*\*\* Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака: федер. закон от 23 февр. 2013 г. N 15-ФЗ // Там же. 2013. N 8. Ст. 721.

\*\*\*\* О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 28 Федерального закона «О безопасности дорожного движения»: федер. закон от 23 июля 2013 г. N 196-ФЗ // Там же. 2013. N 30. Ст. 4029.

ние требований к перевозке детей, установленных Правилами дорожного движения\* (далее – ПДД). Причем требования к перевозке детей были существенно изменены с принятием в 2017 году новой редакции пункта 22.9 ПДД, определившего порядок перевозки детей в легковом автомобиле и кабине грузового автомобиля.

В мае 2016 года в законную силу вступили изменения, дополнившие ст. 12.23 КоАП РФ сразу тремя частями\*\*. В части 4 анализируемой статьи закреплена ответственность за нарушение требований, установленных Правилами организованной перевозки группы детей автобусами\*\*\* (далее – Правила), которые предъявляются, во-первых, к автобусам, во-вторых, к водителям, в-третьих, к сопроводительным документам – отсутствие договора фрахтования при его необходимости, установленной Правилами, отсутствие программы маршрута, списка детей, списка лиц, назначенных в качестве сопровождающих группы детей. Пятой частью данной статьи предусмотрена ответственность за нарушение требований к организованной перевозке группы детей в ночное время. За иные нарушения требований, установленных Правилами, ответственность наступает на основании ч. 6 ст. 12.23 КоАП РФ.

В главу 13 КоАП РФ, определившую административные правонарушения в области связи и информации, включены три нормы, направленные на защиту несо-

вершеннолетних в указанной области: ч. 3 ст. 13.15, ч. 2 ст. 13.21 и ч. 2 ст. 13.36. Содержание данных составов направлено на реализацию установленных федеральным законодательством требований в области информации, информационных технологий и средств массовой информации\*\*\*\*. Например, введенная в 2013 году ч. 3 ст. 13.15 КоАП РФ, защищая интересы несовершеннолетнего, установила ответственность за распространение информации о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных деяний, или иное нарушение требований к распространению такой информации\*\*\*\*\*.

В пяти составах главы 14 КоАП РФ «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций» содержится указание на защиту несовершеннолетних от различного рода негативного влияния на их здоровье и воспитание, свидетельствующее о достаточной законодательной регламентации деятельности названных субъектов.

Так, субъекты предпринимательской и иной саморегулируемой деятельности подлежат административной ответственности:

– в случае допуска в игорные заведения или привлечения в качестве работника игорного заведения лиц, не достигших возраста восемнадцати лет, в нарушение требований федерального законодательства (ч. 5 ст. 14.1.1 КоАП РФ);

\* Правила дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 окт. 1993 г. N 1090; ред. от 28 июня 2017 г. // Рос. вести. 1993. 23 нояб. N 761; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. N 28. Ст. 4139.

\*\* О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 1 мая 2016 г. N 138-ФЗ // Там же. 2016. N 18. Ст. 2514.

\*\*\* Правила организованной перевозки группы детей автобусами: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 дек. 2013 г. N 1177; ред. от 8 авг. 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

\*\*\*\* О средствах массовой информации: закон Рос. Федерации от 27 дек. 1991 г. N 2124-I; ред. от 2 дек. 2019 г. // Рос. газ. 1992. 8 февр.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 31. Ст. 3448; О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федер. закон от 29 дек. 2010 г. N 436-ФЗ.

\*\*\*\*\* О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части ограничения распространения информации о несовершеннолетних, пострадавших в результате противоправных действий (бездействия): федер. закон от 5 апр. 2013 г. N 50-ФЗ // Там же. 2013. N 14. Ст. 1658.

— за нарушение запрета, установленного в соответствии с Федеральным законом от 11 ноября 2003 г. N 138-ФЗ «О лотереях», на привлечение к проведению лотереи лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста (ч. 6 ст. 14.27 КоАП РФ).

С принятием Федерального закона N 15-ФЗ в главу 14 КоАП РФ введены две статьи\*. Статья 14.3.1, согласно которой демонстрация табачных изделий, процесса потребления табака в созданных и предназначенных для детей произведениях, фильмах, в театрално-зрелищных представлениях, в программах, публичное исполнение, сообщение в эфир, любое иное демонстрирование табачных изделий и процесса потребления табака влечет наложение административного штрафа на субъектов административной ответственности.

Продажа несовершеннолетнему табачной продукции или табачных изделий влечет ответственность по ч. 3 ст. 14.53 КоАП РФ, основанную на запретах и ограничениях, установленных Федеральным законом N 15-ФЗ. В соответствии со ст. 20 Федерального закона N 15-ФЗ запрещаются продажа табачной продукции несовершеннолетним и несовершеннолетними, вовлечение детей в процесс потребления табака путем покупки для них либо передачи им табачных изделий или табачной продукции, предложения, требования употребить табачные изделия или табачную продукцию любым способом.

К общественным отношениям, требующим государственного надзора и регулирования, относятся также отношения в области оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции\*\*.

\* О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О рекламе» в связи с принятием Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»: федер. закон от 21 окт. 2013 г. N 274-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 43. Ст. 5444.

\*\* О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федер. закон от 22 нояб. 1995 г. N 171-ФЗ // Там же. 1995. N 48. Ст. 4553.

Одной из действенных государственных мер противодействия алкоголизации несовершеннолетних является закрепленная ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ административная ответственность за розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции при отсутствии признака уголовно наказуемого деяния — «совершено неоднократно» (ст. 151.1 УК РФ).

В завершение обзора административно-правовых мер, направленных на охрану детства, следует обратиться к содержанию главы 20 КоАП РФ, объектом правовой защиты которой являются общественный порядок и общественная безопасность. Как было указано ранее, данная глава содержит ст. 20.22, установившую ответственность родителей (иных законных представителей) за нахождение несовершеннолетних детей в возрасте до 16 лет в состоянии опьянения либо потребление ими продукции и веществ, составляющих предмет данного правонарушения.

Заметим, что установленный Федеральным законом N 171-ФЗ запрет на потребление (распитие) алкогольной продукции несовершеннолетними не подкреплен соответствующей нормой КоАП РФ, устанавливающей административную ответственность для лиц в возрасте от 16 до 18 лет, потребляющих (употребляющих) такую продукцию вне запрещенных мест. Иначе говоря, употребление алкоголя вне общественных мест лицом в возрасте от 16 до 18 лет не влечет применение к нему мер административной ответственности, несмотря на существующий в законе запрет (п. 7 ст. 16 Федерального закона N 171-ФЗ).

В 2018 году ст. 20.2 КоАП РФ была дополнена нормой, устанавливающей административную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в участие в несанкционированных собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях или пикетировании (ч. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ)\*\*\*. Дополнение к статье было инициировано Государственной Думой Российской Федерации после массового вовлечения несовершеннолетних детей в участие в по-

\*\*\* О внесении изменения в статью 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 27 дек. 2018 г. N 557-ФЗ // Там же. 2018. N 53. Ст. 8483.

литических акциях А. Навального. Данный пример демонстрирует реакцию государства на изменения и осложнения, возникающие в различных сферах общественных отношений, требующих охраны прав несовершеннолетних.

Несмотря на, казалось бы, достаточный объем нормативно-правовой регламентации общественных отношений с участием детей, продолжает оставаться актуальным вопрос о расширении административно-правового регулирования отношений в указанной сфере.

Например, на низкую эффективность административной ответственности в семейных отношениях указывает в своем исследовании А.Р. Пурге, предположившая в качестве ее причины то, что «воздействие государства на семейные отношения до сих пор основано на “традиционных ценностях”, а не на сформированных в последние тридцать лет этических и нравственных стандартах поведения личности в обществе» [9, с. 4]. Решение вопроса автор видит в расширении присутствия административного права и публичного элемента в целом в семейных отношениях.

Л.В. Павлова отмечает остроту вопроса повышения эффективности административно-правового регулирования в сфере защиты прав и законных интересов детей, касающегося как правоприменительной, так и правореализующей деятельности [1, с. 44].

Полагаем, что отношения, возникающие не только в семейной, но и в иных сферах жизнедеятельности, в которых возможны нарушения прав и законных интересов детей, требуют расширения административно-правового реагирования и повышения эффективности реализации правоприменительной практики.

В средствах массовой информации опубликовано много подобных примеров. Нередки случаи, когда взрослые, имея возможность оказать помощь ребенку в трудной ситуации, остаются не просто равнодушными, но и преступно бездействуют. Последнее предусмотрено ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности». Однако, согласно содержанию данной нормы, заведомое оставление без помощи вменяется, «если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и (курсив наш. — Х.Г.) был

обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние».

На наш взгляд, ситуации, когда «обязанность оказывать помощь» отсутствует, но при этом помощь не оказана ребенку, который не способен в силу возраста предпринять меры к самосохранению и самообеспечению, должны регулироваться административным законодательством путем установления ответственности общего субъекта за неоказание помощи малолетнему ребенку. Как представляется, не все отношения могут быть урегулированы уголовно-правовой нормой об оставлении в опасности. Нередки ситуации, когда взрослые ставят малолетнего ребенка в условия потенциальной опасности.

В качестве подтверждения можно привести высказанное в литературе предложение о целесообразности административной ответственности за неоказание помощи ребенку. Например, А.Р. Пурге пишет: «В городских условиях нередко случаи, когда малолетние дети теряются на территориях крупных организаций, торговых центров и офисных зданий. Думается, что собственники или должностные лица, уполномоченные собственниками таких организаций, должны нести административную ответственность при обнаружении таких детей и неоказании им необходимой первой помощи» [9, с. 7].

К вопросу о защите детей административно-правовыми мерами следует отнести принятое Правительством Российской Федерации положение о введении запрета на оставление в транспортном средстве на время его стоянки ребенка в возрасте младше 7 лет в отсутствие совершеннолетнего лица\*. Нарушение данного запрета, закрепленного в п. 12.8 ПДД, влечет ответственность на основании ст. 12.19 КоАП РФ «Нарушение правил остановки или стоянки транспортных средств». В качестве основного объекта правовой охраны определена безопасность в области дорожного движения, а именно безопас-

\* О внесении изменений в Правила дорожного движения Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 28 июня 2017 г. N 761 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. N 28. Ст. 4139.

ность детей в возрасте до семи лет, участвующих в дорожном движении в качестве пассажиров.

Однако полагаем, что основным объектом в данном случае должна быть безопасность ребенка, оставленного в транспортном средстве без присмотра взрослых, а не правила стоянки, предписанные п. 12 ПДД «Остановка и стоянка». При наличии в правовой норме двух объектов – основного и дополнительного – основным, подлежащим приоритетной охране, должен быть объект, связанный с обеспечением безопасности жизни и здоровья человека. Соответственно, в данном случае отношения должны регулироваться административно-правовой нормой, ставящей под защиту право ребенка на безопасность и благоприятные условия воспитания.

К сожалению, нашему обществу известны примеры безответственного отношения к детям, их защите от различного рода угроз. Например, в августе 2018 года в подмосковном городе Ступино местная жительница оставила пятилетнего сына в своем автомобиле, двери и окна которого были закрыты. Вернувшись, она обнаружила мальчика мертвым\*. В отношении матери ребенка было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности».

Предупреждение аналогичных ситуаций должно происходить посредством мер административно-правового воздействия. В настоящее время решение вопроса на законодательном уровне происходит путем установления отдельных запретов в связи с возникновением конкретной жизненной ситуации. Наличие в КоАП РФ общей нормы, предусматривающей ответственность за создание условий, ставящих в опасность ребенка, либо не оказание помощи, в которой он нуждается в связи с малолетним возрастом, и т.д., способствовало бы эффективной защите детей.

Кроме того, активно обсуждаемый учеными-административистами вопрос о возможности установления административной ответственности применительно

к «семейным дебоширам» до сих пор не находит законодательного разрешения. При этом проблема остается актуальной, особенно для семей, воспитывающих несовершеннолетних детей.

Насильственные посягательства в семейно-бытовой сфере представляют реальную и потенциальную опасность для социального здоровья семьи, общества и подрастающего поколения [10, с. 126]. Следует отметить, что вопрос о необходимости укрепления правовой регуляции внутрисемейных отношений рассматривался в специальной литературе и ранее [11, с. 193].

Насилие в домашних условиях (если ребенок сам является жертвой жестокого обращения или становится свидетелем агрессии и насилия между взрослыми) может быть не только причиной душевных страданий в течение длительного времени, но и нанести непоправимый ущерб здоровью детей любого возраста [12, с. 83].

Семейные конфликты нередко происходят на глазах у детей, оказывая отрицательное влияние на их нормальное психическое развитие и воспитание. Считаем необходимым отдельной нормой регулировать подобные отношения на том основании, что нарушается право детей на защиту от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие, закрепленное Федеральным законом от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»\*\*.

При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Воспитание детей должно исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей. Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке [13, с. 69].

Учитывая имеющиеся на сегодняшний день затруднения правопримените-

\* СК возбудил дело после гибели ребенка, запертого на три часа в машине в Подмосковье // ТАСС: официальный сайт. URL: <https://tass.ru>

\*\* Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 31. Ст. 3802.

лей при квалификации административных правонарушений по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ в определении признаков ненадлежащего воспитания, целесообразно дополнительно к основному составу предусмотреть в качестве квалифицирующего и усиливающего ответственность признака ненадлежащее воспитание, выражающееся в создании конфликтных ситуаций (дебоширство), оказывающих отрицательное влияние на психическое развитие воспитываемых в семье несовершеннолетних детей. При этом административное наказание должно быть связано либо с обязательными работами, либо с административным арестом. Полагаем, что применение данных видов административного наказания позволит индивидуализировать меры воздействия и в случае административного ареста оградит семью в период острого конфликта от агрессии,

иного негативного влияния на виктимных членов семьи.

Таким образом, предлагаем внести в административное законодательство следующие изменения:

1) включить в КоАП РФ норму, предусматривающую ответственность за создание условий, ставящих в опасность ребенка, либо за неоказание помощи, в которой он нуждается в связи с малолетним возрастом и неспособностью предпринять меры к самосохранению и самообеспечению;

2) основной состав ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ дополнить квалифицирующим признаком «ненадлежащее воспитание, выразившееся в создании в семейно-бытовой сфере конфликтных ситуаций, оказывающих отрицательное влияние на психическое развитие воспитываемых в семье несовершеннолетних детей».

#### Список литературы

1. Павлова Л.В. Административно-правовое регулирование защиты прав и законных интересов ребенка // Административное право и процесс. 2017. N 4. С. 41-44.
2. Хаметдинова Г.Ф. Развитие института административной ответственности родителей за ненадлежащее воспитание детей в отечественном праве // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. N 1 (12). С. 21-26.
3. Дорошенко О.М. Особенности привлечения к ответственности родителей по ст. 5.35 КоАП РФ за противоправные действия несовершеннолетних // Актуальные проблемы административной деятельности органов внутренних дел (посвящается 25-летию кафедры административной деятельности ОВД): сб. тр. конф. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2018. С. 64-68.
4. Зайкин А.А., Сафронов В.В. Защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию // Основные тенденции развития российского законодательства: материалы конф. Красноярск, 2012. С. 92-93.
5. Синюк Н.С., Фарафонтова Е.Л. Некоторые проблемы применения Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Основные тенденции развития российского законодательства. 2012. N 7. С. 110-111.
6. Василенко Г.Н., Лобанова И.К. Административно-правовое противодействие обороту материалов или предметов, содержащих порнографические изображения несовершеннолетних // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. по материалам X юбилейной междунар. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения) / под общ. ред. А.И. Каплунова. СПб., 2019. С. 98-103.
7. Кротов А.В. Правовое регулирование традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений в российском обществе // Законодательство и экономика. 2014. N 7. С. 57-67.
8. Жегусов Ю.И., Корякина З.И. Деструктивные явления в семье как факторы, препятствующие формированию ответственного родительства // Общество: социология, психология, педагогика. Краснодар: ХОРС, 2018. С. 44-49.
9. Пурге А.Р. Административная ответственность в семейных правоотношениях // Административное и муниципальное право. 2017. N 9. С. 1-9.
10. Нигматуллин М.Р. Деятельность участкового уполномоченного полиции по предупреждению семейно-бытовых преступлений // Научные труды Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России: сб. ст. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2017. С. 124-130.
11. Сошникова И.В. Воспитательные меры по предупреждению насилия в семье // Известия Уральского государственного университета: Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. Екатеринбург: Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. С. 188-201.
12. Цинченко Г.М. Благополучие детей в контексте новых социальных исследований в западных странах // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. N 1. С. 76-88.

13. Емельянов В.М. Вопросы административно-юрисдикционной деятельности инспектора подразделения по делам несовершеннолетних в отношении родителей (иных законных представителей) несовершеннолетних // Научные труды Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России: сб. ст. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России. 2017. С. 68-78.

### References

1. Pavlova L.V. Administrative and legal regulation of the protection of the rights and legitimate interests of the child. *Administrative law and process*, 2017, no. 4, pp. 41-44. (In Russ.).
2. Hametdinova G.F. Development of the institution of administrative responsibility of parents for improper upbringing of children in domestic law. *Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1 (12), pp. 21-26. (In Russ.).
3. Doroshenko O.M. Features of bringing parents to justice under Art. 5.35 of the Administrative Code of the Russian Federation for illegal actions of minors. Actual problems of the administrative activities of the internal affairs bodies (dedicated to the 25th anniversary of the department of administrative activities of the police department). St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. Pp. 64-68. (In Russ.).
4. Zaykin A.A., Safronov V.V. Protection of children from information that is harmful to their health and development. Main trends in the development of Russian legislation: conference proceedings. Krasnoyarsk, 2012. Pp. 92-93. (In Russ.).
5. Sinyuk N.S., Farafontova E.L. Some problems of the application of the Federal Law "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development". Main trends in the development of Russian legislation, 2012, no. 7, pp. 110-111. (In Russ.).
6. Vasilenko G.N., Lobanova I.K. Administrative and legal opposition to the circulation of materials or objects containing pornographic images of minors. Actual problems of administrative and administrative procedural law. St. Petersburg, 2019. Pp. 98-103. (In Russ.).
7. Krotov A.V. Legal regulation of traditional and non-traditional sexual relations in Russian society. *Legislation and Economics*, 2014, no. 7, pp. 57-67. (In Russ.).
8. Zhegusov Yu.I., Koryakina Z.I. Destructive phenomena in the family as factors hindering the formation of responsible parenting. *Society: sociology, psychology, pedagogy*. Krasnodar, HORS Publ., 2018. Pp. 44-49. (In Russ.).
9. Purge A.R. Administrative responsibility in family legal relations. *Administrative and municipal law*, 2017, no. 9, pp. 1-9. (In Russ.).
10. Nigmatullin M.R. The activities of the district police officer for the prevention of family and domestic crimes. *Scientific works of the Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2017. Pp. 124-130. (In Russ.).
11. Soshnikova I.V. Educational measures to prevent domestic violence. *News of the Ural State University. Series 1: Problems of Education, Science and Culture*. Yekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2010. Pp. 188-201. (In Russ.).
12. Cinchenko G.M. Well-being of children in the context of new social research in Western countries // *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*, 2017, no. 1, pp. 76-88. (In Russ.).
13. Emel'yanov V.M. Issues of administrative and jurisdictional activities of the inspector of the unit for minors in relation to the parents (other legal representatives) of minors. *Scientific works of the Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2017. Pp. 68-78. (In Russ.).

|   |   |
|---|---|
| ЛЕТАЕВА Е.А.,<br>кандидат юридических наук,<br>eletaeva@mvd.ru  | LETAEVA E.A.,<br>Candidate of Legal Sciences,<br>eletaeva@mvd.ru  |
| Кафедра административной деятельности<br>органов внутренних дел;<br>Тюменский институт повышения<br>квалификации сотрудников<br>Министерства внутренних дел<br>Российской Федерации,<br>625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75 | Chair of administrative activities<br>of the internal affairs bodies;<br>Tyumen Advanced Training Institute<br>of the Ministry of the Interior<br>of the Russian Federation,<br>Amurskaya St. 75, Tyumen,<br>625049, Russian Federation |

### НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЕЛОСИПЕДИСТОВ ЗА УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

**Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, связанные с привлечением к административной ответственности велосипедистов за нарушение ими запрета на управление транспортным средством в состоянии опьянения, установленного пунктом 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации. Обосновывается целесообразность распространения на велосипедистов требований, предъявляемых к водителям механических транспортных средств, а также закрепления в российском законодательстве положений о возможности прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения всеми участниками дорожного движения, независимо от того, являются ли они субъектами административного правонарушения или нет. В результате проведенного исследования формулируются предложения по совершенствованию Правил дорожного движения Российской Федерации в части требований к велосипедистам, запрета на управление велосипедом в состоянии опьянения, а также по ужесточению санкции части 3 статьи 12.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

**Ключевые слова:** административная ответственность велосипедистов; велосипедист; безопасность дорожного движения; транспортное средство; водитель транспортного средства; Правила дорожного движения.

Для цитирования: Летаева Е.А. Некоторые вопросы административной ответственности велосипедистов за управление транспортным средством в состоянии опьянения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 3 (53). С. 52-60.

### SOME ISSUES CONCERNING THE ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF CYCLISTS FOR DRIVING A VEHICLE WHILE INTOXICATED

**Annotation.** The issues related to bringing cyclists to administrative responsibility for violating the ban on driving under the influence, established by paragraph 2.7 of the Road Traffic Rules of the Russian Federation are analyzed in the article. The author of the article substantiates the expediency of extending the requirements for drivers of motor vehicles to cyclists, as well as fixing in the Russian legislation the provisions concerning the possibility of undergoing a medical examination relating to intoxication by all road users, regardless of whether they are subjects of an administrative offence or not. As a result of the conducted research, the proposals for improving the Road Traffic Rules of the Russian Federation are formulated. They relate to the requirements for cyclists, the prohibition to ride a bicycle while intoxicated, as well as to toughening the sanction of part 3 of article 12.29 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation.

**Keywords:** administrative responsibility of cyclists; cyclist; road traffic safety; vehicle; vehicle driver; traffic regulations.

For citation: Letaeva E.A. Some issues concerning the administrative responsibility of cyclists for driving a vehicle while intoxicated // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 3 (53). P. 52-60.

Безопасность дорожного движения, несмотря на предпринимаемые меры, продолжает оставаться одним из приоритетов государственной политики Российской Федерации. Обеспечение безопасности дорожного движения является составной

частью национальных задач обеспечения личной безопасности, решения демографических, социальных и экономических проблем, повышения качества жизни, содействия региональному развитию\*. В целом в ряде стратегических и программных документов вопросы обеспечения безопасности дорожного движения определены в качестве приоритетов социально-экономического развития Российской Федерации.

В комплексе мер, направленных на повышение уровня безопасности дорожного движения в Российской Федерации, включающем развитие дорожно-транспортной инфраструктуры, автоматизации, правовой грамотности населения и т.д., значительная роль отводится правовым мерам, в том числе мерам по совершенствованию правового статуса участников дорожного движения и института юридической ответственности.

При этом в правотворческой и правоприменительной деятельности сохраняется акцент на вопросах, связанных с требованиями к техническим характеристикам транспортных средств, а также к их управлению. Аналогичная ситуация имеет место и в научной среде, поскольку главным предметом правовых исследований остается юридическая ответственность водителя автотранспортного средства. Это вполне оправданно, так как подавляющая часть дорожно-транспортных происшествий происходит с участием автотранспортных средств и по вине их водителей.

Вместе с тем без должного внимания остаются иные участники дорожного движения — пешеходы, велосипедисты, водители мотоциклов и мопедов. Современное развитие электротехники делает актуальным обращение к базовым категориям дорожного движения — системе транспортных средств и системе участников дорожного движения — в связи с появлением новых средств передвижения (электрические самокаты, электроскейты, скутеры и др.) и их водителей.

Изучение состояния безопасности дорожного движения позволяет констатиро-

\* Концепция федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 окт. 2012 г. N 1995-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 45. Ст. 6282.

вать, что, несмотря на определенные позитивные изменения, в частности тенденции снижения за последние 8 лет основных показателей аварийности (например, в 2018 году снижение количества ДТП составило 0,8 %, в 2019 году — 2,2 %)\*\*, количество дорожно-транспортных происшествий в Российской Федерации остается высоким.

В то же время обращают на себя внимание два аспекта. Первый связан с управлением транспортным средством водителями, находящимися в состоянии опьянения. С их участием совершено каждое десятое дорожно-транспортное происшествие (9,6 %), смертность составляет более 25 % от общего количества погибших в ДТП. Более чем в 93 % случаев эти водители являлись виновниками совершения данных дорожно-транспортных происшествий. Несмотря на снижение основных показателей аварийности с участием водителей в состоянии опьянения в целом, в 30 субъектах Российской Федерации количество таких дорожно-транспортных происшествий возросло\*\*\*. Следует согласиться с И.Ю. Зубаревым, отмечающим, что нахождение лица в состоянии опьянения однозначно свидетельствует о повышении степени общественной опасности деяния, совершаемого участником общественных отношений в сфере осуществления дорожного движения [1, с. 25].

Второй аспект — совершение дорожно-транспортных происшествий с участием велосипедистов. Согласно данным ГИБДД МВД России, в сравнении с показателями прошлых лет наибольший рост в процентном соотношении составляют дорожно-транспортные происшествия, совершенные с участием велосипедистов. Например, в 2019 году ими было совершено 5430 дорожно-транспортных происшествий (прирост составляет 2,5 % по сравнению с 2018 годом)\*\*\*\*. Здесь необходимо учитывать, что значительная доля таких происшествий случается с участием детей и

\*\* Преступность и происшествия. 2019: стат. сб. М.: ГИАЦ МВД России, 2020. С. 130.

\*\*\* Там же.

\*\*\*\* Показатели состояния безопасности дорожного движения // ГУОБДД МВД России: официальный сайт Госавтоинспекции. URL: <http://stat.gibdd.ru>

имеется тенденция к увеличению их количества. Например, в Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы указывается на увеличение на 10,8 % в 2016 году относительно 2007 года удельного веса дорожно-транспортных происшествий, в которых пострадали дети-велосипедисты\*. В 2018 и 2019 годах рост количества происшествий с участием детей-велосипедистов составил в среднем 6 %, доля данных происшествий во всех дорожно-транспортных происшествиях с участием детей – 72 %\*\*.

На основании вышеизложенного одним из перспективных направлений исследований в сфере безопасности дорожного движения является изучение вопросов, связанных с регулированием участия в дорожном движении пешеходов, велосипедистов, водителей мотоциклов, мопедов, а также водителей иных стремительно появляющихся и все более популярных среди населения электромеханических устройств. В первом случае это вопросы расширения действия норм административной ответственности за совершение административных правонарушений в области дорожного движения за счет распространения квалифицирующих признаков, предусмотренных для водителей автотранспортных средств, или формулирование новых, в последнем – это наделение статусом участника дорожного движения и субъекта административной ответственности.

Взаимосвязь обозначенных выше в статье аспектов дорожного движения образует отдельную область исследования – административную ответственность велосипедистов за управление транспортным средством в состоянии опьянения. Во-первых, управление водителем транспортным средством вне зависимости от его вида в состоянии опьянения является серьезным нарушением Правил дорожного движения Российской Федерации, во-вторых, исследование эффективности привлечения водителей к административной ответственности

вызвано устойчивым ростом рассматриваемых правонарушений, в том числе совершенных велосипедистами.

В настоящее время велосипедисты стали полноправными и, как показывает мировая тенденция, достаточно многочисленными участниками дорожного движения, на которых распространяются стандартные правила приоритета при движении по дорогам общего пользования [2, с. 127].

Передвижение на велосипеде, как и на механическом транспортном средстве, регламентировано Правилами дорожного движения Российской Федерации\*\*\* (далее – Правила дорожного движения). Вместе с тем вследствие нарушений требований к движению велосипедистов, предусмотренных главой 24 Правил дорожного движения, количество аварий с их участием значительно увеличивается.

Наиболее распространенные нарушения Правил дорожного движения велосипедистами связаны с несоблюдением требований, касающихся движения по проезжей части, тротуару, пешеходной дорожке, перевозки грузов и пассажиров, а также подачи сигналов поворотов (разворотов).

В Правилах дорожного движения отсутствует определение понятия велосипедиста. В соответствии с абз. 4 п. 1.2 Правил дорожного движения велосипедистом является лицо, управляющее велосипедом. В свою очередь, под велосипедом понимается «транспортное средство, кроме инвалидных колясок, которое имеет по крайней мере два колеса и приводится в движение, как правило, мускульной энергией лиц, находящихся на этом транспортном средстве, в частности при помощи педалей или рукояток, и может также иметь электродвигатель номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки, не превышающей 0,25 кВт, автоматически отключающийся на скорости более 25 км/ч» (абз. 4 п. 1.2). В то же время водителем, согласно абз. 7 п. 1.2 Правил дорожного движения, является лицо, управляющее каким-либо транспортным средством.

\* Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 янв. 2018 г. N 1-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. N5. Ст. 774.

\*\* Преступность и происшествия. 2019. С. 133.

\*\*\* Правила дорожного движения: утв. Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 окт. 1993 г. N 1090: ред. от 26 марта 2020 г. // Рос. газ. 2011. 16 нояб.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru>

Таким образом, в соответствии с Правилами дорожного движения велосипедист признается водителем транспортного средства, а значит, устройства, предназначенного, в частности, для перевозки по дорогам людей. Кроме того, согласно п. 24.2 Правил дорожного движения велосипедист может перевозить ребенка в возрасте до 7 лет на дополнительном сиденье, в велоколяске или в прицепе, предназначенном для эксплуатации с велосипедом.

Вследствие этого к велосипедистам, участвующим в дорожном движении, необходимо предъявлять требования, аналогичные требованиям, выполняемым водителями механических транспортных средств. Возникшая неопределенность в понимании запретов в отношении водителей транспортных средств, на наш взгляд, вызвана закреплением отдельного правового статуса велосипедиста, который при этом не перестает быть водителем.

В связи с этим следует полагать обоснованным внесение уточнения в определение понятия «велосипедист», указав, что велосипедист является именно водителем, управляющим велосипедом. В качестве примера такого подхода следует привести Правила дорожного движения Республики Беларусь, в которых используется понятие «водитель велосипеда (велосипедист)»\*. Схожая терминологическая конструкция имеется в правилах дорожного движения Республики Узбекистан\*\* и Республики Казахстан\*\*\*. В них определение понятия «водитель ве-

\* Правила дорожного движения Республики Беларусь: утв. Указом Президента Республики Беларусь от 28 нояб. 2005 г. N 551 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2006. N 151. 1/7931.

\*\* Правила дорожного движения: утв. Постановлением Кабинета министров Республики Узбекистан от 24 дек. 2015 г. N 370 // Собр. законодательства Республики Узбекистан. 2016. N 3. Ст. 23.

\*\*\* Правила дорожного движения, Основные положения по допуску транспортных средств к эксплуатации, перечень оперативных и специальных служб, транспорт которых подлежит оборудованию специальными световыми и звуковыми сигналами и окраске по специальным цветографическим схемам: утв. Постановлением Правительства Республики Казахстан от 13 нояб. 2014 г. N 1196 // Адилет: инф.-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://online.zakon.kz>

лосипеда» отсутствует, но само понятие используется наряду с иными терминами («велосипедист», «лицо, управляющее велосипедом»).

Согласно п. 2.7 Правил дорожного движения водителю запрещается управлять транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного), под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию и внимание, в болезненном или утомленном состоянии, ставящем под угрозу безопасность движения. В то же время в разделе 24 Правил дорожного движения отсутствует аналогичный запрет в отношении велосипедистов, несмотря на то, что часть 3 статьи 12.29 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение Правил дорожного движения велосипедистом, совершенное в состоянии опьянения.

В связи с этим предлагается дополнить п. 24.8 Правил дорожного движения запретом на управление велосипедом в состоянии опьянения. Очевидно, что велосипедист в состоянии опьянения представляет реальную угрозу не только для своей жизни и своего здоровья, но и для жизни и здоровья иных участников дорожного движения. При этом следует учитывать, что современный уровень развития велоиндустрии позволяет производить и делает доступным для населения широкий ассортимент велосипедов, в числе которых многоскоростные модели, велосипеды с электрическими приводами, позволяющие развивать высокую скорость, велосипеды с различной массой, а также получившие в последнее время распространение велосипеды с широкими покрышками. Это создает дополнительные риски жизни, здоровью и имуществу участников дорожного движения. В качестве иллюстрации может служить ситуация столкновения автомобиля с велосипедистом, двигавшимся в состоянии опьянения и допустившим нарушение правил проезда перекрестков (пп. 2.7, 13.11 Правил дорожного движения)\*\*\*\*.

Кроме того, в качестве примера можно привести ситуацию госпитализации

\*\*\*\* Решение Вологодского областного суда N 7-741/2019 от 27 авг. 2019 г. по делу N 7-741/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

велосипедиста в тяжелом состоянии после дорожно-транспортного происшествия в результате нарушения им п. 2.7 Правил дорожного движения\*.

В случае причинения вреда здоровью другим лицам велосипедисты могут быть привлечены к административной ответственности по ст. 12.30 КоАП РФ за нарушение Правил дорожного движения, повлекшее создание помех в движении транспортных средств либо причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего. При этом необходимо учитывать, что при установлении вины велосипедиста в создании аварийной ситуации не имеет значения, осуществлялось ли им движение на велосипеде (управление) в состоянии опьянения или он вел его, идя пешком (сопровождал). Например, велосипедист, двигаясь по тротуару при наличии на нем пешеходов, в нарушение п. 24.6 Правил дорожного движения, не спешившись, подвергает опасности пешеходов и создает им помехи. В результате этого велосипедистом может быть допущен наезд на пешехода и причинение вреда здоровью, о чем свидетельствует судебная практика\*\*.

В этом вопросе представляет интерес административно-деликтное законодательство зарубежных стран. Например, ст. 615 Кодекса Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. N 235-V ЗПК «Об административных правонарушениях», как и КоАП РФ, предусматривает административную ответственность за невыполнение пешеходами и иными участниками дорожного движения (велосипедистами) требований правил дорожного движения, повлекшее за собой причинение потерпевшему вреда здоровью, не имеющее признаков уголовно наказуемого деяния\*\*\*. Вместе с тем в

КоАП Республики Казахстан настоящий состав административного правонарушения дополнен квалифицирующими признаками: причинение материального ущерба иными участниками дорожного движения и повторное нарушение ими Правил дорожного движения в течение года после наложения административного взыскания.

Особого внимания заслуживает опыт правового регулирования Республики Беларусь. В статье 18.23 КоАП Республики Беларусь предусмотрена административная ответственность за нарушение правил дорожного движения пешеходом и иными участниками дорожного движения либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования). В качестве квалифицирующего признака в ч. 2 данной статьи предусматривается нарушение правил дорожного движения (пешеходом, лицом, управляющим велосипедом, гужевым транспортным средством, или лицом, участвующим в дорожном движении и не управляющим транспортным средством), совершенное в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, а равно отказ от прохождения в установленном порядке проверки (освидетельствования) на предмет определения данного состояния. Кроме того, КоАП Республики Беларусь предусматривает административную ответственность за указанные деяния, если они привели к созданию аварийной обстановки либо причинению потерпевшему легкого телесного повреждения, повреждению транспортного средства, груза, дорожного покрытия, дорожных и других сооружений или иного имущества, а также в случае оставления указанными участниками дорожного движения места дорожно-транспортного происшествия (чч. 3 и 4 ст. 18.23 КоАП Республики Беларусь)\*\*\*\*.

Изучение законодательства Российской Федерации в области дорожного движения позволяет сделать вывод о том, что велосипедист должен рассматриваться не

\* Решение Верховного Суда Республики Карелия от 28 марта 2014 г. по делу N 21-125/2014. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

\*\* Решение Кировского областного суда от 17 сент. 2019 г. по делу N 7-99/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

\*\*\* См.: Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. N 235-V ЗПК. // Адилет: инф.-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://online.zakon.kz>

\*\*\*\* Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апр. 2003 г. N 194-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by>

только как водитель транспортного средства, но и как пешеход (при спешивании в процессе перехода проезжей части дороги). Следовательно, в случае дорожно-транспортного происшествия к участникам дорожного движения должно применяться медицинское освидетельствование на состояние опьянения в порядке, установленном статьей 27.12.1 КоАП РФ (только к лицам, совершившим административное правонарушение).

Вместе с тем правоприменительная деятельность ГИБДД свидетельствует, что при осуществлении федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения Правил дорожного движения все причастные к дорожно-транспортному происшествию лица подвергаются освидетельствованию на состояние алкогольного опьянения. Порядок освидетельствования предусмотрен Правилами освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 2008 г. N 475 (далее – Правила освидетельствования лица)\*.

Следует признать, что сложившаяся правоприменительная практика более эффективна, поскольку разный порядок прохождения освидетельствования на состояние опьянения участников дорожного движения значительно усложняет принятие решения по делу об административном правонарушении.

В связи с этим полагаем необходимым закрепление в законодательстве Российской Федерации норм о возможности прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения

в указанном порядке всеми участниками дорожного движения, причастными к возникновению дорожно-транспортного происшествия, независимо от того, являются ли они субъектами административного правонарушения или нет.

Кроме того, согласно абз. 9 п. 7 п. 7 Приложения к Европейскому соглашению, дополняющему Конвенцию о дорожном движении, открытую для подписания в Вене 8 ноября 1968 г. (далее – Конвенция о дорожном движении), максимальный уровень содержания алкоголя в крови в соответствии с национальным законодательством не должен превышать 0,50 г чистого алкоголя на литр крови или 0,25 мг/л выдыхаемого воздуха\*\*. В Российской Федерации, согласно п. 8 раздела II Правил освидетельствования лица, допустимый предел содержания в крови алкоголя (возможная суммарная погрешность измерений) равен 0,16 мг/л выдыхаемого воздуха. При этом указанная норма применяется в отношении водителей транспортных средств любого вида.

В то же время в ряде стран Европы специально для велосипедистов закреплены «индивидуальные» параметры максимально допустимого предела содержания в крови алкоголя. Например, в Австрии – 0,1 ‰ или 0,4 мг/л выдыхаемого воздуха. За превышение указанной нормы велосипедист подвергается штрафу. Изъятие полицией у велосипедиста, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, водительского удостоверения законом не предусматривается. Однако в таком случае может быть проведена проверка его пригодности к участию в дорожном движении. Особое значение при этом имеет наличие у него предыдущих штрафов за совершение аналогичных правонарушений. В зависимости от их количества может быть принято решение о том, что данное лицо представляет угрозу для безопасности дорожного движения, а это в конечном итоге может привести к лишению его удостоверения на право управления транспортным средством [3, с. 132].

В ФРГ для велосипедистов абсолютная непригодность к управлению наступает

\* См.: Рос. газ. 2008. 2 июля.

\*\* Бюллетень международных договоров. 2008. N 1. С. 3-23.

при содержании алкоголя в крови, равном 1,6 ‰ [3, с. 137]. В Швеции допустимое содержание алкоголя в крови составляет 0,2 мг/л выдыхаемого воздуха. Авария определяется как связанная с алкогольным опьянением, если у водителя, мотоциклиста, пешехода или велосипедиста уровень алкоголя в крови выше обозначенного предела [4, с. 8].

Следовательно, в настоящее время отсутствует единый максимально допустимый предел содержания в крови алкоголя у водителей транспортных средств, который в ряде стран может быть определен специально для велосипедистов.

Необходимо отметить, что понятие велосипеда как транспортного средства, содержащееся в Правилах дорожного движения, не включает категорию велосипедов с двигателями внутреннего сгорания. Более того, по словам Ю.А. Королевой, «наблюдается практика распространения самодельного оборудования велосипедов как двигателями внутреннего сгорания, так и электродвигателями. При этом “самодельные” велосипеды с двигателями не оборудуются устройствами автоматического отключения на скорости, превышающей 25 км/ч» [5, с. 36].

Сведения о велосипедах, оборудованных двигателями, содержит ГОСТ 6253-78 «Мотоциклы, мотороллеры, мопеды, мотовелосипеды. Методы испытаний»\* (далее – ГОСТ), который относит мотовелосипеды к мотоциклам, мотороллерам и мопедам. Кроме того, ГОСТ устанавливает внушительные показатели предельной скорости велосипеда. Согласно п. 1.14 ГОСТа для категории L0 (двухколесное транспортное средство) предусмотрены рабочий объем двигателя не более 50 см<sup>3</sup> и максимальная конструктивная скорость более 40 км/ч; для категории L1 (двухколесное транспортное средство) – рабочий объем двигателя не более 50 см<sup>3</sup> и максимальная конструктивная скорость менее 40 км/ч; для категории L2 (трехколесное транспортное средство) – рабочий объем двигателя не более 50 см<sup>3</sup> и максимальная конструктивная скорость менее 40 км/ч.

\* ГОСТ 6253-78. Мотоциклы, мотороллеры, мопеды, мотовелосипеды. Методы испытаний. М.: Изд-во стандартов, 1986.

Конвенция о дорожном движении определяет велосипед с подвесным двигателем как любое двух- или трехколесное транспортное средство, снабженное двигателем внутреннего сгорания с объемом цилиндра, не превышающим 50 см<sup>3</sup>, и максимальной конструктивной скоростью не более 50 км/ч (подп. «т» п. 1 ст. 1). При этом согласно подп. «п» п. 1 ст. 1 Конвенции о дорожном движении договаривающиеся стороны (государство) праве в своем национальном законодательстве приравнивать велосипеды с подвесным двигателем к мотоциклам. В соответствии с п. 5 ст. 3 Конвенции о дорожном движении водители велосипедов с подвесным двигателем, находящихся в международном движении, если такие велосипеды приравнены к мотоциклам, должны иметь водительское удостоверение.

В Российской Федерации вопрос об отнесении велосипедов, оборудованных двигателями, к категории мотоциклов или мопедов до сих пор не нашел однозначного правового решения. В то же время согласно абз. 46 п. 2 Общих положений Правил дорожного движения Республики Казахстан велосипеды с подвесным двигателем приравниваются к мопедам. Аналогичная норма также закреплена, например, в правилах дорожного движения Республики Беларусь (абз. 20 п. 4) и Республики Узбекистан (абз. 17 п. 6).

Вместе с тем настоящий пробел в законодательстве преодолевается в процессе деятельности судебных органов, в соответствии с которой управление моторным велосипедом в состоянии опьянения следует квалифицировать по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, если данный велосипед отвечает признакам мопеда, в частности имеет двигатель внутреннего сгорания или может развивать скорость более 25 км/ч.

Верховный Суд Российской Федерации, рассмотрев жалобу на решение мирового судьи об административной ответственности велосипедиста, находящегося в состоянии опьянения, вынес решение о привлечении его к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ. В жалобе на решение мирового судьи по факту привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ велосипедиста, управляющего велосипедом

с мотором, его представитель пытался доказать, что данный велосипед не является транспортным средством, на управление которым требуется водительское удостоверение, и настаивал на квалификации правонарушения по ч. 3 ст. 12.29 КоАП РФ. Однако ознакомление с инструкцией к настоящему велосипеду позволило установить, что его максимальная скорость составляет 30 км/час, а объем двигателя — 48 см<sup>3</sup>. В связи с этим Верховным Судом Российской Федерации данное транспортное средство не было признано велосипедом. В результате в отношении водителя моторного велосипеда было назначено наказание в рамках санкции, предусмотренной ст. 12.8 КоАП РФ\*.

Следовательно, в Российской Федерации при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях по факту управления транспортным средством в состоянии опьянения, субъектом которых являются велосипедисты, особое внимание должно уделяться техническим характеристикам и модификациям транспортного средства. В случае оборудования велосипеда мотором с указанными выше параметрами необходимо применять санкцию не в виде административного штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей в качестве административной ответственности, установленной ч. 3 ст. 12.29 КоАП РФ, а как лишение права на управление транспортным средством по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ. Данная мера позволит исключить велосипедиста из процесса дорожного движения на срок от полутора до двух лет (при наличии у него водительского удостоверения), в отличие от велосипедиста, управляющего велосипедом без мотора.

В анализируемом случае из-за отсутствия у велосипедиста права на управление транспортным средством предлагается предусмотреть ограничение в прохождении соответствующего экзамена или выдаче водительского удостоверения на определенный срок.

\* Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 4 окт. 2018 г. N 21-АД18-4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При квалификации противоправного деяния по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ водитель лишается права на управление всеми без исключения транспортными средствами. Например, в случае привлечения водителя, имеющего право на управление транспортным средством категории «В» и категории «L», к административной ответственности за управление автомобилем категории «В» в состоянии опьянения он лишается права на управление и автомобилем транспортным средством. Однако настоящая мера не может быть применена в ситуации с велосипедистом, поскольку для управления велосипедом не требуется соответствующее право.

Как показывает опыт правового регулирования в зарубежных странах, за управление велосипедом в состоянии опьянения водитель (велосипедист) лишается права на управление автомобилем (Польша) или может быть подвергнут административному аресту, при этом к его водительской истории добавляются штрафные баллы (США) [1, с. 25]. Полагаем, что данный подход должен быть дополнительно изучен и рассмотрен в качестве возможной меры совершенствования административно-деликтного законодательства Российской Федерации. Следует отметить, что депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации уже формулируются отдельные предложения о лишении водительского удостоверения автовладельцев, нарушающих Правила дорожного движения, при управлении велосипедом или самокатом, а в случае отсутствия — об ограничении их выдачи в будущем в течение длительного срока\*\*. Данные меры воздействия обоснованы тем, что лицо, управляющее велосипедом в состоянии опьянения, изначально выражает свое безразличие к безопасности дорожного движения, подвергая жизни и здоровью его участников риску.

Кроме того, следует заметить, что для велосипедиста не предусмотрена обязанность иметь при себе водительское удостоверение на механическое транспортное средство или документ, удостоверяющий

\*\* Депутат Госдумы Виталий Милонов // РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru>

личность. Тем не менее один из перечисленных документов необходим для осуществления производства по факту нарушения Правил дорожного движения лицом, управляющим велосипедом. В случае его отсутствия должностное лицо, осуществляющее производство, обязано применить в отношении велосипедиста административное задержание в соответствии со ст. 27.3 КоАП РФ. При этом после процессуального оформления материалов по данному факту велосипедист имеет возможность без каких-либо ограничений осуществлять управление автомобилем, мотоциклом или другим транспортным средством.

Изложенное свидетельствует о наличии пробелов в нормативных правовых актах, устанавливающих права и обязанности велосипедистов, а также определяющих административную ответственность за управление велосипедом в состоянии опьянения. В связи с этим предлагается:

1) дополнить п. 24.8 Правил дорожного движения запретом управления велосипедом в состоянии опьянения;

2) предусмотреть возможность лишения велосипедиста права на управление транспортным средством (при его наличии) за управление в состоянии опьянения;

3) в случае отсутствия у велосипедиста права на управление транспортным средством предусмотреть ограничение в прохождении соответствующего экзамена или выдаче водительского удостоверения на определенный срок.

Полагаем, что данные предложения позволят сформировать единый механизм привлечения к административной ответственности водителей транспортных средств (механических, немеханических), исключив на определенный срок из процесса дорожного движения водителей, нарушивших пункт 2.7 Правил дорожного движения.

#### Список литературы

1. Зубарев И.Ю. Значение состояния опьянения в правонарушениях, связанных с нарушением правил дорожного движения // Сибирский юридический вестник. 2015. N 3. С. 22-26.
2. Маханек А.Б. К вопросу о привлечении к административной ответственности велосипедистов, находящихся в состоянии опьянения // European Scientific Conference: сб. ст. VII междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 2 Пенза, 2017. С. 127-130.
3. Анализ зарубежного опыта в области обеспечения безопасности дорожного движения: реферат НИР. НИЦ БДД МВД России. 2014. URL: <http://10.5.0.15/onti/niokr/2014/gai/gai145208.pdf> (дата обращения: 27 июля 2020 г.).
4. Отчет по безопасности дорожного движения. 2018. Швеция. URL: [http://10.5.0.15/onti/zarubej/g\\_2020/gaib\\_1420.pdf](http://10.5.0.15/onti/zarubej/g_2020/gaib_1420.pdf) (дата обращения: 27 июля 2020 г.).
5. Королева Ю.А. Вопросы привлечения к административной ответственности водителей велосипедов, оборудованных двигателем // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. N 1. С. 36-40.

#### References

1. Zubarev I.Yu. The value of the state of intoxication in offenses associated with violation of traffic rules. Siberian legal bulletin, 2015, no. 3, pp. 22-26. (In Russ.).
2. Mahanek A.B. On the issue of bringing to administrative responsibility of cyclists in a state of intoxication. European Scientific Conference. In 2 parts. Part 2. Penza, 2017. Pp. 127-130. (In Russ.).
3. Analysis of foreign experience in the field of road safety: abstract of research work. Research Center for Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. Available at: <http://10.5.0.15/onti/niokr/2014/gai/gai145208.pdf>. (Accessed July 27, 2020). (In Russ.).
4. Road safety report. 2018. Sweden. Available at: [http://10.5.0.15/onti/zarubej/g\\_2020/gaib\\_1420.pdf](http://10.5.0.15/onti/zarubej/g_2020/gaib_1420.pdf). (Accessed July 27, 2020). (In Russ.).
5. Koroleva Yu.A. Issues of bringing to administrative responsibility the drivers of bicycles equipped with an engine. Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 1, pp. 36-40. (In Russ.).

## Раздел 4. Уголовный закон

ЗАХАРЧУК С.Д., ZAKHARCHUK S.D.,  
sergey-zahar@mail.ru sergey-zahar@mail.ru  
Кафедра правовой Chair of legal training  
подготовки сотрудников of law enforcement officers;  
органов внутренних дел; Tyumen Advanced Training Institute  
Тюменский институт повышения of the Ministry of the Interior  
квалификации сотрудников of the Russian Federation,  
Министерства внутренних дел Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,  
Российской Федерации, 625049, Russian Federation  
г. Тюмень, ул. Амурская, 75

### О ПРИЗНАНИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНЫМ ДЕЯНИЕМ

**Аннотация.** Статья посвящена изучению степени общественной опасности взяточничества, которая, согласно уголовному законодательству Российской Федерации, зависит от размера взятки. В результате рассмотрения позиций судебных органов о признании преступления малозначительным деянием констатируется, что понятие малозначительности является оценочным и зависит от ряда факторов. При этом наличие коллизий норм права относительно получения подарков создает определенные сложности в правоприменительной практике. Для решения изученных проблем автор предлагает усовершенствовать административное и уголовное законодательство, установив административную ответственность за получение незаконного материального вознаграждения лицом, проходящим государственную, муниципальную службу, либо приравненным к нему лицом, а также изложив статью 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации в новой редакции. Обосновывается необходимость приведения отдельных нормативных правовых актов в соответствие с положениями статьи 575 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая не запрещает дарение обычных подарков стоимостью до трех тысяч рублей.

**Ключевые слова:** взяточничество; мелкое взяточничество; общественная опасность; государственный служащий; запрещение дарения; малозначительное деяние.

Для цитирования: Захарчук С.Д. О признании взяточничества малозначительным деянием // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 3 (53). С. 61-72.

### ON CLASSIFYING BRIBERY AS A MINOR OFFENCE

**Annotation.** The article is devoted to the study of the degree of public danger of bribery, which, according to the criminal legislation of the Russian Federation, depends on the amount of the bribe. As a result of the analysis of the positions of the judicial authorities concerning the cases of classifying crime as a minor offence, it is established that the concept of insignificance of the crime is evaluative and depends on a number of factors. At the same time, the existence of conflicts of law regarding the receipt of gifts creates certain difficulties in law enforcement practice. To solve the problems studied, the author of the article proposes to improve the administrative and criminal legislation by establishing administrative liability for receiving illegal material remuneration by a civil servant working in all levels of government including local and state, or an equivalent person, and to introduce a new edition of the article 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The necessity of bringing certain normative legal acts into line with the provisions of the article 575 of the Civil Code of the Russian Federation, which does not prohibit presenting ordinary gifts worth up to three thousand rubles, is substantiated.

**Keywords:** bribery; petty bribery; public danger; public official; prohibition of donation; minor offence.

For citation: Zakharchuk S.D. On classifying bribery as a minor offence // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 3 (53). P. 61-72.

В современном мире коррупция угрожает стабильности и безопасности общества, демократических институтов, нивели-

рует этические ценности, ослабляет правопорядок. Коррупция сопряжена с другими проявлениями преступной деятельности.

В конечном итоге проблемы, связанные с коррупцией, приводят к дисбалансу политической системы и влекут деградацию институтов власти государств, а в крайних случаях и потерю государственности.

В Российской Федерации среди множества острейших социально-экономических и политических проблем проблема коррупции занимает далеко не последнее место. Об этом может свидетельствовать, например, то, что Президентом Российской Федерации В.В. Путиным на расширенном заседании коллегии МВД России в качестве одной из приоритетных задач была названа деятельность по декриминализации экономики и борьбе с коррупцией, защите бюджетных средств, иных ресурсов, выделяемых на развитие страны, от хищений, других корыстных посягательств\*.

В связи с этим актуальным видится комплексный междисциплинарный подход к предупреждению коррупции и противодействию ей, включающий совершенствование уголовного, гражданского

и административного законодательства, в том числе в сфере установления ответственности за совершение коррупционных правонарушений.

Криминализация коррупционных деяний обусловлена как общественной опасностью, которую они несут, так и тем, что Федеральным законом от 1 февраля 2012 г. N 3-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок»\*\* Российская Федерация приняла на себя обязательства признания уголовно наказуемыми деяниями умышленного предложения, обещания или предоставления любых неправомερных имущественных или иных преимуществ иностранному должностному лицу, в пользу такого должностного лица или третьего лица.

На сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации приведены сведения об осужденных за получение взятки\*\*\* (см. табл.).

Таблица

**Количество лиц, осужденных по статье 290 УК РФ, в период с 2017 по 2019 год**

| Год  | Количество осужденных по ст. 290 УК РФ |      |      |      |      |      |
|------|--|------|------|------|------|------|
|      | ч. 1                                   | ч. 2 | ч. 3 | ч. 4 | ч. 5 | ч. 6 |
| 2017 | 57                                     | 134  | 403  | 8    | 389  | 103  |
| 2018 | 51.                                    | 110  | 463  | 7    | 357  | 80   |
| 2019 | 52                                     | 160  | 492  | 7    | 421  | 114  |

Следует отметить, что в июле 2016 г. УК РФ был дополнен нормами, закрепляющими ответственность за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ). В обоснование необходимости данной новеллы отмечалось, что в 2012-2015 годах подавляющее большинство уголовных дел по факту коммерческого подкупа, дачи или получения взятки возбуждалось при сумме менее 10 тысяч рублей. С учетом небольшой общественной опасности таких преступлений и необходимости реализации принципа справедливости при назначении уголовного наказания за их совершение было

предложено в ст.ст. 204.2 и 291.2 УК РФ установить уголовную ответственность за коммерческий подкуп, дачу или получение взятки, размер которых не превышает 10 тысяч рублей. При этом в санкциях данных статей следовало установить более мягкое наказание, чем предусмотре-

\*\* О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок: федер. закон от 1 февр. 2012 г. N 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 6. Ст. 622.

\*\*\* Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://cdep.sudrf.ru>

\* Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru>

но санкциями ч. 1 ст. 204, ч. 1 ст. 290, ч. 1 ст. 291 УК РФ\*.

Из анализа данного пояснения к проекту федерального закона можно сделать вывод о том, что разработчиками проекта за основу общественной опасности был взят размер взятки, а не то, каким общественным отношениям причиняется существенный вред.

В.И. Морозов по этому поводу отмечает, что «при совершении таких преступлений подрывается авторитет сложившейся в современной России системы управления. Неужели от дачи взятки предпринимателем в размере, составляющем несколько десятков тысяч рублей, авторитет системы управления страдает больше, чем когда взятку в размере, составляющем несколько тысяч рублей (не более 10 тысяч), вынужден дать пенсионер?» [1, с. 77].

Следовательно, основной объект уголовно-правовой охраны (в данном случае это нормальная деятельность органов государственной власти) страдает независимо от размера взятки. Однако в этом случае общественная опасность указанных преступлений в законодательстве связывается именно с размером взятки.

Представленная позиция с точки зрения науки уголовного права недопустима. В то же время, следуя логике УК РФ, она имеет право на существование. В связи с этим особенно актуальным является вопрос о малозначительности взяточничества.

Необходимо отметить, что в настоящий момент в уголовном законе выделяют следующие размеры взятки:

- мелкая взятка (на сумму до 10 000 рублей);
- простая взятка (на сумму от 10 000 до 25 000 рублей);
- взятка в значительном размере (на сумму от 25 000 до 150 000 рублей);
- взятка в крупном размере (на сумму от 150 000 до 1 000 000 рублей);
- взятка в особо крупном размере (на сумму свыше 1 000 000 рублей).

\* Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://asozd.duma.gov.ru>

Поскольку минимальный размер взятки законодательно не определен, постольку это может быть сумма от 1 копейки. Однако в таком случае не ясно, о какой общественной опасности может идти речь.

Представляется справедливым мнение Р.Д. Шарапова по этому поводу: «юридическое значение этого вопроса заключается в том, что проблема малозначительности деяния при квалификации взяточничества чаще всего ставится в контексте так называемого минимального размера взятки, являющегося отправным признаком, обуславливающим преступность деяния. Другими словами, большинство исследователей проблемы предпринимали попытки определить минимальный размер стоимости имущественного вознаграждения должностного лица, который бы символизировал характерную для преступления степень общественной опасности, а вслед за ней уголовную противоправность деяния как взяточничества, и напротив, меньшая по сравнению с минимально установленным размером взятки стоимость имущественного вознаграждения чиновника свидетельствовала бы о непротивности содеянного, признании взяточничества малозначительным деянием» [2, с. 71].

Вопрос о выделении малозначительной взятки уже рассматривался на международном уровне. Например, в примечании 2 к ст. 305 «Получение взятки» Модельного Уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств\*\* закреплено, что не является преступлением в силу малозначительности и преследуется в дисциплинарном порядке получение публичным служащим имущества, права на имущество или иной имущественной выгоды в качестве подарка при отсутствии предварительной договоренности за уже совершенное действие (бездействие), не нарушающее служебных обязанностей данного лица, если стоимость подарка не превышала однократного минимального размера заработной платы, установленного законодательством.

\*\* Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт // Межпарламентская Ассамблея СНГ: сайт. URL: <http://iacis.ru>

Следует отметить наличие в законодательстве Российской Федерации определенных коллизий относительно получения подарков. Например, в ч. 1 ст. 575 «Запрещение дарения» ГК РФ установлено, что не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей, лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка России в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей. Следовательно, перечисленные лица могут получать подарки, если их стоимость не превышает трех тысяч рублей.

В то же время согласно п. 6 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»\* гражданскому служащему запрещается получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения). Подарки, полученные гражданским служащим в связи с протокольными мероприятиями, со служебными командировками и с другими официальными мероприятиями, признаются, соответственно, федеральной собственностью и собственностью субъекта Российской Федерации и передаются гражданским служащим по акту в государственный орган, в котором он замещает должность гражданской службы, за исключением случаев, установленных ГК РФ.

Кроме того, п. 7 ч. 3 ст. 12.1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции»\*\* установлено, что лица, замещающие государствен-

ные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, лица, замещающие муниципальные должности и осуществляющие свои полномочия на постоянной основе, если федеральными конституционными законами или федеральными законами не установлено иное, не вправе получать в связи с выполнением служебных (должностных) обязанностей не предусмотренные законодательством Российской Федерации вознаграждения (ссуды, денежное и иное вознаграждение, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов) и подарки от физических и юридических лиц.

Определения понятий «протокольное мероприятие» и «официальное мероприятие» содержатся в п. 2 письма Минтруда России от 16 марта 2020 г. N 18-0/10/B-2016 «О разъяснениях по отдельным вопросам, связанным с применением Типового положения о сообщении отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдаче и оценке подарка, реализации (выкупе) и зачислении средств, вырученных от его реализации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 9 января 2014 г. N 10».

Протокольное мероприятие – это мероприятие, при проведении которого предусмотрен сложившийся в результате ведомственных, национальных, культурных особенностей порядок (церемониал) и (или) ведение протокола – документа, фиксирующего ход проведения мероприятия.

Официальное мероприятие – это мероприятие, проведение которого подтверждено (санкционировано) соответствующим распоряжением, приказом или иным распорядительным актом (например, служебная командировка, включая встречи и иные мероприятия в период командирования, проведение совещаний, конференций, приемов представителей, членов официальных делегаций, должностных лиц государственных (муниципальных) органов, организаций, иностранных государств, прибывающих с офи-

\* О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 31. Ст. 3215.

\*\* О противодействии коррупции: федер. закон от 25 дек. 2008 г. N 273-ФЗ // Там же. 2008. N 52 (ч. I). Ст. 6228.

циальным и рабочим визитом, встреч и переговоров)\*.

В то же время подарок в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями — это подарок, полученный государственным служащим от физических или юридических лиц, которые осуществляют дарение исходя из должностного положения одаряемого или исполнения им служебных (должностных) обязанностей. Не относятся к таким подаркам канцелярские принадлежности, предоставленные каждому участнику официальных мероприятий в целях исполнения обязанностей, цветы и ценные подарки, которые вручены в качестве поощрения (награды)\*\*.

Например, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2012 г. N 8989/12 отражено, что дарение имущества предполагает наличие волеизъявления дарителя безвозмездно передать принадлежащее ему имущество иному лицу именно в качестве дара (с намерением облагодетельствовать одаряемого), а не по какому-либо другому основанию, вытекающему из экономических отношений сторон сделки. Обязательным признаком договора дарения является очевидное намерение дарителя передать имущество в качестве дара\*\*\*.

Понятие подарка законодательно не определено. В то же время из определения договора дарения следует, что подарок — это прежде всего вещь или имущественное право, которые даритель безвозмездно передает одаряемому в собственность. Если имеет место встречное обязательство, то такая передача вещи (права) дарением не признается (п. 1 ст. 572 ГК РФ) [3].

\* Министерство труда и социальной защиты: официальный сайт. URL: <https://rosmintrud.ru>

\*\* См.: Пункт 2 Типового положения, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 янв. 2014 г. N 10. (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>).

\*\*\* Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 дек. 2012 г. N 8989/12 по делу N A28-5775/2011-223/12 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. 2013. N 8.

Из анализа нормативных правовых актов следует, что четкий запрет на получение лицами, проходящими государственную службу, подарков, получение которых связано с их родственными или дружескими отношениями, отсутствует. В то же время Минтруд России в письме от 11 октября 2017 г. N 18-4/10/B-7931\*\*\*\* указывает, что должностным лицам не рекомендуется получать подарки или какие-либо иные вознаграждения, в том числе на личных торжественных мероприятиях, от своих друзей или связанных с ними людей, если они одновременно являются лицами, в отношении которых должностные лица непосредственно осуществляют функции управления или контроля. Прием таких подарков может их скомпрометировать и повлечь возникновение сомнений в их честности, беспристрастности и объективности.

Однако в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 26 января 1996 г. N 15-ФЗ «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» «впредь до приведения законов и иных правовых актов, действующих на территории Российской Федерации, в соответствие с частью второй Кодекса законы и иные правовые акты Российской Федерации, а также акты законодательства Союза ССР, действующие на территории Российской Федерации в пределах и в порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации, применяются постольку, поскольку они не противоречат части второй Кодекса»\*\*\*\*\*.

Следовательно, все иные нормативные правовые акты должны быть приведены в соответствие с положениями ГК РФ, в том числе с положениями ст. 575 ГК РФ, которая не запрещает дарение обычных подарков стоимостью до трех тысяч рублей.

\*\*\*\* О направлении Рекомендаций: письмо Минтруда России от 11 окт. 2017 г. N 18-4/10/B-7931 (вместе с «Рекомендациями по соблюдению государственными (муниципальными) служащими норм этики в целях противодействия коррупции и иным правонарушениям»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

\*\*\*\*\* О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 26 янв. 1996 г. N 15-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 5. Ст. 411.

Представленные правовые нормы не следует рассматривать с позиции узаконенной мелкой взятки или малозначительного взatoчничества, поскольку малозначительное деяние имеет иное правовое содержание. В части 2 ст. 14 УК РФ закреплено понятие малозначительного деяния. Так, не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Причем данная правовая норма поддерживается в научной среде и правоприменительной практике. Например, Ю.Е. Пудовочкин отмечает, что «каждый из признаков состава преступления несет в себе “заряд” общественной опасности, определяет ее содержание. Малозначительное деяние не является общественно опасным именно в силу отсутствия... признаков состава преступления» [4, с. 32-33].

В материалах судебной практики, приведенных ниже, отмечается, что, если общественно опасное деяние не причинило существенного вреда объекту уголовно-правовой охраны, то уголовное дело прекращается в соответствии с требованиями п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, а само деяние в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ признается малозначительным, поскольку не представляет общественной опасности.

В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что в правовой системе России преступлению, в отличие от иных правонарушений, присуща криминальная общественная опасность, при отсутствии которой даже деяние, формально подпадающее под признаки уголовно наказуемого, в силу малозначительности не может считаться таковым (ч. 2 ст. 14 УК РФ)\*.

\* Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года N 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 окт. 2017 г. N 2257-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что ч. 2 ст. 14 УК РФ позволяет отграничить преступления от иных правонарушений и направлена на реализацию принципа справедливости, в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Тем самым обеспечивается адекватная оценка правоприменителями степени общественной опасности деяния, которая зависит от конкретных обстоятельств содеянного. В качестве таких обстоятельств могут учитываться размер вреда и тяжесть наступивших последствий, степень осуществления преступного намерения, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, наличие в содеянном обстоятельстве, влекущих более строгое наказание в соответствии с санкциями статей Особенной части УК РФ. Этим не исключается учет при оценке степени общественной опасности деяния значимости для потерпевшего того или иного блага, выступавшего в качестве объекта посягательства.

Соответственно, лицо, совершившее малозначительное деяние, не подлежит уголовной ответственности, но при наличии оснований для этого может быть привлечено к другому виду юридической ответственности (например, административной, дисциплинарной)\*\*.

В.Н. Винокуров указывает, что в каждом конкретном случае суд решает, является деяние малозначительным или нет. При этом нередко имеет место смешение двух оснований прекращения уголовного преследования: в связи с малозначительностью деяния и в связи с отсутствием состава преступления [5, с. 24]. Д.А. Гарба-

\*\* Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2013 г. N 1162-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тович утверждает, что вышестоящие суды, отменяя обвинительные приговоры и признавая совершенные деяния в качестве малозначительных, не указывают, какой конкретно признак состава преступления не был установлен, но прекращают уголовные дела именно в связи с отсутствием состава преступления [6, с. 12].

На основе анализа правоприменительной практики можно сделать вывод, что в судебной системе не выработано однозначных критериев отнесения того или иного деяния к малозначительным. Более того, суд индивидуально оценивает каждую ситуацию, связанную с признанием деяния малозначительным.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2017 г. N 5-УД17-1 отменены приговор Тимирязевского районного суда г. Москвы от 14 октября 2014 г., апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 23 марта 2015 г. и постановление президиума Московского городского суда от 11 декабря 2015 г. в отношении И. в части его осуждения по ч. 1 ст. 222 УК РФ\*. В определении отмечается, что при решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности необходимо иметь в виду, что по смыслу закона деяние, формально подпадающее под признаки того или иного вида преступления, должно представлять собой такую степень общественной опасности, которая свидетельствует о способности деяния причинить вред общественным отношениям.

Вызывает определенные вопросы и следующий пример из судебной практики. Кассационным определением Верховного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2015 г. N 51-УД15-1\*\* отменен приговор Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 10 апреля 2013 г. и по-

\* См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 февр. 2017 г. N 5-УД17-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

\*\* Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 апр. 2015 г. N 51-УД15-1 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2016. N 7.

становление президиума Алтайского краевого суда от 23 сентября 2014 г. в отношении С., осужденной по ч. 3 ст. 160 УК РФ. В мотивировочной части кассационного определения отмечено, что совершенное С. деяние формально подпадает под признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, однако, учитывая, что оно не причинило существенный вред интересам предприятия МУП «УК ПЖЭТ», а также каких-либо иных общественно опасных последствий, это деяние в силу малозначительности не является преступлением.

Однако в ст. 7.27 КоАП РФ закреплено: «Мелкое хищение чужого имущества, стоимость которого не превышает одну тысячу рублей, путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных... частями второй и третьей статьи 160 Уголовного кодекса Российской Федерации...». По нашему мнению, действия С. не могут быть признаны малозначительным деянием, поскольку они ранее квалифицированы по ч. 3 ст. 160 УК РФ.

В пункте 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. N 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» закреплено, что с учетом признаков объективной стороны некоторых административных правонарушений они ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными, поскольку существенно нарушают охраняемые общественные отношения.

Аналогичную позицию необходимо использовать и в уголовно-правовых отношениях. Так, если законодательство закрепляет, что не могут быть признаны мелким хищением деяния, имеющие квалифицирующие признаки, то и прекращение их в связи с малозначительностью не логично. Более того, перечень деяний, малозначительность которых невозможна, в уголовном праве намного шире. Он зависит в основном от объекта и тех способов, которые применяет виновный. Не может быть малозначительным деяние, посягающее на жизнь человека, на безопасность государства, общественную безопасность, если такие деяния предполагают исполь-

зование общепасных способов, на мир и безопасность человечества [7, с. 72].

Возвращаясь к анализу таких категорий, как «подарок» и «взятка», следует отметить, что мотивационная природа их совершенно разная. Даритель при вручении подарка одаряемому лицу руководствуется моральными чувствами, благодарностью и уважением к нему. Кроме того, он не требует, чтобы в ответ одаряемый совершил какие-либо действия.

В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»<sup>\*</sup> закреплено, что взятка получается:

а) за совершение должностным лицом входящих в его служебные полномочия действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц;

б) способствование должностным лицом в силу своего должностного положения совершению указанных действий (бездействию);

в) общее покровительство или попустительство по службе;

г) совершение должностным лицом незаконных действий (бездействие).

Таким образом, при получении и даче взятки стороны преследуют определенную выгоду, то есть имеет место корыстный мотив.

Б. Волженкин по этому поводу справедливо отметил, что «обычный подарок» не влекущий никакой ответственности как для должностного лица, его принявшего, так и для вручившего подарок лица, отличается от взятки не только относительно небольшим размером. Независимо от размера получение должностным лицом и передачу ему незаконного вознаграждения в связи с должностным положением или в связи с исполнением служебных обязанностей нужно расценивать как взяточничество в следующих случаях: 1) если имело место вымогательство этого вознаграждения; 2) если вознаграждение (или соглашение о

нем) имело характер подкупа, обусловливало соответствующее, в том числе правомерное, служебное поведение должностного лица; 3) если вознаграждение передавалось должностному лицу за незаконные действия (бездействие) [8, с. 27].

Следовательно, если при получении подарка имеется предварительная договоренность между дарителем и одаряемым или в действиях одаряемого усматриваются квалифицирующие признаки (указанные в ст. 290 УК РФ), то нельзя вести речь о получении подарка в рамках ст. 575 ГК РФ.

В связи с этим весьма интересна следующая точка зрения В.В. Качалова: «Установив право должностного лица на получение обычного подарка по службе, законодатель четко отграничил случаи возможного правомерного вознаграждения государственных и муниципальных служащих из частных источников от уголовно наказуемых взятки-подкупа и взятки-благодарности. Здесь проведена своего рода демаркационная линия, строго размежевавшая правомерное и противоправное поведение: наличие всех признаков обычного подарка исключает основание юридической ответственности за его получение, и напротив, отсутствие хотя бы одного из признаков законного подарка переводит содеянное в разряд служебных правонарушений» [9, с. 12].

Однако в правоприменительной практике нет единого подхода к квалификации действий, связанных с разграничением получения подарка (ст. 575 ГК РФ) и взяточничеством. Например, приговором Оренбургского областного суда от 27 декабря 2001 г. М. была оправдана по ч. 1 ст. 285, п. «б» ч. 4 ст. 290 УК РФ за отсутствием в ее действиях состава преступления. В оправдательном приговоре суд сослался на положения ст. 575 ГК РФ, а также ч. 2 ст. 14 УК РФ, указав в приговоре, что в действиях М. отсутствует состав преступления в силу малозначительности содеянного.

Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации сочла позицию Оренбургского областного суда несостоятельной по эпизодам получения материальных ценностей в связи с положениями ст. 575 ГК РФ. При этом в определении указано, что суду

<sup>\*</sup> О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. N 24 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2013. N 9.

первой инстанции следовало руководствоваться положениями ст. 290 УК РФ и смыслом указанного закона, из которого вытекает, что, независимо от размера, незаконное вознаграждение должностного лица за выполнение им действия (бездействия) с использованием служебного положения должно расцениваться как взятка в тех случаях, если вознаграждение (или соглашение о нем) имело характер подкупа, обуславливало соответствующее, в том числе и правомерное поведение должностного лица, или если вознаграждение передавалось лицу за незаконные действия (бездействие)\*.

Представляет интерес и надзорное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 апреля 2007 г. по делу N 51-Д06-58\*\*, которым приговор в отношении Г. по ч. 1 ст. 290 УК РФ отменен, а уголовное дело прекращено за отсутствием в деянии состава преступления.

В определении отмечается, что, хотя поведение Г. формально и содержит признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ, но в силу конкретных обстоятельств дела и малозначительности (исходя из размера полученного Г. вознаграждения в 1000 рублей, добровольности его вручения Т., законного и своевременного характера действий Г. по организации опознания угнанного автомобиля и передаче его собственнику) содеянное Г. не представляет общественной опасности, и поэтому в соответствии со ст. 14 УК РФ не является преступлением.

Однако иная позиция изложена в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», в пункте 8 которого закреплено, что ответственность за получение, дачу взятки, посредничество во взяточничестве наступает независимо от

времени получения должностным лицом взятки — до или после совершения им действий (бездействия) по службе в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, а также независимо от того, были ли указанные действия (бездействие) заранее обусловлены взяткой или договоренностью с должностным лицом о передаче за их совершение взятки\*\*\*.

Следовательно, в данном случае ответственность предусмотрена и за взятку-благодарность. В свою очередь, А.В. Иванчин и М.Н. Каплин отмечают, что практически нет различий между взяткой-благодарностью и обычным подарком [10, с. 75].

Таким образом, на основе вышеизложенных правовых позиций, материалов судебной практики можно сделать определенные выводы:

— общественная опасность взяточничества с точки зрения законодательства определяется размером взятки, что, по нашему мнению, спорно;

— взяточничество может быть признано малозначительным деянием, если сумма взятки незначительная и отсутствуют квалифицирующие признаки.

В развитие данных выводов отметим, что содержание ст. 291.2 УК РФ с научной точки зрения нелогично, однако Верховным Судом Российской Федерации данная позиция не учитывается.

Согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. N 24 норма об ответственности за мелкое взяточничество является специальной по отношению к положениям ст.ст. 290, 291 УК РФ, получение или дачу взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, следует квалифицировать по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ независимо от того, за какие действия (законные или незаконные), в каком составе участников (единолично или группой лиц) они совершены, а также независимо от наличия других квалифицирующих признаков взяточничества.

При этом в п. 20 данного постановления отмечается, что квалифицирующие признаки, характеризующие повышенную

\* Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 3 июля 2002 г. N 307п02. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

\*\* Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 апр. 2007 г. по делу N 51-Д06-58. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

\*\*\* О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. N 24.

общественную опасность взяточничества или коммерческого подкупа (вымогательство, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, получение взятки в значительном, крупном или особо крупном размере и др.), следует учитывать при юридической оценке действий соучастников соответствующих преступлений, если эти обстоятельства охватывались их умыслом.

Следовательно, логично бы было действия взятополучателя при наличии квалифицирующих признаков и сумме взятки в размере до 10 000 рублей квалифицировать по соответствующим частям ст. 290 УК РФ, а не по ст. 291.2 УК РФ.

Так, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации:

в 2019 году по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ было осуждено 1879 человек, по ч. 2 ст. 291.2 УК РФ — 5 человек;

в 2018 году по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ было осуждено 2400 человек, по ч. 2 ст. 291.2 УК РФ — 8 человек;

в 2017 году по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ было осуждено 2487 человек, по ч. 2 ст. 291.2 УК РФ — 8 человек\*.

Кроме того, анализ более чем 20 приговоров, вынесенных по ст. 291.2 УК РФ в конце 2019 и в 2020 году, позволил выявить в действиях взятополучателя квалифицирующие признаки.

Например, приговором Пензенского гарнизонного военного суда от 4 июля 2019 г. N 1-13/2019\*\* П. осужден по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ. П., являясь должностным лицом, получил мелкую взятку в виде набора для чистки оружия и кейса для ружья в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, а именно в сумме 2624 рубля, за совершение действий в пользу взятокодателя П.И.И. В суде П. пояснил, что за предоставление увольнения П.И.И. просил предмет взятки (следовательно, имело место вымогательство взятки).

Изучение законодательства зарубежных стран в данной среде позволяет вы-

делить опыт Республики Казахстан. Статьей 677 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. N 235-V\*\*\* предусматривается административная ответственность в виде штрафа в размере шестисот месячных расчетных показателей за получение лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом лично или через посредника незаконного материального вознаграждения, подарков, льгот либо услуг за действия (бездействие) в пользу лиц, их предоставивших, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия лица, уполномоченного на выполнение государственных функций, либо приравненного к нему лица, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. Кроме того, ст. 678 предусмотрена ответственность за получение подарков от имени юридического лица.

В Уголовном кодексе Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. N 226-V\*\*\*\* ответственность за взяточничество закреплена в статьях 366-368. Особый интерес представляет примечание к ст. 366 «Получение взятки» Уголовного кодекса Республики Казахстан, согласно которому не является преступлением в силу малозначительности и преследуется в дисциплинарном или административном порядке получение впервые лицом, указанным в части первой настоящей статьи, имущества, права на имущество или иной имущественной выгоды в качестве подарка при отсутствии предварительной договоренности за ранее совершенные законные действия (бездействие), если стоимость подарка не превышала двух месячных расчетных показателей.

Представляется, что данный положительный опыт может быть учтен и в Российской Федерации.

Более того, малозначительное деяние, которое не представляет общественной опасности и не является в силу этого преступлением, может быть любым право-

\* Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://cdep.sudrf.ru>

\*\* Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru>

\*\*\* Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. N 235-V // ПАРАГРАФ: информационная система. URL: <https://online.zakon.kz>

\*\*\*\* Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. N 226-V // Там же.

нарушением (при наличии его признаков). В то же время, конечно, далеко не всегда соответствующие правонарушения предусмотрены на законодательном уровне, поэтому малозначительное деяние может представлять собой влекущие дисциплинарную ответственность проступки (при условии особого статуса виновного) или вообще ненаказуемые деликты, которые могут порицаться обществом. При этом малозначительное деяние может обладать некоторой общественной опасностью, недостаточной, впрочем, для признания данного деяния преступлением, а может и вообще не обладать ею [7, с. 69].

В связи с этим предлагаем внести дополнения и изменения в административное и уголовное законодательство.

1. КоАП РФ дополнить нормой следующего содержания:

«Статья 17.18. Получение незаконного материального вознаграждения лицом, проходящим государственную, муниципальную службу, либо приравненным к нему лицом

Получение лицом, проходящим государственную, муниципальную службу, либо приравненным к нему лицом лично или через посредника незаконного материального вознаграждения, подарков, льгот либо услуг за действия (бездействие) в пользу лиц, их предоставивших, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия лица, проходящего государственную, муниципальную службу, либо приравненным к ним лицам, если эти действия не содержат признаков преступления, —

влечет...».

2. Статью 291.2 УК РФ (с учетом того, что в соответствии с последними изменениями УК РФ в сфере взяточничества в ос-

нову общественной опасности берется размер взятки, а не то, каким общественным отношениям причиняется существенный вред) изложить в следующей редакции:

«Статья 291.2. Мелкое взяточничество

1. Получение взятки, дача взятки при наличии квалифицирующих признаков, указанных в ст. 290 настоящего Кодекса, лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, —

наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до одного года.

2. Те же деяния, совершенные лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных статьями 290, 291, 291.1 настоящего Кодекса либо настоящей статьей, —

наказываются штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо исправительными работами на срок до трех лет, либо ограничением свободы на срок до четырех лет, либо лишением свободы на срок до трех лет.

Примечание. Лицо, совершившее дачу взятки в размере, указанном в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении его имело место вымогательство взятки, либо это лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки».

### Список литературы

1. Морозов В.И. К вопросу об уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество как форме противодействия коррупции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. N 4. С. 75-80.
2. Шарапов Р.Д. Малозначительность взяточничества // Журнал российского права. 2017. N 12. С. 70-80.
3. Ситуация: Могут ли госслужащие получать подарки? // Азбука права: электрон. журнал. 2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: Избранные лекции. М., 2010. 276 с.
5. Винокуров В.Н. Соотношение отсутствия состава преступления и малозначительности деяния // Уголовное право. 2019. N 4. С. 23-27.
6. Гарбатович Д.А. Общественная опасность и состав преступления // Российский судья. 2019. N 10. С. 9-12.

7. Лопашенко Н.А. О некоторых проблемах в понимании малозначительного деяния по Уголовному кодексу РФ // Уголовное право. 2019. N 5. С. 65-78.
8. Волженкин Б. «Обычный подарок» или взятка? // Законность. 1997. N 4. С. 25-27.
9. Качалов В.В. Борьба с коррупцией на муниципальной службе: к вопросу о малозначительности взятки // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2015. N 4. С. 9-12.
10. Иванчин А.В., Каплин М.Н. Служебные преступления: учеб. пособие. Ярославль, 2013. 108 с.

### References

1. Morozov V.I. To the question of the criminal liability for a minor commercial bribery and petty bribery as a form of combating corruption. Legal science and law enforcement practice, 2017, no. 4, pp. 75-80. (In Russ.).
2. Sharapov R.D. Insignificance of bribery. Journal of Russian law, 2017, no. 12, pp. 70-80. (In Russ.).
3. Situation: can civil servants receive gifts? The ABC of law. Electronic journal. 2020. Access from the reference legal system "Consultant Plus". (In Russ.).
4. Pudovochkin Yu.E. Doctrine of crime: Selected lectures. Moscow, 2010. 276 p. (In Russ.).
5. Vinokurov V.N. Ratio of the absence of the corpus delicti and the insignificance of the act. Criminal law, 2019, no. 4, pp. 23-27. (In Russ.).
6. Garbatovich D.A. Public danger and crime structure. Russian judge, 2019, no. 10, pp. 9-12. (In Russ.).
7. Lopashenko N.A. About some problems in understanding a minor act under the Criminal code of the Russian Federation. Criminal law, 2019, no. 5, pp. 65-78. (In Russ.).
8. Volzhenkin B. "Ordinary gift" or a bribe? Legality, 1997, no. 4, pp. 25-27. (In Russ.).
9. Kachalov V.V. Fighting corruption in the municipal service: to the question of the insignificance of bribes. Municipal service: legal issues, 2015, no. 4, pp. 9-12. (In Russ.).
10. Ivanchin A.V., Kaplin M.N. Service crimes. Yaroslavl, 2013. 108 p. (In Russ.).

## Раздел 5. Правоохранительная политика

|   |  |
|---|--|
| ВАНЮШИНА И.Н.,<br>irinaonline@bk.ru   | VANYUSHINA I.N.,<br>irinaonline@bk.ru  |
| Кафедра кадрового<br>и морально-психологического<br>обеспечения деятельности<br>органов внутренних дел;   | Chair of personnel,<br>moral and psychological<br>support of the activities<br>of the internal affairs bodies;   |
| Тюменский институт повышения<br>квалификации сотрудников<br>Министерства внутренних дел<br>Российской Федерации,<br>625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75 | Tyumen Advanced Training Institute<br>of the Ministry of the Interior<br>of the Russian Federation,<br>Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,<br>Russian Federation |

### ПРИНЦИП СУБОРДИНАЦИИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СЛУЖБЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Аннотация.** В статье рассматривается комплекс вопросов, связанных с закреплением и реализацией принципа субординации в законодательстве о государственной службе Российской Федерации и о службе в органах внутренних дел. В рамках изучения понятия субординации автором освещаются его различные аспекты: метод правового регулирования, принципы организационного построения органов государственной власти, взаимодействия в отраслях публичного права, организации и функционирования государственной службы Российской Федерации и ее видов (должностная субординация). Обращается внимание на особенность закрепления принципа субординации в целом в законодательстве о государственной службе и отдельно на государственной гражданской службе и в иных видах службы, это дает основание признавать принцип субординации в качестве одного из основных. Отмечается специфика правового регулирования отношений подчиненности на военной службе. Более подробно представлены результаты изучения принципа субординации на службе в органах внутренних дел. Анализируются положения, служащие основаниями для установления субординации на службе в органах внутренних дел, в качестве основных выделяются занимаемая должность, обязательность выполнения приказов, в некоторых случаях специальные звания.

**Ключевые слова:** военная служба; государственная служба; единоначалие; подчиненность; служба в органах внутренних дел; служебная дисциплина; субординация.

Для цитирования: Ванюшина И.Н. Принцип субординации на государственной службе Российской Федерации и службе в органах внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 2 (53). С. 73-84.

### THE PRINCIPLE OF SUBORDINATION IN THE CIVIL SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND WHEN SERVING IN THE INTERNAL AFFAIRS AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Annotation.** The present article deals with a range of issues relating to the establishment and implementation of the principle of subordination in the legislation on the civil service of the Russian Federation and serving in the internal affairs agencies. As part of the study of the concept of subordination, the author highlights various aspects of this concept: the method of legal regulation, the principle of the structure and organization of public authorities, the interaction among the branches of public law, the organization and functioning of the civil service of the Russian Federation and its types (posts hierarchy). Attention is drawn to the peculiarity of fixing the subordination principle in the whole civil service legislation and separately in the state civil service and other types of service, which gives reasons to recognize the principle of subordination as one of the basic ones. The author also notes the peculiarities of the legal regulation of subordination relations in the military service. The results of studying the principle of subordination when serving in the internal affairs agencies are presented in more detail. The provisions that are the grounds for establishing subordination in the internal affairs agencies are analyzed. The main ones are: the position occupied, the obligation to obey orders and, in some cases, special ranks.

**Keywords:** military service; civil service; unity of command; subordination; serving in the internal affairs agencies; service discipline.

For citation: Vanyushina I.N. The principle of subordination in the civil service of the Russian Federation and when serving in the internal affairs agencies of the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 3 (53). P. 73-84.

В соответствии с Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»\* (далее — Федеральный закон о службе в ОВД) одним из принципов службы в органах внутренних дел Российской Федерации является субординация, или подчиненность (п. 1 ч. 2 ст. 4). Настоящий принцип является одним из основополагающих начал организации и построения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, а также правовой идеей, определяющей содержание службы в органах внутренних дел. В целом понятие субординации получило широкое распространение в современном правовом лексиконе, в том числе в сфере организационного построения органов государственной власти (в первую очередь органов исполнительной власти), государственной службы Российской Федерации и ее видов. При этом само понятие, равно как и принцип, обозначаемый им, остаются недостаточно изученными.

**О понятии «субординация».** Как правило, под субординацией принято понимать подчинение или соподчинение одного другому, что соответствует лексическому значению слова. Например, согласно Словарю русского языка С.И. Ожегова субординация — это система строгого служебного подчинения младших старшим [1, с. 766]. Аналогичное определение содержится в Большом толковом словаре русского языка: субординация — система строгого служебного подчинения младших старшим, основанная на правилах служебной дисциплины [2]. С точки зрения этимологии слова существует расхождение с привычным лексическим пониманием. Например, в Словаре иностранных слов приводятся следующие сведения о слове «субординация»: от лат. *sub* — «под» и *ordinatio* —

«приведение в порядок» [3, с. 635]. Таким образом, субординацию правильнее рассматривать не только как подчинение, но и как упорядочение, то есть систему отношений, основанных на иерархии или связанных с ней. Интересно в связи с этим определение В.А. Хохлова, отмечающего, что субординация — принцип, согласно которому положение субъектов в системе ранжировано, не равномерно, взаимоотношение их выстроено иерархично [4].

В юридической теории понятие субординации используется преимущественно при необходимости указать на определенную подчиненность субъектов. В связи с этим оно распространено в отраслях публичного права, являясь одной из базовых категорий, отражающих публично-правовой характер отношений (например, в конституционном праве, административном праве, финансовом праве или налоговом праве).

Известно, что для отношений, складывающихся в публично-правовой сфере (властеотношений), характерно наличие таких свойств, как целевая установка, иерархическая субординация, специфика методов регулирования, высокая степень централизации. Особенностью данных правоотношений является то, что с одной стороны всегда выступает государство в лице его органа или должностного лица, наделенного властными полномочиями. Справедливо утверждение С.С. Алексеева о том, что правосубъектность в области публичного права — это в основном вопросы юридической субординации и подчиненности, то есть вопросы компетенции органов государственной власти и должностных лиц [5, с. 9].

В конституционном праве принято говорить о субординации или иерархии юридической силы норм Конституции Российской Федерации, а также о субординации, как о началах организации публичной власти. Как отмечает В.Г. Вишняков, все признаки государства действуют в своей

\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 49. Ст. 7020.

совокупности, их взаимодействие достигается в рамках и на основе единой политической организации, каковой является любое государство. Политическая организация не может, в свою очередь, функционировать и развиваться без субординации и соподчинения составных частей центру, ядру организации. Это предопределяет иерархичность в ее построении, в распределении власти по условиям организации [6, с. 70].

Наиболее отчетливо субординация проявляется в сфере организации исполнительной власти. В.В. Оксамытный пишет, что организация деятельности исполнительной власти строится на требовании строгой субординации связанных между собой государственных органов. Они должны соблюдать установленную иерархию, по которой во главе созданной в стране управленческой пирамиды стоит орган, олицетворяющий исполнительную общегосударственную власть [7]. В частности, рассматривая основы правового статуса, функции и полномочия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что, входя в систему органов государственной власти субъекта Российской Федерации и являясь, по существу, главой исполнительной власти субъекта Российской Федерации, данное должностное лицо одновременно является звеном в единой системе исполнительной власти в Российской Федерации и по своему статусу в силу принципа единства системы государственной власти находится в отношениях субординации непосредственно с Президентом Российской Федерации\*.

Одной из отраслевых характеристик административного права является то, что субъекты административных правоотношений не равны по своему статусу, они

находятся в отношениях субординации, или власти и подчинения, так как один из них наделен властными полномочиями (орган государственной власти, должностное лицо и др.), а другой нет. Как отмечает И.А. Иванников, в административном праве действует метод субординации и властного приказа, позволяющий эффективно регулировать управленческую, служебную, оперативную и иную деятельность государственных органов и должностных лиц [8, с. 20].

Иной пример — налоговое законодательство. В постановлении от 14 июля 2005 г. N 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа» Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что конституционная обязанность платить законно установленные налоги и сборы, по смыслу данной статьи, имеет публично-правовой, а не частноправовой (гражданско-правовой) характер. Ее реализация в соответствующих правоотношениях предполагает субординацию, властное подчинение одной стороны другой, а именно: налогоплательщику вменяется в обязанность своевременно и в полном объеме уплатить суммы налога, а налоговому органу, действующему от имени государства, принадлежит полномочие обеспечить ее исполнение налогоплательщиком\*\*.

Стермином «субординация» в теории права связывают также метод правового регулирования. В частности, С.С. Алексеев, определяя методы правового регулирования в качестве приемов юридического воздействия, их сочетания, характеризующего использование в данной области общественных отношений, того или иного комплекса юридического инструментария, выделяет такой прием регулирования, как централизованное императивное регулирование — метод субординации [9, с. 125]. Рассматривая возможность применения к органам государства определенные для государства как публично-правового образования характерные признаки право-

\* См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 дек. 2005 г. N 13-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 3. Ст. 336.

\*\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. N 30. Ст. 3200.

вого статуса, Б.Б. Инжиева говорит о централизованном, императивном правовом регулировании (методе субординации), то есть об установленном в правовом порядке назначении субъекта права, его месте и роли в правовой системе [10]. О.В. Танимов, изучая вопрос о публичном праве и образующих его отраслях, отмечает, что их методом правового регулирования является императивный метод (властно-авторитарный, директивный) — строго обязательный, построенный на принципах власти и подчинения, на отношениях субординации («вертикали») [11].

Вместе с тем полагаем, что, в каком бы аспекте не рассматривалась субординация, ее основной целью или значением является установление порядка, выстраивание системы на условиях подчиненности, упорядочение чего- или кого-либо, например правовых норм, органов государственной власти, должностных лиц.

**Субординация как принцип организации государственной службы Российской Федерации.** Принцип субординации, несмотря на его характерность для публичной-правовой сферы, неперенным институтом которой является государственная служба, не получил однозначного закрепления в законодательстве о государственной службе Российской Федерации. Известно, что основные принципы построения и функционирования системы государственной службы Российской Федерации закреплены в статье 3 Федерального закона от 27 мая 2003 г. N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (далее — Федеральный закон о системе государственной службы)\*. В числе настоящих принципов, именуемых в юридической литературе как отраслевые, настоящий федеральный закон провозглашает открытость государственной службы и ее доступность общественному контролю, профессионализм и компетентность государственных служащих, защита государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность и др. (ч. 1 ст. 3)

При этом принцип субординации в Федеральном законе о системе госу-

дарственной службы не предусмотрен. Отсутствует он и в федеральных законах от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»\*\* и от 5 декабря 2005 г. N 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества»\*\*\*. В правовой теории, напротив, принцип субординации приводится в качестве одной из характеристик государственной службы Российской Федерации. К примеру, А.А. Спектор и Э.В. Туманов, комментируя положения Федерального закона о системе государственной службы, отмечают, что целостность системы федеральной государственной службы конкретизируется и осуществляется через связи (прямые и обратные, информационные и др.). Это преимущественно отношения субординации при выработке и реализации управленческих решений, координации, регулирования, обмена информацией, контроля и др. [12]. Ф.Б. Магомедов принцип субординации (подчиненности) относит к операциональным принципам, характерным для всего института государственной службы [13, с. 38].

Несомненно, принцип субординации присущ государственной службе, в первую очередь как институту административного права, в связи с особенностями регулирования правовых отношений, возникающих при ее прохождении. Следует предположить, что отсутствие принципа субординации в Федеральном законе о системе государственной службы Российской Федерации является его юридико-технической недоработкой. В Концепции реформирования системы государственной службы Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 15 августа 2001 г.\*\*\*\*, которая стала предпосылкой принятия настоящего закона, в качестве одного из основных принципов функционирования системы государственной службы и деятельности государственных служащих была названа должностная субординация при принятии и исполнении решений. При этом значительная часть принципов, сформулиро-

\*\* Там же. 2004. N 31. Ст. 3215.

\*\*\* Там же. 2005. N 50. Ст. 5245.

\*\*\*\* Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. N 22. Ст. 2063.

ванных в Концепции реформирования системы государственной службы Российской Федерации, была включена в статью 3 Федерального закона о системе государственной службы Российской Федерации.

Принцип субординации не был прямо закреплен и в предшествующем Федеральном законе от 31 июля 1995 г. N 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации»\*. Лишь в отдельных его положениях использовались понятия «вышестоящий руководитель» и «подчиненность», указывавшие на наличие субординационных отношений. Например, в п. 4 ч. 1 ст. 10 в качестве обязанности государственного служащего устанавливалось исполнение приказов, распоряжений и указаний вышестоящих в порядке подчиненности руководителей, отданных в пределах их должностных полномочий, за исключением незаконных.

Однако это не означает, что принцип субординации в настоящее время не имеет закрепления в законодательстве о государственной службе. В части 2 ст. 3 Федерального закона о системе государственной службе содержится положение о том, что реализация принципов построения и функционирования системы государственной службы обеспечивается федеральными законами о видах государственной службы. Указанными федеральными законами могут быть предусмотрены также другие принципы построения и функционирования видов государственной службы, учитывающие их особенности.

В первую очередь это касается военной службы и государственной службы в сфере правоохранительной деятельности (ранее – правоохранительной службы). Следует согласиться с Т.В. Казиной в том, что система правового регулирования правоохранительной или военной службы включает в себя множество императивно-правовых характеристик, которые обуславливают должное построение и функционирование таких видов государственной службы. При этом взаимоотношения сотрудников правоохранительной службы или военнослужащих основываются на непосредственной подчиненно-

сти, распорядительности и централизации управления [14, с. 52].

Как правило, федеральные законы, регламентирующие прохождение данных видов службы, напрямую закрепляют принцип субординации в качестве одного из основных. Например, согласно ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 1 октября 2019 г. N 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» одним из принципов службы в органах принудительного исполнения является единоначалие и субординация (подчиненность)\*\*. В аналогичной редакции настоящий принцип содержится в федеральных законах о службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (ч. 2 ст. 4)\*\*\*, о службе в федеральной противопожарной службе (п. 9 ч. 1 ст. 4)\*\*\*\* и о службе в органах внутренних дел Российской Федерации. В связи с этим в правовой литературе принцип субординации принято относить к специальным принципам, то есть основополагающим положениям, выражающим специфические особенности отдельного вида государственной службы [15, с. 23].

Кроме того, отношения субординации имеют место и на государственной гражданской службе. Несмотря на то, что в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не только не содержится принцип субординации, но и не используется данное понятие, анализ его положений свидетельствует о наличии субординационных отношений. Например, в п. 5 ч. 1 ст. 16 настоящего Федерального

\*\* Там же. 2019. N 40. Ст. 5488.

\*\*\* См.: О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: федер. закон от 19 июля 2018 г. N 197-ФЗ // Там же. 2018. N 30. Ст. 4532.

\*\*\*\* См.: О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 23 мая 2016 г. N 141-ФЗ // Там же. 2016. N 22. Ст. 3089.

\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 31. Ст. 2990.

закона содержатся положения о невозможности нахождения на государственной гражданской службе близких родственников в случае, если они состоят в отношениях подчиненности и подконтрольности. Согласно ч. 11.2 ст. 70 член комиссии по служебным спорам, находящийся в непосредственной подчиненности или подконтрольности у гражданского служащего, в отношении которого комиссией рассматривается служебный спор, не участвует в заседании комиссии по служебным спорам и принятии решения по данному служебному спору. Кроме того, в обязанности государственного гражданского служащего входит исполнение поручений соответствующих руководителей, данных в пределах их полномочий, установленных законодательством Российской Федерации (п. 3 ч. 1 ст. 15).

Что же касается военной службы, то Федеральный закон от 28 марта 1998 г. N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» непосредственно не содержит принцип субординации на службе. В Положении о порядке прохождения военной службы также отсутствует понятие субординации, но используется понятие «прямое подчинение»\*. Вместе с тем, как представляется, из всех видов государственной службы подчиненность наиболее явно выражена именно на военной службе.

Здесь необходимо учитывать специфику правового регулирования прохождения военной службы. Следует согласиться с Д.Е. Зайковым, считающим, что военнослужебные отношения характеризуются повышенной степенью правового регулирования, формализацией и регламентированностью всех сторон деятельности их субъектов. Кроме того, важность и специфика выполняемых военнослужащими задач (в частности, возможность применения в установленном порядке оружия) определяют особые признаки военно-служебных отношений, обеспечивающих достижение целей, стоящих перед военной организацией государства. Это и принцип единоначалия, и беспрекословность во-

инского повиновения, и императивность требований воинской дисциплины, и специальная ответственность за совершенные правонарушения [16, с. 19].

Основные субординационные правоотношения определяются в Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации\*\*. Например, в пункте 34 настоящего Устава устанавливается, что по своему служебному положению и воинскому званию одни военнослужащие по отношению к другим могут быть начальниками или подчиненными; начальник имеет право отдавать подчиненному приказы и требовать их исполнения; подчиненный обязан беспрекословно выполнять приказы начальника. В пункте содержится положение о том, что начальники, которым военнослужащие подчинены по службе, хотя бы и временно, являются прямыми начальниками; ближайший к подчиненному прямой начальник называется непосредственным начальником.

Важное значение в субординационных отношениях на военной службе имеет институт воинских званий. Как отмечают А.В. Кудашкин и К.В. Фатеев, характерной чертой военной службы является установленная законодательством определенная зависимость порядка прохождения службы и правового положения военнослужащих от присваиваемых каждому из них персональных воинских званий. Воинские звания приведены в единую систему. Они отражают, как правило, военную и специальную квалификацию военнослужащих, выслугу лет, служебное положение и т.п. Это, в свою очередь, способствует достижению необходимой четкости в субординации, взаимоотношениях между военнослужащими и в конечном счете успешному решению задач военного управления, поддержанию воинской дисциплины и правопорядка [17]. В соответствии с Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации военнослужащие, которые по своему служебному положению и воинскому званию не являются по отношению к другим военнослужащим их начальниками или

\* См.: Вопросы прохождения военной службы: указ Президента Российской Федерации от 16 сент. 1999 г. N 1237 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 38. Ст. 4534.

\*\* Об утверждении общевойсковых уставов Вооруженных Сил Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10 нояб. 2007 г. N 1495 // Там же. 2007. N 47. Ст. 5749.

подчиненными, могут быть старшими или младшими; старшинство определяется воинскими званиями военнослужащих.

Отличительной чертой субординационных правоотношений на военной службе также является и то, что они охватываются понятием единоначалия. По мнению Н.И. Павлова, «под субординацией понимается организационно-правовая форма взаимоотношений военнослужащих на основе принципов единоначалия, воинской дисциплины и централизма» [18, с. 182]. Это подтверждают и положения Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации. В частности, согласно пункту 33 настоящего Устава единоначалие является одним из основных принципов строительства Вооруженных Сил, руководства ими и взаимоотношений между военнослужащими. Единоначалие заключается в наделении командира (начальника) всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным и возложении на него персональной ответственности перед государством за все стороны жизни и деятельности воинской части, подразделения и каждого военнослужащего.

Подводя итог отмеченному в данной части статьи, в качестве вывода целесообразно привести определение субординации, сформулированное в Методическом пособии по деловому этикету в аппарате управления ОАО «Российские железные дороги», которое не только представляет интерес с точки зрения его содержания, но и может быть использовано в целях совершенствования законодательства о государственной службе Российской Федерации в этом вопросе\*. В соответствии с разделом 4.1 «Специфика должностной субординации» указанного пособия принцип ранжирования и статусного взаимодействия (субординации) сотрудников определяет правила поведения, которые регламентируют деловое общение таким образом, чтобы взаимодействие сотруд-

ников отражало их статусное положение и обеспечивало уважение каждому участнику общения.

**Субординация на службе в органах внутренних дел Российской Федерации.** Принцип субординации на службе в органах внутренних дел имеет схожее содержание и значение с субординацией на военной службе. В этой части служба в органах внутренних дел аналогична военной службе, поскольку приказы начальника являются обязательными для исполнения и подлежат неукоснительному соблюдению. Административная иерархия является основным стержнем формирования всей системы органов внутренних дел, от министерства до районных отделов и иных структурных подразделений [19].

Субординация на службе в органах внутренних дел относится к числу основных принципов службы и является одним из обязательных условий управления органами внутренних дел. Органы внутренних дел являются федеральными органами исполнительной власти, отличающимися высокой степенью централизации и включением в свою структуру разнообразных служб и подразделений, образующих относительно самостоятельные подсистемы, которые наделены широким спектром задач и функций. Субординация, то есть иерархичная подчиненность между звеньями ведомства по вертикали, предполагает подчинение нижестоящего органа внутренних дел вышестоящему органу, последние осуществляют контроль и общее управление, принимают обязательные для нижестоящих органов внутренних дел решения. Это обуславливает и необходимость наличия строгих правил и критериев взаимодействия субъектов служебных отношений, в основе которых лежат отношения подчиненности, определение объема прав и обязанностей, дисциплинарных полномочий. В связи с этим субординация в целом наряду с принципами единоначалия и координации обеспечивает организацию системы органов внутренних дел, ее стабильность и эффективное функционирование.

Иллюстрацией к этому может служить положение п. 52.1 Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел

\* См.: Об утверждении Методического пособия по деловому этикету в аппарате управления открытого акционерного общества «Российские железные дороги»: распоряжение открытого акционерного общества «Российские железные дороги» от 21 марта 2013 г. N 691р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Российской Федерации, согласно которому для реализации отношений субординации структурных подразделений органа внутренних дел с руководством органа внутренних дел, координации деятельности между структурными подразделениями служит внутренний документ – записка (служебная, докладная, аналитическая), объяснение, где в произвольной форме печатным или рукописным способом излагаются сведения, отчеты, пояснения, замечания, предложения, заключения (мнения) и иная справочная или управленческая информация по вопросам, отнесенным к компетенции органов внутренних дел\*.

Принцип субординации на службе в органах внутренних дел традиционно принято рассматривать совместно с принципом единоначалия. Этому способствует и формулировка Федерального закона о службе в ОВД, который, как уже отмечалось ранее, в п. 1 ч. 2 ст. 4 в одной строке закрепляет принцип единоначалия и субординации (подчиненности). Иными словами, как отмечают А.В. Комиссаров и Н.Н. Миняйленко, имеет место двуединый принцип – не только самой по себе службы в органах внутренних дел, но и управления органами внутренних дел и самой деятельности указанных органов [20, с. 11]. При этом, в отличие от правового регулирования военной службы, принципы единоначалия и субординации рассматриваются не только во взаимодействии, но и как взаимообусловленные. В правовой литературе высказывается мнение о том, что единоначалие предполагает или определяет наличие системы субординации. Т.С. Валиулин полагает, что строгая субординация структурных элементов в органах внутренних дел призвана способствовать эффективной реализации принципа единоначалия [21, с. 16].

Принято считать, что содержание субординации на службе в органах внутренних дел заключается в установлении подчиненности сотрудников органов внутренних дел по должности и специальному званию. В соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 4 Федерального закона о службе в ОВД:

\* См.: Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 20 июня 2012 г. N 615. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

– сотрудник органов внутренних дел при выполнении служебных обязанностей подчиняется только прямым руководителям (начальникам). Прямыми руководителями (начальниками) сотрудника являются руководители (начальники), которым он подчинен по службе, в том числе временно;

– ближайший к сотруднику прямой руководитель (начальник) является его непосредственным руководителем (начальником);

– сотрудники, не подчиненные друг другу по службе, могут быть старшими или младшими по подчиненности;

– старшинство сотрудников определяется замещаемой должностью, а в случае, если сотрудники замещают равнозначные должности, – специальным званием.

Однако подчиненность сотрудников органов внутренних дел по специальному званию представляется спорным в качестве самостоятельного основания субординации. Специальные звания определяют иерархию должностей в органах внутренних дел, выполняют иные важные функции, например, указывают на наличие у сотрудника властно-распорядительных государственных полномочий, свидетельствуют о занимаемой категории должности, но не являются достаточной для признания причиной субординации. Нельзя не согласиться с Ю.В. Егоровым, Ю.В. Беляниновой и Д.В. Соколовым, которые применительно к специальным званиям сотрудников Следственного комитета Российской Федерации обращают внимание на то, что наличие у лица более высокого старшего звания не предоставляет ему полномочий по руководству должностными лицами, имеющими младшие специальные звания. На практике нередкими являются ситуации, когда в подчинении, например, у капитана юстиции оказываются майоры юстиции. Решающую роль в субординации играют должности, а не специальные звания [22].

Основу субординационных отношений на службе в органах внутренних дел образует требование п. 3 ч. 3 ст. 4 Федерального закона о службе в ОВД, согласно которому обязательным для сотрудника органов внутренних дел является выполнение приказов и распоряжений руково-

дителей (начальников), отданных в установленном порядке и не противоречащих федеральному закону.

При этом Федеральный закон о службе в ОВД содержит положения, направленные на обеспечение субординации в органах внутренних дел. К ним относятся:

1) установление в качестве основной обязанности сотрудника органов внутренних дел исполнения приказов и распоряжений прямых руководителей (начальников) (п. 2 ч. 1 ст. 12);

2) невозможность нахождения на службе в органах внутренних дел в случаях близкого родства или свойства с сотрудником органов внутренних дел, если замещение должности связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому (п. 2 ч. 1 ст. 14);

3) перевод сотрудника органов внутренних дел на равнозначную или нижестоящую должность в органах внутренних дел в целях устранения обстоятельств, связанных с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью сотрудников, находящихся в отношениях близкого родства или свойства (чч. 5, 7 ст. 30);

4) рассмотрение служебных споров в органах внутренних дел (ст. 72);

5) увольнение со службы в органах внутренних дел в связи с отказом сотрудника от перевода на иную должность в органах внутренних дел в целях устранения обстоятельств, связанных с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью сотрудников, находящихся в отношениях близкого родства или свойства (п. 6 ч. 3 ст. 82).

Отдельно следует отметить значение служебной дисциплины в органах внутренних дел в обеспечении субординации. Например, в определении служебной дисциплины, сформулированном в Федеральном законе о службе в ОВД, под ней понимается соблюдение сотрудником органов внутренних дел, в частности, установленных приказами и распоряжениями прямых и непосредственных руководителей (начальников) порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав (ч. 1 ст. 47). Соответственно, неисполнение (ненадлежащее исполнение) приказов

и распоряжений прямых руководителей (начальников) и непосредственного руководителя (начальника) при выполнении основных обязанностей и реализации предоставленных прав является нарушением служебной дисциплины (дисциплинарным проступком) то есть основанием привлечения к дисциплинарной ответственности (ч. ст. 47). Исключением является невыполнение приказов и распоряжений руководителей (начальников), отданных в нарушение установленного порядка и (или) противоречащих законодательству.

В развитие настоящих положений Дисциплинарный устав органов внутренних дел Российской Федерации\* предусматривает следующие обязанности сотрудников по соблюдению и поддержанию служебной дисциплины (в части обеспечения субординации):

– выполнять приказы и распоряжения руководителей (начальников), отданные в установленном порядке и не противоречащие федеральным законам (подп. «б» п. 5);

– соблюдать субординацию (подп. «г» п. 5);

– требовать от младших по подчиненности сотрудников соблюдения ими служебной дисциплины, требований, предъявляемых к служебному поведению, правил ношения форменной одежды (п. 6).

Кроме того, Дисциплинарный устав органов внутренних дел Российской Федерации в главе 4 устанавливает требования, направленные на обеспечение обязательности исполнения приказа руководителя (начальника). В соответствии с п. 10 приказом руководителя (начальника) является служебное требование руководителя (начальника), обращенное к подчиненным сотрудникам, об обязательном выполнении определенных действий, о соблюдении правил или об установлении порядка, положения. При этом приказ:

1) обязателен для исполнения подчиненными, за исключением заведомо незаконного приказа (п. 12);

\* См.: Дисциплинарный устав органов внутренних дел Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 14 окт. 2012 г. N 1377 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 43. Ст. 5808.

2) отдается в порядке подчиненности; при необходимости прямой руководитель (начальник) может отдать приказ подчиненному, минуя его непосредственного руководителя (начальника) (п. 18);

3) за исключением явно противоречащего закону, должен быть исполнен беспрекословно, точно и в срок. Обсуждение приказа и его критика недопустимы (п. 19);

4) о его исполнении подчиненный обязан доложить прямому руководителю (начальнику), отдавшему приказ, и (или) своему непосредственному руководителю (начальнику) (п. 22);

5) невыполнение приказа является основанием привлечения к ответственности по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации (п. 23).

Наряду с этим сами дисциплинарные отношения на службе в органах внутренних дел также основаны на субординации. В соответствии с чч. 3 и 4 ст. 51 Федерального закона о службе в ОВД правом наложения дисциплинарного взыскания на сотрудника органов внутренних дел обладает его прямой и вышестоящий руководитель (начальник) в пределах прав, предоставленных им полномочий. Если на сотрудника органов внутренних дел необходимо наложить такое дисциплинарное взыскание, которое соответствующий руководитель (начальник) не имеет права налагать, то он ходатайствует о наложении этого дисциплинарного взыскания перед вышестоящим руководителем (начальником). Кроме того, вышестоящий руководитель (начальник) имеет право изменить или отменить дисциплинарное взыскание, наложенное нижестоящим руководителем (начальником), если оно не соответствует тяжести совершенного сотрудником органов внутренних дел дисциплинарного проступка.

Аналогично на субординации основано и поощрение на службе в органах внутренних дел. Согласно пункту 243 Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации меры поощрения объявляются приказами руководителей (начальников) в соответствии с полномочиями, указанными в Перечне руководителей (начальников) системы МВД России и соответствующих им прав по применению мер поощрения и наложению дисциплинарных взысканий

в отношении подчиненных сотрудников\*. Как и при применении дисциплинарных взысканий, правом на применение мер поощрения, предоставленным нижестоящему руководителю (начальнику), обладает и прямой руководитель (начальник). В случаях, когда, по мнению руководителя (начальника), необходимо применить меры поощрения, применение которых выходит за пределы его дисциплинарных прав, он ходатайствует об этом перед вышестоящим руководителем (начальником).

Исходя из изложенного выше можно сделать следующие выводы:

1. Под субординацией из ее лексического и этимологического значения следует понимать не подчинение, а упорядочение, то есть систему отношений, основанных или связанных с иерархией. В каком бы аспекте не рассматривалась субординация, ее основной целью или значением является установление порядка, выстраивание системы на условиях подчиненности, упорядочении чего-либо, например, правовых норм, органов государственной власти, должностных лиц.

2. Понятие субординации получило широкое распространение в современном правовом лексиконе. Сегодня термин «субординация» используется для обозначения метода правового регулирования (метод субординации), в качестве критерия, разграничивающего публичное и частное право (субординация и координация), как принцип организационного построения органов государственной власти (в первую очередь органов исполнительной власти), организации и функционирования государственной службы Российской Федерации и ее видов (должностная субординация), а также в отраслях публичного права для обозначения порядка взаимодействия субъектов правоотношений.

3. Наиболее оптимальным определением должностной субординации следует считать порядок взаимоотношений служащих, основанный на должностном ранжировании и взаимодействии, обеспечивающий деловое общение, уважение

\* См.: Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 1 февр. 2018 г. N 50. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

каждому участнику общения и эффективное выполнение служебных задач.

4. Принцип субординации на государственной службе, несмотря на его отсутствие в Федеральном законе о системе государственной службы, является одним из основных принципов организации и функционирования государственной службы Российской Федерации и присущ для всех видов государственной службы в той или иной степени. Наиболее высокую степень выражения принцип субординации получил на военной службе, где он охватывается понятием единоначалия, и на государственной службе в правоохранительной сфере. Следует предположить, что отсутствие принципа субординации в Федеральном законе о системе государственной службы Российской Федерации является его юридико-технической недоработкой.

5. Субординация на службе в органах внутренних дел относится к основным принципам службы и является одним из обязательных условий управления органами внутренних дел. Субординация наряду с принципами единоначалия и координа-

ции обеспечивает организацию системы органов внутренних дел, ее стабильность и эффективное функционирование.

Основу субординационных отношений на службе в органах внутренних дел образует подчиненность сотрудников органов внутренних дел в соответствии с занимаемой должностью, специальным званием и обязательностью выполнения приказов и распоряжений. Вместе с тем подчиненность сотрудников органов внутренних дел по специальному званию представляется спорной в качестве самостоятельного основания субординации и может быть лишь дополнением к субординации по должности.

Субординация на службе в органах внутренних дел обеспечивается служебной дисциплиной, предусматривающей обязанность соблюдения субординации, а в случае несоблюдения — возможностью привлечения к дисциплинарной ответственности. Наряду с этим служебная дисциплина, в частности порядок наложения дисциплинарных взысканий и порядок поощрения сотрудников органов внутренних дел, основаны на субординационных отношениях.

#### Список литературы

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. 921 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://gramota.ru> (дата обращения: 1 сент. 2020 г.).
3. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
4. Хохлов В.А. Глоссарий (словарь) корпоративного права. М.: Юстицинформ, 2019. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 2001. 711 с.
6. Вишняков В.Г. Система и структура федеральных органов исполнительной власти: теория и практика // Журнал российского права. 2006. N 8. С. 67-83.
7. Оксамытный В.В. Общая теория государства и права. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 511 с. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
8. Иванников И.А. Медицинское право: проблемы кодификации // Медицинское право. 2010. N 5. С. 19-22.
9. Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2011. 576 с.
10. Инжиева Б.Б. Участие государства в современном гражданском обороте: монография / под ред. А.Я. Рыженкова. М.: Юстицинформ, 2014. 180 с. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
11. Танимов О.В. Теория юридических фикций: монография / отв. ред. Т.В. Кашанина. М.: Проспект, 2016. 224 с. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
12. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 27 мая 2003 г. N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации». М.: ЮРКОМПАНИ, 2009. 191 с. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
13. Магомедов Ф.Б. Операциональные принципы государственной службы // Гражданин и право. 2013. N 8. С. 36-45.
14. Казина Т.В. Сделка с правоприменителем в производстве по делам об административных правонарушениях // Гражданин и право. 2017. N 2. С. 50-59.
15. Ванюшин Я.Л., Ванюшина И.Н. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 267 с.

16. Зайков Д.Е. Особенности равенства в военно-служебных отношениях // Право в Вооруженных Силах. 2010. N 7. С. 17-22.
17. Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих». 5-е изд., перераб. и доп. Сер.: Право в Вооруженных Силах – консультант. М.: За права военнослужащих, 2009. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
18. Павлов Н.И. Единоначалие в советских Вооруженных Силах и его закрепление в нормах военного законодательства // Вопросы теории военного законодательства и практики его применения. М., 1974. С. 182-183.
19. Комментарий к Федеральному закону от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / В.А. Галкин, Ю.В. Егоров, Н.С. Манова, Е.А. Николаева; под ред. С.А. Денисова. 2012. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
20. Комиссаров А.В., Миняйленко Н.Н. Принцип единоначалия в деятельности органов военного управления внутренних войск (теоретико-правовой аспект) // Право в Вооруженных Силах. 2015. N 9. С. 7-11.
21. Валиулин Т.С. Административно-правовой статус органов внутренних дел на транспорте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 27 с.
22. Егоров Ю.В., Белянинова Ю.В., Соколов Д.В. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» / под ред. Р.Ш. Валиева. 2015. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

### References

1. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: 70 000 words. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1990. 921 p. (In Russ.).
2. Great Dictionary of Russian language. St. Petersburg: Norint, 1998. Available at: <http://gramota.ru> (Accessed August 1, 2020). (In Russ.).
3. Dictionary of foreign words of the modern Russian language. Moscow, Adelant Publ., 2014. 800 p. (In Russ.).
4. Hohlov V.A. Glossary (dictionary) of corporate law. Moscow, Yustitsinform Publ., 2019. Access from the reference legal system "Garant". (In Russ.).
5. Alekseev S.S. Right. Comprehensive research experience. Moscow, 2001. 711 p. (In Russ.).
6. Vishnyakov V.G. System and structure of federal executive bodies: theory and practice. Journal of Russian law, 2006, no. 8, pp. 67-83. (In Russ.).
7. Oksamytniy V.V. General theory of state and law. Moscow, YuNITI-DANA Publ., 2012. 511 p. Access from the reference legal system "Garant". (In Russ.).
8. Ivannikov I.A. Medical law: problems of codification. Medical law, 2010, no. 5, pp. 19-22. (In Russ.).
9. Alekseev S.S. General theory of law. Moscow, Prospect Publ., 2011. 576 p. (In Russ.).
10. Inzhieva B.B. State participation in modern civil circulation. Moscow, Yustitsinform Publ., 2014. 180 p. Access from the reference legal system "Garant". (In Russ.).
11. Tanimov O.V. The theory of legal fictions. Moscow, Prospect Publ., 2016. 224 p. Access from the reference legal system "Garant". (In Russ.).
12. Scientific and practical commentary to the Federal Law of May 27, 2003 No. 58-FZ "On the system of public service of the Russian Federation". Moscow, YuRKOMPANI Publ., 2009. 191 p. Access from the reference legal system "Garant". (In Russ.).
13. Magomedov F.B. Operational principles of public service. Citizen and Law, 2013, no. 8, pp. 36-45. (In Russ.).
14. Kazina T.V. Deal with a law enforcement agent in proceedings on cases of administrative offenses. Citizen and Law, 2017, no. 2, pp. 50-59. (In Russ.).
15. Vanyushin Ya.L., Vanyushina I.N. State service in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Moscow, Yurayt Publ., 2020. 267 p. (In Russ.).
16. Zaykov D.E. Features of equality in military-service relations. Law in the Armed Forces. 2010, no. 7, pp. 17-22. (In Russ.).
17. Kudashkin A.V., Fateev K.V. Commentary on the Federal Law "On the Status of Servicemen". Moscow, Za prava voennosluzhashchih Publ., 2009. Access from the reference legal system "Garant". (In Russ.).
18. Pavlov N.I. One-man command in the Soviet Armed Forces and its consolidation in the norms of military legislation. Questions of the theory of military legislation and the practice of its application. Moscow, 1974. Pp. 182-183. (In Russ.).
19. Galkin V.A., Egorov Yu.V., Manova N.S., Nikolaeva E.A. Commentary on Federal Law No. 342-FZ of November 30, 2011 "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". 2012. Access from the reference legal system "Garant". (In Russ.).
20. Komissarov A.V., Minyaylenko N.N. The principle of one-man command in the activities of military command and control bodies of internal troops (theoretical and legal aspect). Law in the Armed Forces, 2015, no. 9, pp. 7-11. (In Russ.).
21. Valiulin T.S. Administrative and legal status of the internal affairs bodies in transport. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2007. 27 p. (In Russ.).
22. Egorov Yu.V., Belyaninova Yu.V., Sokolov D.V. Commentary to the Federal Law of December 28, 2010 No. 403-FZ "On the Investigative Committee of the Russian Federation". Access from the reference legal system "Garant". (In Russ.).

**Раздел 6. Совершенствование правоохранительной практики**

|  |   |
|--|---|
| ГОРОШКО И.В.,<br>доктор технических наук, профессор,<br>ggoroshko@agprf.org<br>Отдел правовой статистики<br>и информационного обеспечения<br>прокурорской деятельности;<br>Университет прокуратуры<br>Российской Федерации,<br>117638, г. Москва, ул. Азовская, 2-1;<br>Кафедра информационных технологий;<br>Академия управления<br>Министерства внутренних дел<br>Российской Федерации,<br>125171, г. Москва,<br>ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8 | GOROSHKO I.V.,<br>Doctor of Technical Sciences, Professor,<br>ggoroshko@agprf.org<br>Department of legal statistics<br>and information support of the<br>prosecutorial activities;<br>University of the Prosecutor's Office<br>of the Russian Federation,<br>Azovskaya St. 2-1, 117638, Moscow;<br>Department of information technologies;<br>Academy of Management of the Ministry<br>of the Interior of the Russian Federation,<br>Z. and A. Kosmodemyanskikh St. 8,<br>Moscow, 125171,<br>Russian Federation |
| ЛЕБЕДЕВ В.Н.,<br>кандидат технических наук, доцент,<br>lvn-73@mail.ru<br>Кафедра информационных технологий;<br>Академия управления<br>Министерства внутренних дел<br>Российской Федерации,<br>125171, г. Москва,<br>ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8  | LEBEDEV V.N.,<br>Candidate of Technical Sciences,<br>associate professor,<br>lvn-73@mail.ru<br>Department of information technologies;<br>Academy of Management of the Ministry<br>of the Interior of the Russian Federation,<br>Z. and A. Kosmodemyanskikh St. 8,<br>Moscow, 125171,<br>Russian Federation   |

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕДАЧИ СЛУЖЕБНОЙ  
ИНФОРМАЦИИ ОГРАНИЧЕННОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ  
В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ**

**Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы правового регулирования передачи служебной информации ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти. Исследуется природа термина «информация ограниченного распространения» и его связь с понятиями «конфиденциальная информация» и «конфиденциальность информации», анализируются правовые режимы информации. На основе изучения действующих нормативных правовых актов установлена недостаточная проработка организационно-распорядительных документов федеральных органов исполнительной власти, регулирующих обращение со служебной информацией ограниченного распространения, на предмет соответствия положениям федерального законодательства. Кроме того, показано, что в ведомственных приказах отсутствует единый подход к организации процесса передачи такой информации посредством информационно-телекоммуникационных сетей, приведены примеры существующих различий и поставлен вопрос о необходимости унификации регулирования данного процесса.

**Ключевые слова:** информационно-телекоммуникационная сеть; конфиденциальность; передача информации; правовое регулирование; правовой режим информации; служебная информация ограниченного распространения.

Для цитирования: Горошко И.В., Лебедев В.Н. Правовое регулирование передачи служебной информации ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 3 (53). С. 85-93.

## LEGAL REGULATION OF THE TRANSFER OF OFFICIAL INFORMATION FOR LIMITED DISTRIBUTION IN FEDERAL EXECUTIVE BODIES

**Annotation.** The issues concerning the legal regulation of the transfer of official information for limited distribution in federal executive bodies are analyzed in the article. The nature of the term "official information for limited distribution" ("restricted information", "proprietary information") and its relationship with the concepts of "confidential information" and "confidentiality of information" are studied, legal regimes of information are analyzed. Having analyzed the current regulatory legal acts, the authors of the article have discovered the insufficient elaboration of organizational and administrative documents issued by federal executive authorities that regulate handling the official information for limited distribution. This insufficient elaboration regards compliance with the provisions of federal legislation. In addition, it is shown that the departmental orders lack a unified approach to the organization of the process of transmitting such information through information and telecommunications networks, the examples of existing differences are given and the question of the need for unification is raised.

**Keywords:** information and telecommunication network; confidentiality; information transfer; legal regulation; legal regime of information; official information for limited distribution (restricted information, proprietary information).

For citation: Goroshko I.V., Lebedev V.N. Legal regulation of the transfer of official information for limited distribution in federal executive bodies // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 3 (53). P. 85-93.

Формирование в Российской Федерации информационного общества неразрывно связано с процессом цифровизации федеральных органов исполнительной власти. Как и многие другие инновации, внедряемые в различные сферы государственной и общественной деятельности, данный процесс сопровождается ряд нерешенных вопросов, среди которых следует выделить вопросы регулирования передачи служебной информации ограниченного распространения (далее – служебная информация) посредством информационно-телекоммуникационных сетей.

Их обсуждение целесообразно начать с уточнения правовой природы понятий «служебная информация» и «информация ограниченного распространения». Как показал проведенный анализ научной литературы по исследуемой проблематике, своим появлением в юридическом лексиконе данные понятия обязаны понятию «конфиденциальная информация».

Термин «конфиденциальный» происходит от латинского *confidentia* – доверие и первоначально использовался в качестве синонима прилагательного «доверительный» – не предполагающий распространения (например, конфиденциальный (доверительный) разговор). Однако в последующем он получил расширительное толкование и стал ассоции-

роваться не только с чем-то доверительным, но и с «секретным, неизвестным» [1, с. 156].

Первое упоминание правовой категории «конфиденциальная информация» в российском законодательстве связано с принятием в 1995 году Федерального закона N 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Федеральный закон N 24-ФЗ). В соответствии с положениями данного закона к конфиденциальной следует относить документированную информацию, доступ к которой ограничивается в соответствии с законодательством Российской Федерации\*. При этом документированная информация, в зависимости от ее ценности с точки зрения обеспечения государственной безопасности, разделялась на информацию, отнесенную к государственной тайне, и непосредственно конфиденциальную.

Подобное разделение, на наш взгляд, явилось следствием демократических преобразований в Российской Федерации, которые сопровождалось снятием в информационном пространстве необоснованных барьеров и ростом информационной открытости системы государственного

\* Об информации, информатизации и защите информации: федер. закон от 20 февр. 1995 г. N 24-ФЗ (утратил силу) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 8. Ст. 609.

управления (в советский период термин «конфиденциальная информация» не применялся — в ту пору использовались иные правовые режимы).

В складывающихся условиях требовалось уточнить перечень сведений, защищаемых государством в первую очередь, и это было осуществлено посредством принятия в 1993 году Закона Российской Федерации «О государственной тайне»\*. Вместе с тем наличие в органах власти иной информации, которая была менее ценна, но также подлежала защите, предполагало введение нового понятийного аппарата — и термин «конфиденциальная», согласно Федеральному закону N 24-ФЗ, касался именно этой информации.

Заметим, что в дальнейшем понятие «конфиденциальная информация» практически перестало использоваться в законодательстве. В Федеральном законе от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Федеральный закон N 149-ФЗ), заменившем Федеральный закон N 24-ФЗ, уже содержится словосочетание «конфиденциальность информации», которое трактуется как «обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя» (п. 7 ст. 2 Федерального закона N 149-ФЗ)\*\*. Думается, что таким образом на законодательном уровне конфиденциальности придавался статус специального правового режима информации.

Как правило, под правовым режимом в определенной группе общественных отношений принято понимать «комплекс правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования» [2, с. 188]. Для общественных отношений в информа-

ционной сфере свойственно использование общего и специального правовых режимов [3, с. 20].

Общий правовой режим информации обладает следующими специфическими признаками:

- неограниченность круга лиц, имеющих право получить информацию;
- открытый доступ к информации;
- неограниченная возможность распространения информации;
- неограниченный объем предоставляемой информации.

Из сказанного следует, что информация, находящаяся в общем правовом режиме, является общедоступной, к ней не применяются дополнительные требования об обязательной защите (помимо требований обеспечения ее целостности и сохранности).

В отличие от общего, использование специального правового режима ориентировано на решение задач, связанных с защитой сведений, доступ к которым и свободное распространение нарушают права и законные интересы личности, общества и государства.

Конфиденциальность информации относится к специальным правовым режимам, для которых характерны:

- запрет на передачу информации третьим лицам без согласия ее обладателя (за исключением случаев, специально оговоренных в законах);
- возможность обладателя информации самостоятельно решать вопрос о ее конфиденциальности.

Особо подчеркнем, что конфиденциальность нельзя отождествлять с такими родовыми физическими свойствами информации, как достоверность, актуальность, своевременность, и т.п. Конфиденциальность придается информации законом или решением специально уполномоченного лица — ее обладателем.

Конфиденциальность не является единственным специальным правовым режимом информации. В эту категорию входят и различного вида тайны (например, служебная тайна). К служебной тайне, согласно п. 3 перечня сведений конфиденциального характера, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. N 188 (далее — Указ Пре-

\* О государственной тайне: закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. N 5485-1 // Рос. газ. 1993. 21 сент. N 182.

\*\* Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 31 (ч. I). Ст. 3448.

зидента РФ N 188), относятся служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами\*. Федеральным законодательством должны определяться условия отнесения информации к сведениям, составляющим служебную тайну, а также обязательность соблюдения ее конфиденциальности и ответственность за разглашение\*\*.

Сопоставление положений Указа Президента РФ N 188 с пп. 1, 6 ст. 2 Федерального закона N 149-ФЗ позволяет сделать вывод, что служебная тайна является особым правовым режимом, при реализации которого законодательством устанавливаются ограничения на доступ к служебной информации, ее получение и использование (служебные сведения и служебную информацию, исходя из содержания п. 1 ст. 2 Федерального закона N 149-ФЗ, можно рассматривать как синонимы).

Заметим, что использование информации обладателем, согласно пп. 2, 3 ч. 3 ст. 6 Федерального закона N 149-ФЗ, предполагает, в частности, ее распространение и передачу, поэтому служебная тайна ограничивает и эти процессы, что делает данный правовой режим более строгим по сравнению с режимом конфиденциальности информации (в данном случае обладателем информации является государство или уполномоченные государственные органы).

Таким образом, анализ ряда положений Федерального закона N 149-ФЗ позволяет заключить, что служебная информация, находящаяся в правовом режиме «служебная тайна», обладает ограничительными характеристиками как в части доступа, так и в части распространения.

Соотношение обсуждаемых правовых режимов информации в зависимости от порядка ее предоставления или распространения наглядно представлено в табл. 1.

Таблица 1

### Правовые режимы информации

| Действия с информацией     | Порядок предоставления (распространения) информации |                             |                                  |
|----------------------------|---|-----------------------------|----------------------------------|
|                            | Без ограничений                                     | По соглашению сторон        | Ограничено (запрещено) по закону |
| Предоставление информации  | Общий правовой режим                                | Конфиденциальная информация | Служебная тайна                  |
| Распространение информации | Общий правовой режим                                | Конфиденциальная информация | Служебная тайна                  |

При всей общности и системности формулировок, предложенных в Федеральном законе N 149-ФЗ, обращает на себя внимание наличие в них расхожде-

\* Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера: указ Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. N 188: ред. от 13 июля 2015 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 10. Ст. 1127; 2015. N 29 (ч. II). Ст. 4473.

\*\* Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ.

ний с положениями ранее принятых нормативных правовых актов. В Постановлении Правительства Российской Федерации от 3 ноября 1994 г. N 1233 «Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, уполномоченном органе управления использованием атомной энергии и уполномоченном органе по космической деятельности» (далее — Постановление Правительства РФ N 1233), которое было принято ранее Федерального закона N 149-ФЗ, под служебной инфор-

мацией ограниченного распространения понимается «несекретная информация, касающаяся деятельности организаций, ограничения на распространение которой диктуются служебной необходимостью, а также поступившая в организации несекретная информация, доступ к которой ограничен в соответствии с федеральными законами»\*.

Согласно п. 1.4 Постановления Правительства РФ N 1233 ограничение на распространение касается не всей служебной информации, а только той, в отношении которой уполномоченные должностные лица приняли решение об ограничении ее распространения с простановкой соответствующей ограничительной пометки на документе. Категории таких должностных лиц предусматриваются руководителями федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) в рамках своих компетенций.

Кроме того, Правительство Российской Федерации предоставило право руководителям ФОИВов определять:

- порядок передачи служебной информации ограниченного распространения другим органам и организациям;
- порядок снятия пометки «Для служебного пользования» с носителей информации ограниченного распространения;
- организацию защиты служебной информации ограниченного распространения.

Вышеперечисленные положения Постановления Правительства РФ N 1233 вошли с незначительными изменениями в большинство нормативных правовых актов, принятых федеральными министерствами, службами, агентствами и государственными корпорациями, в которых регламентируется порядок и правила обращения со служебной информацией ограниченного распространения (приказы МВД России, Минобороны России, Минюста России, Минобрнауки России, Мин-

фина России, МЧС России, Минприроды России, Минтранса России, ФСТЭК России, Росгвардии, ГУСП, ФССП, Росрезерва, Росфинмониторинга и Россвязи).

Во всех изученных нами приказах с разной степенью детализации и с учетом ведомственной специфики оговариваются: категории должностных лиц, имеющих право относить служебную информацию к разряду ограниченного распространения; порядок передачи такой информации другим органам и организациям; порядок снятия пометки «Для служебного пользования» с носителей информации ограниченного распространения, а также вопросы организации защиты информации. Вместе с тем в них отсутствует толкование понятия «служебная необходимость» как первоочередного условия для ограничения распространения информации, не приводятся соответствующие пояснения, которые, как представляется, должны быть адаптированы для каждого министерства или ведомства. Однако, исходя именно из «служебной необходимости», должностное лицо принимает решение об ограничении распространения служебной информации и несет за это персональную ответственность.

Обращает на себя внимание и тот факт, что понятийный аппарат многих нормативных правовых актов, принятых после 2006 года, по-прежнему ориентирован на терминологию Постановления Правительства РФ N 1233 и не учитывает положения Федерального закона N 149-ФЗ. Например, упоминаемое в названных нормативных правовых актах действие по передаче документов с пометкой «Для служебного пользования» согласно п. 8 ст. 2 Федерального закона N 149-ФЗ должно трактоваться как предоставление информации, поскольку трудно представить, что подобная передача осуществляется в интересах неопределенного круга лиц.

В ходе анализа действующих нормативных правовых актов на предмет регулирования порядка и правил передачи информации ограниченного распространения посредством информационно-телекоммуникационных сетей нами было отмечено наличие трех различных подходов.

В большинстве нормативных правовых актов содержится норма, запрещаю-

\* Положение о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, уполномоченном органе управления использованием атомной энергии и уполномоченном органе по космической деятельности: постановление Правительства Российской Федерации от 3 нояб. 1994 г. N 1233 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. N 30 (ч. II). Ст. 3165.

щая передавать документы с пометкой «Для служебного пользования» посредством электронной почты, с использованием факсимильной связи, а также иными способами, за исключением фельдъегерской связи, заказных или ценных почтовых отправлений, нарочного.

В этот перечень входят приказы: Минтранса России от 6 июля 2016 г. N 185 «Об упорядочении обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Министерстве транспорта Российской Федерации», Минобрнауки России от 22 октября 2018 г. N 51н «Об упорядочении обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и его территориальных органах», ГУСП от 28 ноября 2016 г. N 72 «Об упорядочении обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Главном управлении специальных программ Президента Российской Федерации и подведомственных ему организациях», Росфинмониторинга от 16 ноября 2016 г. N 375 «Об упорядочении обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Федеральной службе по финансовому мониторингу» и др.

Вторую группу составляют нормативные правовые акты, в которых разрешается осуществлять такую передачу, но при определенных условиях. Например, в п. 5 приложения 2 к приказу ФСТЭК России от 8 мая 2015 г. N 51 «Об упорядочении обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Федеральной службе по техническому и экспортному контролю и ее территориальных органах» говорится о недопущении передачи документов «Для служебного пользования» с использованием информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, средств вычислительной техники или факсимильной связи, не имеющих аттестата соответствия по требованиям безопасности информации\*.

\* Об упорядочении обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Федеральной службе по техническому и экспортному контролю и ее территориальных органах: приказ ФСТЭК России от 8 мая 2015 г. N 51 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2015. N 40.

В Росгвардии передача служебной информации ограниченного распространения «осуществляется по сети передачи данных войск национальной гвардии через абонентские пункты приема-передачи данных» (п. 6 приложения 2 к приказу Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 30 мая 2017 г. N 155 «Об упорядочении обращения со служебной информацией ограниченного распространения в войсках национальной гвардии Российской Федерации»)\*\*.

Похожие требования содержатся и в п. 231 Инструкции по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденной приказом министра обороны Российской Федерации от 4 апреля 2017 г. N 170 «Об утверждении инструкции по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации», в соответствии с которым обработка электронных документов с пометкой «Для служебного пользования» осуществляется в системе электронного документооборота Минобороны России\*\*\*.

В Минфине России (п. 2 приложения 2 к приказу Минфина России от 19 июня 2019 г. N 98н «Об упорядочении обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Министерстве финансов Российской Федерации и подведомственных ему организациях и о признании утратившим силу приказа Министерства финансов Российской Федерации от 26 марта 2018 г. N 53н») и МЧС России (п. 5 приложения 2 к приказу МЧС России от 14 октября 2019 г. N 581 «О порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Мини-

\*\* Об упорядочении обращения со служебной информацией ограниченного распространения в войсках национальной гвардии Российской Федерации: приказ Росгвардии от 30 мая 2017 г. N 155 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

\*\*\* Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации (вместе с «ИД-2017. Инструкция по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации»): приказ министра обороны Российской Федерации от 4 апр. 2017 г. N 170. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий») документы с пометкой «Для служебного пользования» возможно пересылать другим органам и организациям с использованием системы межведомственного электронного документооборота (при выполнении требований по защите информации, установленных в отношении информационных систем электронного документооборота)\*.

В ФССП России (п. 6 приложения 2 к приказу Федеральной службы судебных приставов от 16 января 2017 г. N 8 «Об упорядочении обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Федеральной службе судебных приставов и ее территориальных органах») определено, что отправка документов с пометкой «Для служебного пользования» посредством электронной почты возможна только при условии использования средств криптографической защиты информации с классом защиты не ниже КС 1\*\*.

Свои особенности существуют и в МВД России. Например, передача служебной информации ограниченного распространения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей допускается при наличии аттестатов соответствия указанных сетей требованиям безопасности информации и условий в

\* Об упорядочении обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Министерстве финансов Российской Федерации и подведомственных ему организациях и о признании утратившим силу приказа Министерства финансов Российской Федерации от 26 марта 2018 г. N 53н; приказ Минфина России от 19 июня 2019 г. N 98н; О порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий: приказ МЧС России от 14 окт. 2019 г. N 581 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

\*\* Об упорядочении обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Федеральной службе судебных приставов и ее территориальных органах: приказ ФССП России от 16 янв. 2017 г. N 8: ред. от 23 апр. 2018 г. // Там же.

целях исключения возможности ее разглашения и несанкционированного доступа к ней (п. 12 Инструкции, утвержденной приказом МВД России от 9 ноября 2018 г. N 755 «О некоторых вопросах обращения со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России»)\*\*).

Обособленное положение занимает лишь приказ Минюста России от 7 октября 2010 г. N 250 «Об упорядочении обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Минюсте России и его территориальных органах», в котором указанные порядок и правила никак не оговариваются, то есть в них отсутствует и прямой запрет на передачу данной информации, и описание механизмов осуществления такой передачи\*\*\*\*.

Результаты анализа некоторых из вышеперечисленных нормативных правовых актов, подтверждающие наличие различных подходов к порядку и правилам передачи информации ограниченного распространения посредством информационно-телекоммуникационных сетей, приведены в табл. 2.

Таким образом, проведенный нами анализ действующих нормативных правовых актов позволяет сделать вывод об отсутствии в федеральных министерствах и ведомствах единого подхода к регулированию процессов передачи служебной информации ограниченного распространения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Несомненно, обоснование необходимости именно единого подхода ввиду существенных отличий в специфике деятельности вышеперечисленных организаций является темой для дальнейших дискуссий. Вместе с тем остается нерешенным ряд общих вопросов, актуальных для всех министерств и ведомств в рассматриваемой сфере. В частности, нельзя не отметить, что в организационно-распорядительных документах, посвященных порядку обращения со служебной инфор-

\*\*\* О некоторых вопросах обращения со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России: приказ МВД России от 9 нояб. 2018 г. N 755 // Там же.

\*\*\*\* См.: Рос. газ. 2010. 12 нояб.

мацией ограниченного распространения, отсутствует правовая регламентация использования современных информационно-телекоммуникационных сетей для передачи данных, основанная на детальном анализе их технических характери-

стик и возможных угроз информационной безопасности.

Представляется, что данный вопрос требует своей детальной проработки с учетом рекомендаций ФСБ России и ФСТЭК России.

Таблица 2

**Передача информации ограниченного распространения  
посредством информационно-телекоммуникационных сетей**

| N  | Федеральные органы исполнительной власти | Разрешение на передачу | Примечание  |
|----|--|------------------------|---|
| 1  | Минобороны России                        | Разрешается            | Только в системе электронного документооборота Минобороны России  |
| 2  | МВД России                               | Разрешается            | При условии наличия аттестата соответствия требованиям безопасности информации                                    |
| 3  | ФСТЭК России                             | Разрешается            | При условии наличия аттестата соответствия требованиям безопасности информации                                    |
| 4  | Росгвардия                               | Разрешается            | Только между структурными подразделениями Росгвардии и по сети передачи данных войск национальной гвардии         |
| 5  | ФССП России                              | Разрешается            | С использованием средств криптографической защиты класса не ниже КС1  |
| 6  | Минфин России                            | Разрешается            | Только в системе межведомственного электронного документооборота и при выполнении требований по защите информации |
| 7  | МЧС России                               | Разрешается            | Только в системе межведомственного электронного документооборота и при выполнении требований по защите информации |
| 8  | Минприроды России                        | Запрещается            |   |
| 9  | Минобрнауки России                       | Запрещается            |   |
| 10 | Минтранс России                          | Запрещается            |   |
| 11 | Росфинмониторинг                         | Запрещается            | По открытым каналам связи   |
| 12 | Росрезерв                                | Запрещается            |   |
| 13 | Россвязь                                 | Запрещается            |   |
| 14 | ГУСП                                     | Запрещается            |   |
| 15 | Минюст России                            | Не оговорено           |   |

**Список литературы**

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 20-е изд., доп. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
2. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 243 с.
3. Терещенко Л.К. К вопросу о правовом режиме информации // Информационное право. 2008. N 1. С. 20-27.

**References**

1. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1988. 750 p. (In Russ.).
2. Alekseev S.S. Theory of Law. Moscow, BEK Publ., 1995. 243 p. (In Russ.).
3. Tereshchenko L.K. To the question of the legal regime of information. Information law, 2008, no. 1, pp. 20-27. (In Russ.).

## Раздел 7. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

АНТОНОВ О.Ю., ANTONOV O.Yu.,  
доктор юридических наук, доцент, Doctor of Legal Sciences,  
antonov@udm.ru, associate professor, antonov@udm.ru  
Факультет подготовки криминалистов; Faculty of criminalists training;  
Московская академия Moscow Academy of the Investigative  
Следственного комитета Committee of the Russian Federation,  
Российской Федерации, Vrubel St. 12, Moscow, 125080,  
125080, г. Москва, ул. Врубеля, 12 Russian Federation

СЕБЯКИН А.Г., SEBYAKIN A.G.,  
quattro.sa@yandex.ru, quattro.sa@yandex.ru  
Экспертно-криминалистический отдел; Forensic division;  
Следственное управление Investigation Department  
Следственного комитета of the Investigative Committee  
Российской Федерации of the Russian Federation  
по Иркутской области, for the Irkutsk Region,  
664011, г. Иркутск, ул. Володарского, 11 Volodarsky St. 11, Irkutsk, 664011

### ТАКТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

**Аннотация.** В статье рассмотрены вопросы применения знаний в области компьютерной техники при решении тактических задач, обусловленных типичными следственными ситуациями. Авторами проанализированы информационные компоненты типичных следственных ситуаций, выделены основные цели тактического воздействия, предложены тактические комплексы применения знаний в области компьютерной техники. Сделан вывод о том, что в типичных следственных ситуациях при применении знаний в области компьютерной техники возможно выделение типовых тактических комплексов действий, использующих как различные формы специальных знаний, так и профессиональные знания правоприменителя. Данные комплексы могут конкретизироваться в зависимости от специфики расследования того или иного вида преступления.

**Ключевые слова:** типичная следственная ситуация; тактико-криминалистическая рекомендация; специальные знания; тактическое решение; цель тактического воздействия; тактический комплекс.

Для цитирования: Антонов О.Ю., Себякин А.Г. Тактические комплексы применения знаний в области компьютерной техники при расследовании преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 3 (53). С. 94-101.

### TACTICAL COMPLEXES OF APPLYING KNOWLEDGE IN THE FIELD OF COMPUTER TECHNOLOGY WHILE INVESTIGATING CRIMES

**Annotation.** The issues concerning the application of knowledge in the field of computer technology while solving tactical problems caused by typical investigative situations are analyzed in the article. The authors of the article analyzed the information components of typical investigative situations, identified the main objectives of tactical impact, and proposed tactical complexes for applying knowledge in the field of computer technology. It is concluded that, when applying knowledge in the field of computer technology in typical investigative situations, it is possible to identify typical tactical complexes of actions that involve both various forms of special knowledge and professional knowledge of the law enforcer. These complexes can be specified depending on the specifics of the investigation of a particular type of crime.

**Keywords:** typical investigative situation; tactical and forensic recommendation; special knowledge; tactical decision; purpose of tactical influence; tactical complex.

For citation: Antonov O.Yu., Sebyakin A.G. Tactical complexes of applying knowledge in the field of computer technology while investigating crimes // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 3 (53). P. 94-101.

Применение знаний в области компьютерной техники при расследовании преступлений можно отнести к одному из динамично развивающихся элементов различных отраслей юридической науки. Так, в УПК РФ в 2012 году были введены две поправки (п. 9.1 ст. 182 и п. 3.1 ст. 183), регулирующие изъятие электронных носителей при производстве обыска и выемки, которые, однако, просуществовали только 6 лет. Вместо указанных пунктов в декабре 2018 года введена отдельная статья 164.1 УПК РФ\*, призванная унифицировать вопросы изъятия электронных носителей при производстве следственных действий.

Однако традиционной «площадкой» обсуждения вопросов, связанных с извлечением из электронных носителей значимой для следствия информации, является криминалистическая отрасль юридической науки. Предложенная А.Ф. Волынским система криминалистического обеспечения расследования преступлений, наряду с иными структурными элементами, включает в себя технико-криминалистическое обеспечение и тактико-криминалистическое обеспечение [1, с. 21]. В научной литературе больше внимания традиционно уделяется технико-криминалистическим аспектам, в том числе проблемам применения специальных знаний [2, с. 335; 3]. Это вызвано внедрением большого количества новых средств и методов выявления криминалистически значимой информации. Данная статья имеет целью рассмотрение способов решения именно тактических задач применения знаний в области компьютерной техники, обусловленных типичными следственными ситуациями.

Выделение в типичной следственной ситуации тактических задач, для решения которых требуются знания в области компьютерной техники, приводит к возможности выбора и применения комплексов так-

тических действий, облеченных в форму тактико-криминалистических рекомендаций, состоящих из следующих элементов:

– комплексная оценка информационного компонента следственной ситуации, требующей использования знаний в области компьютерной техники;

– определение цели тактического воздействия посредством формулирования ряда задач;

– определение приоритета, последовательности тактических действий, прогнозирование развития следственной ситуации.

Каждый элемент тактической рекомендации должен обязательно обладать свойством типичности, иначе снижается эффективность самой тактической рекомендации. Рассматривая следственную ситуацию как «совокупность условий, в которых осуществляется расследование в конкретный момент времени» [4, с. 133], можно выделить следующие типичные ситуации, требующие использования знаний в области компьютерной техники:

1) имеется информация о месте совершения преступления, в котором потенциально может быть обнаружен электронно-цифровой носитель, содержащий криминалистически значимую информацию (офис, жилище, адрес, по которому осуществляется незаконная деятельность);

2) имеется информация о лице (лицах), причастном к совершению преступления, пользующемся компьютерными, информационно-телекоммуникационными устройствами;

3) имеется информация о наличии в персональных компьютерных устройствах потерпевшего электронно-цифровых следов;

4) имеется информация о наличии в персональных компьютерных устройствах подозреваемого (обвиняемого) электронно-цифровых следов.

Возможны различные комбинации приведенных следственных ситуаций (например, информация о лицах, причастных к совершению преступления, может сочетаться с информацией о месте совершения преступления) или переход из одной

\* О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 27 дек. 2018 г. N 533-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

следственной ситуации в другую (например, при наличии информации о лицах, причастных к совершению преступления, ожидаемой ситуацией будет являться существование информации о наличии в персональных устройствах подозреваемого (обвиняемого) электронно-цифровых следов). Каждая из указанных следственных ситуаций может конкретизироваться и детализироваться в зависимости от вида совершенного преступления.

При рассмотрении тактических задач, требующих применения знаний в области компьютерной техники, необходимо учитывать деление следственных ситуаций на конфликтные и бесконфликтные [5, с. 43]. Согласно определению, данному А.Р. Ратиновым, «бесконфликтная ситуация характеризуется полным или частичным совпадением интересов участников взаимодействия, отсутствием противоречий в целях, к достижению которых направлены их усилия на данном этапе расследования... Ситуации конфликтов различной длительности и остроты возникают тогда, когда между участниками процесса складываются отношения соперничества и противодействия» [6, с. 157].

Применительно к использованию знаний в области компьютерной техники бесконфликтная ситуация возникает при содействии следствию, выраженном в добровольном информировании о местонахождении электронных носителей, на которых содержится криминалистически значимая информация, их выдаче, сообщении аутентификационных данных. Противодействие же выражается в сокрытии указанной информации, а также в совершении попыток уничтожения криминалистически значимой информации, содержащейся на электронно-цифровом носителе.

Перечисленные типичные следственные ситуации (согласно Т.С. Волчецкой – ситуации познавательного типа) объединяют взаимосвязанные цели, для достижения которых необходимо применение знаний в области компьютерной техники. К основным целям следует отнести:

- 1) установление возможного носителя электронно-цифровых следов;
- 2) обнаружение на носителе электронно-цифровых следов, их изъятие и фиксацию;

3) анализ выявленных электронно-цифровых следов.

Как дополнительную цель использования знаний в области компьютерной техники можно выделить деятельность, направленную на преодоление противодействия расследованию, выражающееся в выявлении сокрытой криминалистически значимой информации на электронно-цифровом носителе и предотвращении попыток ее уничтожения.

С технической точки зрения в работе с электронно-цифровыми носителями А.В. Гончаров, например, выделяет следующие этапы:

1. Извлечение и копирование данных из электронно-цифрового носителя.
2. Преобразование (декодирование) полученной информации в вид, пригодный для дальнейшей обработки, анализа.
3. Анализ извлеченной информации [3, с. 187].

В данном случае необходимо отметить, что операции извлечения и преобразования (декодирования) информации в подавляющем большинстве случаев выполняются в едином технологическом цикле, поэтому с тактической точки зрения разделение указанных этапов, формирующих описанную выше вторую цель тактического воздействия, не имеет большого значения.

Что же касается анализа извлеченной информации, то, являясь этапом работы с электронно-цифровыми носителями, он может также рассматриваться и как цель тактического воздействия. Существует категория информации, наличие которой уже является для следователя криминалистически значимым фактом, например, информация, содержащаяся на сканированной копии экономического документа с необходимыми атрибутами (подписью, печатью). Другая категория информации, помимо ее обнаружения, требует анализа, сопоставления с уже имеющимися сведениями, дополнительного исследования. Соответственно, в зависимости от следственной ситуации, вида преступления анализ выявленных электронно-цифровых следов может выступать в качестве отдельной типичной цели тактического воздействия.

Достижение цели осуществляется посредством постановки соответствующих задач, решаемых путем проведения

тактических действий и их комплексов (комбинаций, операций). Т.С. Волчецкая в качестве основы подхода для разрешения следственных ситуаций познавательного типа выделяет комплексность, подразумеваемая под ней «единую систему следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, в которых имеет место взаимообусловленность, направленная на разрешение ситуации» [7, с. 44]. Таким образом, следственная ситуация разрешается посредством достижения целей тактического воздействия через постановку соответствующих задач, решаемых путем проведения тактических действий и их комплексов (комбинаций, операций).

Цель установления возможного носителя электронно-цифровых следов может быть достигнута путем решения двух задач — установления следов преступной деятельности и выявления следов присутствия конкретных лиц в определенном месте (точке) географического пространства.

Под следами преступной деятельности подразумеваются следы, свидетельствующие:

- об определенной активности лица в электронно-цифровом пространстве, совершении манипуляций с электронными вычислительными и (или) информационно-коммуникационными средствами, ведущих к достижению преступного умысла;
- о совершении физических действий, ведущих к достижению преступного умысла, запечатленных на электронно-цифровом носителе посредством электронно-оптических устройств (фотоаппаратов, видеокамер).

Абсолютное большинство следов преступной деятельности обнаруживается в трех категориях устройств:

- в служебных устройствах (устройства, предназначенные для выполнения определенных функций, обусловленных деятельностью лица);
- персональных устройствах (мобильные средства связи, домашние средства информационно-коммуникационной техники);
- различных системах видеофиксации (стационарных, мобильных, открытых, скрытых, внешних, внутренних).

Следы присутствия указывают на нахождение конкретного известного или

неустановленного лица в определенном месте без оценки его действий, вне привязки к реализации преступного умысла.

На следы нахождения конкретного лица в определенном месте могут указывать:

- детализации телефонных соединений средств мобильной радиосвязи с обозначением базовой станции, осуществившей сервис;
- упомянутые выше системы видеофиксации.

Обнаружение на носителе электронных следов, их изъятие и фиксация — обобщенная цель, которую необходимо конкретизировать в зависимости от вида преступлений и типичной следственной ситуации.

В качестве типовых задач для достижения указанной цели можно выделить:

- обнаружение пользовательских файлов — текстовых, мультимедийных (графические изображения, видео-, аудиозаписи и пр.), а также иных файлов, созданных пользователем посредством различных прикладных программ. Необходимо учитывать, что криминалистическую значимость может иметь не только непосредственное содержимое файла (так называемый контент), но и метаданные (сведения о различных признаках и свойствах контента). К таковым можно отнести даты создания (изменения, печати, удаления) файла, источник получения (создания) файла и пр.;

- обнаружение специализированного программного обеспечения — любого коммерческого и свободно распространяемого программного обеспечения, которое может служить инструментом для осуществления преступного замысла (например, платформа 1С — для автоматизации финансовой деятельности организации, программы дистанционного банковского обслуживания, подачи деклараций, программы для организации игровой деятельности, программы анонимизации интернет-трафика и пр.);

- определение активности пользователя в сети Интернет. Составными частями данной задачи являются: обнаружение факта посещения интернет-ресурсов (в том числе социальных сетей), фиксация даты и времени посещения, наличие аккаунтов, выявление пользования услугами интер-

нет-банкинга, переписка посредством электронной почты или интернет-мессенджеров. В качестве отдельной подзадачи необходимо выделить обнаружение, декодирование и фиксацию аутентификационных данных пользователя: логинов и паролей, сохраненных в файлах cookie интернет-обозревателей;

— получение детализаций телефонных соединений известных участников уголовного дела или информации о телефонных соединениях, совершенных в конкретной точке (точках) местности, от операторов мобильной радиосвязи. Кроме того, в данную задачу входит получение служебной информации о базовых станциях операторов мобильной радиосвязи, осуществляющих соединения: координаты, высота и угол подвеса, азимут, сектор обслуживания.

Объектом анализа выявленных электронно-цифровых следов как отдельной типичной цели тактического воздействия является уже зафиксированная информация. Исследованию может быть подвергнуто содержимое пользовательских файлов на предмет соответствия каким-либо критериям. Обобщенным критерием выступает относимость содержащейся информации к совершенному преступлению. В зависимости от вида преступления указанный критерий может быть уточнен и конкретизирован (например, отнесение видеозаписи или графического контента к порнографии, отнесение записи в базе данных к конкретной финансовой сделке, совпадение искомого контекста в конкретном документе и пр.).

Анализ активности пользователя в сети Интернет может дать следствию информацию о ранее не установленных потенциальных потерпевших и, соответственно, привести к возникновению дополнительных эпизодов в расследовании уголовного дела. Выявление тематических групп или сообществ в интернет-пространстве может привести к установлению лиц, занимающихся аналогичной противоправной деятельностью. Кроме того, результатом анализа сведений о телефонных соединениях участников уголовного судопроизводства может стать решение круга задач: определение возможного нахождения участника уголовного дела в кон-

кретное время в конкретном месте, оценка потенциальной возможности встречи двух (или более) участников уголовного дела, выявление иных участников, ранее не известных следствию, и пр.

Выявление электронно-цифровых следов преступной деятельности как тактической цели в рассматриваемых типичных следственных ситуациях требует совершения определенных тактических действий или их сочетаний (комбинаций, операций, комплексов). Соответственно, можно выделить универсальные (типичные) тактические комплексы, в основе которых лежит применение знаний в области компьютерной техники.

В случае развития исходной следственной ситуации в бесконфликтном русле при наличии информации о месте совершения преступного деяния представляется эффективным следующий тактический комплекс:

1) допрос участников уголовного дела с участием специалиста в области компьютерной техники. Присутствие на допросе указанного специалиста позволит выявить особенности образования электронно-цифровых следов в процессе осуществления преступной деятельности. В результате допроса достигается цель установления возможных носителей электронно-цифровых следов действий, получения аутентификационных данных: логинов, паролей от различных информационных ресурсов, в том числе облачных;

2) осмотр места происшествия с участием специалиста, присутствие которого может способствовать выявлению местонахождения электронных носителей электронно-цифровых следов действий и следов присутствия.

Далее исходная следственная ситуация развивается в ситуацию, в которой имеется информация о наличии в персональных устройствах потерпевшего или заподозренного лица электронно-цифровых следов. В этом случае необходим комплекс действий, в основе которого лежит осмотр электронно-цифровых носителей информации. С точки зрения выявления и фиксации электронно-цифровых следов данный этап является одним из важнейших и может осуществляться в рамках различных следственных действий с при-

менением различных форм специальных знаний;

3) осмотр электронных носителей в рамках осмотра места происшествия. Может осуществляться как с участием специалиста в области компьютерной техники, так и самостоятельно следователем, с использованием своих профессиональных знаний. Участие специалиста (или специалистов) на данном этапе позволит оценить степень риска (утраты следов), поможет принять решение о необходимости изъятия электронно-цифровых носителей (либо об отсутствии таковой). При осмотре подлежат решению задачи обнаружения пользовательских файлов, специализированного программного обеспечения, интернет-активности пользователей. В случае достижения позитивного результата (обнаружение искомых следов и их достаточность) изъятие электронно-цифрового носителя не является необходимым;

4) в случае негативного результата осмотра электронно-цифрового носителя следователем (невыявление следов) в рамках осмотра места происшествия лицо, осуществляющее следствие, может принять решение об изъятии указанного носителя для последующего исследования. Дальнейший осмотр может быть осуществлен в рамках осмотра предметов с участием специалиста. Участие специалиста на данном этапе повышает вероятность обнаружения искомых следов;

5) анализ выявленной информации по необходимым для дела критериям, в том числе для решения задачи выявления потенциальных потерпевших и лиц, занимающихся аналогичной противоправной деятельностью.

Если в рамках проведенного осмотра в соответствии с пунктами 3 и 4 не получена исчерпывающая информация, то следует выполнить следующие действия:

6) назначение компьютерно-технической экспертизы. Данное тактическое действие предусматривает совершенно иную форму применения специальных знаний — проведение судебной экспертизы. Необходимость назначения компьютерно-технической экспертизы обуславливается недостижением тактической цели в результате реализации ранее описанных частей тактического комплекса, хотя дан-

ный тезис и является спорным [8, с. 115]. Вообще, вопросы применения данной формы специальных знаний находятся в сфере научного интереса правового института судебной экспертизы и выходят за рамки проблем, рассматриваемых в настоящей статье.

Тем не менее с точки зрения тактики применения знаний в области компьютерной техники необходимо акцентировать внимание именно на месте судебной компьютерно-технической экспертизы в тактическом комплексе. Судебная компьютерно-техническая экспертиза не входит в перечень обязательных для назначения экспертиз, перечисленных в ст. 196 УПК РФ. Следовательно, назначение данной экспертизы в соответствии с ч. 1 ст. 195 УПК РФ происходит только в случае признания необходимости применения специальных знаний для решения тактической задачи. Для того чтобы оценить необходимость назначения судебной компьютерно-технической экспертизы, требуется реализация ранее описанных частей тактического комплекса, в которых свою положительную роль могут сыграть и профессиональные знания следователя. Потребность в назначении судебной компьютерно-технической экспертизы возникает только в случае, если тактическая цель не достигнута реализацией вышеуказанных этапов тактического комплекса.

В случае конфликтного развития следственной ситуации (противодействия) при наличии информации о месте совершения преступного деяния для достижения цели установления возможного носителя электронно-цифровых следов представляется более эффективным заменить допрос с участием специалиста следующим элементом тактического комплекса;

7) обыск с участием специалиста в области компьютерной техники. Планирование обыска с участием специалиста позволяет предусмотреть и осуществить блокирование возможности отключения сетевых соединений, совершения звонков и (или) операций с вычислительной техникой.

Следственная ситуация, характеризующаяся наличием информации о месте совершения преступления, часто требует решения таких тактических задач, как установление иных лиц, причастных к со-

вершению преступления, и возможного их местонахождения в момент совершения преступления, установление и анализ информационные связи участников уголовного дела (подозреваемых, потерпевших, свидетелей и пр.). В этом случае на практике находит подтверждение эффективность следующего тактического комплекса действий;

8) получение у операторов, оказывающих услуги сотовой связи, сведений о детализациях телефонных переговоров известных участников уголовного дела, а также сведений о месторасположении и направленности (азимуте) сервисных базовых станций;

9) оценка радиоэлектронной обстановки с участием специалиста в области компьютерной техники. Она обеспечивает получение информации о базовых станциях, осуществляющих сервис в конкретной географической или административной точке. Данное действие фиксируется в виде протокола осмотра местности или протокола осмотра места происшествия;

10) анализ полученных данных. В зависимости от задачи анализа он может быть осуществлен как самим следователем (с использованием профессиональных знаний), так и специалистом, в том числе с применением специализированных аппаратно-программных комплексов. В случае привлечения к анализу специалиста результат анализа, в зависимости от формы применения специальных знаний, может быть оформлен заключением специалиста либо заключением эксперта.

Любая следственная ситуация в отношении потерпевших чаще всего развивается бесконфликтно, поэтому в случае присутствия информации о наличии в персональных устройствах потерпевшего электронно-цифровых следов наиболее целесообразна последовательность действий, описанных в пп. 3-6. Соответственно, данную последовательность можно выделить как типовой тактический комплекс применения знаний в области компьютерной техники, который осуществляется в типичных следственных ситуациях, когда имеется информация о наличии электронно-цифровых следов на устройствах, эксплуатируемых потерпевшим или подозреваемым (обвиняемым, свидетелем).

В зависимости от степени конфликтности ситуации для выявления носителей электронно-цифровых следов возможно применение тактических действий, описанных в пп. 1 и 2 или в п. 7. Данные действия объединены в комплекс, применяемый в типичной следственной ситуации, когда имеется информация о месте совершения преступления.

Если получена информация о лице либо лицах, причастных к совершению преступления, а также оказывается противодействие расследованию, то применим типовой тактический комплекс, описанный в пп. 8-10.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о возможности выделения в типичных следственных ситуациях при применении знаний в области компьютерной техники типовых тактических комплексов действий, использующих как различные формы специальных знаний, так и профессиональные знания правоприменителя:

– в случае бесконфликтного развития следственной ситуации необходим допрос участников уголовного дела с участием специалиста в области компьютерной техники; осмотр места происшествия с участием специалиста;

– при наличии противодействия (конфликтное развитие следственной ситуации) предыдущий комплекс действий меняется на обыск с участием специалиста в области компьютерной техники (возможный вариант развития ситуации – одновременные обыски с участием специалистов в различных местах);

– в случае получения информации о наличии в персональных устройствах электронно-цифровых следов наиболее целесообразна такая последовательность действий: осмотр электронных носителей с возможным (необязательным) участием специалиста; анализ выявленной информации по необходимым для расследования критериям. Если в рамках проведенного осмотра не получена исчерпывающая информация, то необходимо изъятие электронно-цифровых носителей в рамках обыска или выемки и назначение по ним компьютерно-технической экспертизы;

– в следственной ситуации, когда имеется информация о лице либо лицах, причастных к совершению преступления, а

также оказывается противодействие расследованию, применим типовой тактический комплекс, состоящий из получения в порядке, установленном ст. 186.1 УПК РФ, у операторов сотовой связи сведений о детализациях телефонных переговоров известных участников уголовного дела, а также сведений о месторасположении и направленности базовых станций; оценки радиоэлектронной обстановки с участием специалиста в области компьютерной техники; анализа полученных данных. В зависимости от задачи анализа он может быть осуществлен как самим следователем, так и сведущим лицом (специалистом, экспертом).

Данные тактические комплексы могут быть конкретизированы в зависимости от специфики расследования того или иного вида преступления. Планирование конкретного тактического комплекса в конкретной следственной ситуации с участием специалиста в области компьютерной техники позволит как спрогнозировать развитие следственной ситуации в процессе реализации тактического комплекса, так и обозначить возможные «точки приложения» профессиональных знаний следователя и специальных знаний сведущего лица, тем самым определив форму их использования, а также рационально распределить имеющиеся ресурсы.

### Список литературы

1. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учеб. пособие. М.: Московский ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2016. 195 с.
2. Лавров В.П. Некоторые современные проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И.П. Можяевой. М.: Акад. управления МВД России, 2017. С. 331-336.
3. Гончаров А.В. Использование возможностей современных инновационных технологий при исследовании цифровых устройств мобильной связи и компьютерных носителей информации при расследовании преступлений // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития: материалы междунар. науч.-практ. конф. М.: Московская акад. СК России, 2019. С. 186-201.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. 538 с.
5. Драпкин Л.Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // Следственные ситуации и раскрытие преступлений: науч. тр. Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1975. Вып. 41. С. 26-44.
6. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2008. 350 с.
7. Волчецкая Т.С. Ситуационный подход в практической и исследовательской криминалистической деятельности: учеб. пособие. Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 1999. 74 с.
8. Россинская Е.Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. N 3-2. С. 109-117.

### References

1. Volynsky A.F. Forensic support for the disclosure and investigation of crimes. Moscow, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya, 2016, 195 p. (In Russ.).
2. Lavrov V.P. Some modern problems of forensic support for the investigation of crimes. Optimization of the activities of the bodies of preliminary investigation and inquiry: legal, managerial and forensic problems. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. Pp. 331-336. (In Russ.).
3. Goncharov A.V. Using the capabilities of modern innovative technologies in the study of digital mobile communication devices and computer storage media in the investigation of crimes. Criminalistics – the past, present, future: achievement and development prospects. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2019. Pp. 186-201. (In Russ.).
4. Belkin R.S. Forensic course. In 3 volumes. Vol. 3. Forensic tools, techniques and recommendations. Moscow, Yurist Publ., 1997. 538 p. (In Russ.).
5. Drapkin L.Ya. Concept and classification of investigative situations. Investigative situations and crime detection. Sverdlovsk, Sverdlovsk Law Institute, 1975. Issue 41. Pp. 26-44. (In Russ.).
6. Ratinov A.R. Forensic psychology for investigators. Moscow, Jurlitinform Publ., 2008. 350 p. (In Russ.).
7. Volchetskaya T.S. A situational approach in practical and research forensic activity. Kaliningrad, Kaliningrad University Publishing House, 1999. 74 p. (In Russ.).
8. Rossinskaya E.R. On the question of the private theory of information and computer support of criminalistic activity. Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences, 2016, no. 3-2, pp. 109-117. (In Russ.).

СОБОЛЕВСКАЯ С.И., кандидат юридических наук, доцент, svetik2000@pisem.net  
Кафедра организации расследования преступлений и судебных экспертиз; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

SOBOLEVSKAYA S.I., Candidate of Legal Sciences, associate professor, svetik2000@pisem.net  
Chair of crime detection and forensics; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

### СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В КРИМИНАЛИСТИКЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

**Аннотация.** Одной из основных задач правоохранительных органов является качественное расследование преступлений. Значимая роль в решении данной задачи отводится криминалистике, ее методам и средствам. Процесс прогнозирования способен оказывать влияние на качество раскрытия преступлений. В настоящей статье представлены общие положения учения о криминалистическом прогнозировании, раскрыты особенности и значение стратегического прогнозирования, определены его основные источники. Формулируются базовые положения, которые определяют перспективные направления развития стратегического прогнозирования в рамках частной криминалистической теории – учения о криминалистическом прогнозировании, с целью разработки новых или совершенствования имеющихся методик расследования преступлений с учетом тенденций, проявляющихся в их динамике и структуре, а также видах.

**Ключевые слова:** криминалистика; предмет криминалистики; учение о криминалистическом прогнозировании; стратегическое прогнозирование; раскрытие преступлений; расследование преступлений; методика расследования преступлений.

Для цитирования: Соболевская С.И. Стратегическое прогнозирование в криминалистике: современное состояние и тенденции развития // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 3 (53). С. 102-109.

### STRATEGIC FORECASTING IN CRIMINALISTICS: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT TRENDS

**Annotation.** One of the main tasks facing law enforcement agencies is the high-quality investigation of crimes. A significant role in solving this problem belongs to forensic science, its methods and techniques. The forecasting process can influence the quality of crime detection. The general provisions of the doctrine of forensic forecasting are presented in this article, the peculiarities and significance of strategic forecasting are revealed and its main sources are identified. With the aim of developing the new methods of investigating crimes or improving the existing ones, taking into account the trends of their dynamics and structure, as well as their types, the basic provisions that determine the promising directions for the development of strategic forecasting within the framework of private forensic theory – the doctrine of forensic forecasting, are formulated.

**Keywords:** criminalistics; subject of criminalistics; doctrine of forensic forecasting; strategic forecasting; detection of crimes; investigation of crimes; crimes investigation methods.

For citation: Sobolevskaya S.I. Strategic forecasting in criminalistics: current state and development trends // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 3 (53). P. 102-109.

На протяжении всего периода становления и развития науки криминалистики ученые-криминалисты не оставляют без внимания ее предмет. С определенной периодичностью в научной среде отдельны-

ми исследователями предлагается внести изменения в содержание предмета криминалистики либо дополнить его.

В исследованиях последних лет предмет криминалистики также интерпрети-

руется по-разному. Например, В.И. Еремченко считает, что «...в предмет изучения криминалистики также должно входить рассмотрение вопросов и самого процесса систематизации полученных в ходе расследования преступления доказательств» [1, с. 238]. Интересна позиция М.И. Саулова, который под предметом криминалистики понимает как «...сущность объективных связей, так и сущность события преступления, сущность следов преступления, сущность расследования, раскрытия, предупреждения преступлений» [2, с. 33]. По мнению Г.М. Меретукова, «предметом криминалистики являются: изучение закономерностей возникновения следов при совершении преступления; изучение механизма преступлений, информация о нем; закономерности собирания, исследования, анализа и использования доказательств в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [3, с. 638].

Однако, несмотря на новые, различные по своему содержанию суждения о ее предмете, неизменным и в настоящее время остается концептуальное положение о том, что криминалистика — «наука о закономерностях». Впервые в криминалистике о «закономерностях» было сказано в 1967 году. Такие известные ученые-криминалисты, как Р.С. Белкин и Ю.И. Краснобаев, предметом советской криминалистики назвали «...закономерности возникновения судебных доказательств и закономерности их обнаружения, исследования, оценки и использования» [4, с. 94].

Впоследствии на различных уровнях состоялся ряд научных дискуссий, которые в основном имели отношение к определению содержания предмета криминалистики. Данные дискуссии позволили отдельным ведущим представителям отечественной криминалистики окончательно сформулировать ее предмет. Согласно их трактовке криминалистика — это «...наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методах и средствах судебного исследования и предотвращения преступлений» [5, с. 43].

В дальнейшем научной общественностью, представленной ведущими отечественными и зарубежными учеными-криминалистами, предложенный Р.С. Белкиным подход к предмету криминалистики был признан в качестве основополагающего. В связи с этим другие ученые при определении содержания предмета криминалистики в той или иной интерпретации указывали на основные компоненты принятого подхода.

Исходя из этого целесообразно процитировать наиболее емкие трактовки содержания предмета криминалистики как науки о закономерностях, данные ведущими отечественными исследователями, которые достаточно убедительно приводят в обоснование изложенную позицию. Например, Н.П. Яблоков и В.Я. Колдин отмечают, что «криминалистика — наука, исследующая закономерности преступных деяний, механизм их отражения в источниках информации, особенности деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению всех видов преступлений и разрабатывающая на этой основе и использовании данных юридических и других наук средства и методы указанной деятельности с целью обеспечения надлежащего применения процессуально-материальных правовых норм» [6, с. 27].

Аналогичную позицию занимает Е.П. Ищенко, характеризующий предмет криминалистики как науку, «...которая исследует закономерности преступного поведения и преступной деятельности, механизм их отражения в источниках информации, а также особенности деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений...» разрабатывает на этой основе с использованием данных других наук «...средства и методы раскрытия, расследования, предупреждения преступлений с целью надлежащего применения материальных и процессуальных правовых норм» [7, с. 32-33].

По мнению Р.С. Белкиной, «включение в предмет криминалистики закономерностей, которые управляют процессом разработки, совершенствования средств и приемов расследования и предотвращения преступлений, а также устанавливают тенденции их развития в будущем, открывает широкое поле деятельности для разработ-

ки подлинно научной теории криминалистического прогнозирования, которая может иметь чрезвычайно важное значение для практики борьбы с преступностью» [8, с. 121].

Изложенное выше позволяет констатировать: введение в содержание предмета криминалистики концептуального положения о том, что это «наука о закономерностях», явилось началом формирования специфических, качественно новых знаний в рамках отдельной частной научной теории криминалистики — теории криминалистического прогнозирования.

В связи с этим В.В. Бирюков верно, на наш взгляд, отмечает, что «криминалистическое прогнозирование является важным научным инструментом формирования и совершенствования теории криминалистики, а также методов, методик и технологий практики расследования» [9, с. 19]. Более того, данные знания в целом способствуют повышению эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений с учетом современных условий в настоящее время, продолжают способствовать ей в ближайшей перспективе и в отдаленном будущем.

Формирование качественно новых знаний в рамках теории криминалистического прогнозирования позволяет утверждать, что посредством криминалистики как науки реализуются потребности общества и государства в научно обоснованных специальных приемах, средствах и методах. Данные научно обоснованные специфические инструменты криминалистики направлены на собирание, исследование, оценку и использование доказательств в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, в первую очередь с целью раскрытия преступлений и их предварительного расследования, а также при рассмотрении уголовных дел в ходе судебного следствия.

При этом с первых дней существования криминалистики удовлетворение указанных потребностей стало ее непосредственной служебной функцией. На наш взгляд, она является главной функцией отечественной криминалистики. Кроме того, это сделало возможным уже в ближайшей перспективе определение основных специфических закономерностей развития науки крими-

налистики. В связи с этим в частной научной теории криминалистики — теории криминалистического прогнозирования — принято выделять тактическое и стратегическое прогнозирование.

Результаты тактического и стратегического прогнозирования в криминалистике лежат в основе прогностической деятельности субъектов раскрытия и расследования, которая обладает специфическими особенностями, свойственными только ей. Данные особенности заключаются в разработке высокоэффективных специальных приемов, средств и методов собирания, исследования, оценки и использования доказательств для решения задач по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений, а также при рассмотрении уголовных дел в судах.

Одним из ведущих ученых-криминалистов Ю.Г. Коруховым под тактическим прогнозированием понимается «...деятельность, которая свойственна для повседневной и повсеместной практики раскрытия и расследования преступлений» [10, с. 98]. Относительно стратегического прогнозирования в криминалистике указанный автор отмечает, что оно «...касается изменений в формах, методах, средствах и способах в целом борьбы с преступностью с учетом тенденций, проявляющихся в динамике и структуре, что обуславливает прогнозируемую необходимость разработки новых или совершенствования имеющихся методик их расследования» [10, с. 98].

Исходя из содержания обозначенных видов криминалистического прогнозирования, следует констатировать, что нельзя отдавать предпочтение какому-либо одному из них. Каждый вид криминалистического прогнозирования содержит в себе фундаментальный арсенал криминалистических приемов, средств и методов, непосредственно обеспечивающих в рамках уголовного судопроизводства деятельность не только по раскрытию и расследованию преступлений, но и по установлению объективной истины по уголовным делам в суде. Однако в связи с тем, что именно частная криминалистическая методика расследования конкретного преступления либо отдельных видов (групп) преступлений аккумулирует в себе все специфические знания из других разделов

криминалистики, в рамках данного исследования внимание в дальнейшем будет уделено непосредственно стратегическому прогнозированию.

Стратегическое прогнозирование как вид криминалистического прогнозирования является перспективным направлением развития частной теории криминалистики — теории прогнозирования. В связи с этим необходимо в первую очередь определить основные источники стратегического прогнозирования.

Для этого следует прежде всего определить, что включают в себя исходные данные (источники) для криминалистического прогнозирования. На наш взгляд, они представляют собой информационную основу, которая должна отвечать требованиям объективности, полноты и достоверности, поступать оперативно и основываться на современных достижениях науки и передовом опыте правоприменительной практики раскрытия и расследования преступлений. В то же время они отличаются по оперативности поступления, степени полноты и достоверности информации, по принадлежности к различным отраслям науки и практики.

При этом в целом в качестве исходных данных для криминалистического прогнозирования, которые являются неоднородными по своему составу, Р.С. Белкиным были выделены следующие:

1) научные данные, то есть результаты различных научных исследований, которые могут использоваться при проведении анализа (положения общей теории криминалистики и различных частных криминалистических теорий, а также смежных с криминалистикой наук (уголовного права, уголовно-процессуального права, психологии и т.д.) и наук, знания которых ею заимствованы; криминологические прогнозы);

2) официальные статистические данные (сведения о состоянии преступности и раскрываемости, а также о состоянии научного и методического обеспечения раскрытия и расследования отдельных видов и групп преступлений);

3) данные правоприменительной практики о раскрытии и расследовании преступлений (информация о новых элементах механизма преступлений и иные

характеризующие их сведения, а также результаты судебного рассмотрения) [8, с. 125-126].

Согласно мнению Р.С. Белкина, представленный перечень исходных данных для криминалистического прогнозирования является примерным. Таким образом, он не является законченным и, соответственно, претендующим на исключительность научной обоснованности.

Отдельными авторами также были выделены конкретные исходные данные для криминалистического прогнозирования. При этом следует отметить, что по своему содержанию они практически не отличаются от предложенных Р.С. Белкиным.

На наш взгляд, целесообразно выделить следующие отличительные признаки, по которым различными авторами в научных исследованиях представлены исходные данные для криминалистического прогнозирования:

1) форма, в которой представлены отличительные признаки;

2) отдельные особенности толкования некоторых элементов.

В качестве примера приведем следующий перечень исходных данных для криминалистического прогнозирования, сформулированных Н.П. Яблоковым:

1) статистические и иные фактические и оценочные сведения о состоянии преступности;

2) положения общей теории криминалистики;

3) положения науки о законах и способах разработки прогнозов — «прогностики» (результаты различных видов прогнозов);

4) результаты изучения правоприменительной практики раскрытия и расследования различных видов преступлений [11, с. 63].

Приведенные выше данные, которые являются главным образом исходными для криминалистического прогнозирования, предоставляют максимальную возможность для выделения в качестве основных следующих источников стратегического прогнозирования как вида криминалистического прогнозирования:

1) статистические данные о состоянии преступности. В качестве официальных источников следует отметить сведения о состоянии преступности и ее раскрываемо-

сти, публикуемые: Главным информационно-аналитическим центром МВД России, территориальными и линейными органами МВД России\*, а также Главным управлением правовой статистики и информационных технологий, территориальными и линейными органами Генеральной прокуратуры Российской Федерации\*\*;

2) различные материалы по результатам криминологических прогнозов, а также сведения иных наук, используемые в криминалистике\*\*\*.

Однако данный подход не будет в полной мере оптимальным в обеспечении деятельности, направленной непосредственно на повышение результативности раскрытия преступлений и их расследования с учетом конкретных тенденций, проявляющихся в их динамике и структуре, а также видах по результатам прогностической деятельности.

С этой целью учеными-криминалистами должны прилагаться все необходимые усилия по исполнению нормативных правовых актов, составляющих правовую основу охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Кроме того, следует отметить, что данные нормативные правовые акты составляют правовую основу криминалистики. В них закреплены координационные и стратегические задачи борьбы с преступностью, обязательные для выполнения правоохранительными органами, и в первую очередь органами внутренних дел.

\* См., например: Состояние преступности в России – январь – декабрь 2018/2019 гг. // МВД России: официальный сайт. URL: <http://мвд.рф>

\*\* См., например: Состояние преступности в России – январь – декабрь 2018/19 гг. // Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт: URL: <http://genproc.gov.ru>

\*\*\* Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю.М. Антонян, Д.А. Бражников, М.В. Гончарова [и др.]. М.: ВНИИ МВД России, 2018. 86 с.; Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2018 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор / М.В. Гончарова, В.И. Шиян, Л.М. Шураева [и др.]. М.: ВНИИ МВД России, 2019. 56 с. и др.

В связи с этим в качестве главных источников стратегического прогнозирования в криминалистике необходимо выделить следующие:

1) нормативные правовые акты международного уровня (международные договоры, общепризнанные принципы и нормы международного права). В целом нормы международного права как самостоятельные правовые источники криминалистики выделялись и другими учеными-криминалистами. Так, А.С. Подшибякин верно пишет: «...многие международные договоры тем или иным образом содержат положения, имеющие прямое отношение к криминалистике и несколько по-иному трактующие нормы нашего законодательства, что помогает усовершенствовать отдельные положения криминалистики» [12, с. 41].

Следует отметить, что ООН на постоянной основе занимается разработкой различных программ по борьбе с преступностью в целом, а также с отдельными ее видами\*\*\*\*. В них представлены планы и меры, которые направлены главным образом на предотвращение конкретных видов и групп преступлений [13, с. 231]. Основной целью данных документов является действенная и своевременная помощь в удовлетворении потребностей международного сообщества в области уголовного правосудия и предупреждения преступности, а также содействие странам в решении проблем борьбы с национальной и транснациональной преступностью.

Однако в настоящее время отечественными учеными-криминалистами данному аспекту не уделяется должного внимания. Имеется лишь несколько исследований посвященных, ему [14; 15]. Кроме

\*\*\*\* См., например: Создание эффективной программы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия (Вместе с «Декларацией принципов...») (принята в г. Нью-Йорке 18 декабря 1991 г. на 77-ом пленарном заседании 46-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН); резолюция N 46/152 Генеральной Ассамблеи ООН; Глобальная контртеррористическая стратегия ООН (принята 8 сентября 2006 г.): резолюция 60/288 Генеральной Ассамблеи ООН // ООН: официальный сайт. URL: <https://www.un.org/ru>; и др.

того, в Российской Федерации отсутствует методология исследования особенностей опыта раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в зарубежных государствах, как сформированная частная теория науки криминалистики. При этом преступности присуще свойство трансграничности. Соответственно, криминалистика должна в первую очередь обеспечивать раскрытие и расследование данных преступлений;

2) нормативные правовые акты, разрабатываемые и принимаемые в Российской Федерации, прежде всего предполагающие долгосрочную реализацию, а также нацеленные на ближайшую перспективу. Как правило, такие нормативные правовые акты в своих названиях содержат ключевые термины «концепция» и «стратегия». В качестве основных следует выделить утвержденную Президентом Российской Федерации в 2013 году Концепцию общественной безопасности в Российской Федерации\* и в 2015 году Стратегию национальной безопасности Российской Федерации\*\*. Кроме того, к подобным документам следует отнести принятую Правительством Российской Федерации в 2014 году Государственную программу Российской Федерации, направленную на обеспечение деятельности по охране общественного порядка и противодействию преступности\*\*\*, а также Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. N 204, который регламентирует концептуальные национальные цели и стратегические задачи разви-

\* Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 14 нояб. 2013 г. N Пр-2685). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

\*\* Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 дек. 2015 г. N 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 1 (ч. II). Ст. 212.

\*\*\* Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апр. 2014 г. N 345 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 18 (ч. IV). Ст. 2188.

тия Российской Федерации на период до 2024 года\*\*\*\*.

При этом проведенный анализ научной и специальной литературы, а также нормативных правовых актов различных правоохранительных органов позволяет констатировать, что в настоящее время отсутствуют какие-либо документы, определяющие необходимость разработки конкретных частных криминалистических методик раскрытия и расследования отдельных видов и групп преступлений, комплексно и централизованно направленных на обеспечение государственной и общественной безопасности, угрозы которой, например, четко определены в п. 43 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и в других документах.

С учетом вышеизложенного необходимо отметить следующее. В настоящее время перед отечественными учеными-криминалистами в качестве одной из первоочередных должна быть поставлена задача научного осмысления организации разработки и внедрения методологических основ, направленных главным образом на совершенствование отдельных аспектов стратегического прогнозирования в рамках частной теории криминалистического прогнозирования.

В связи с этим необходимо отметить, что методологическая база должна быть направлена на исполнение вышеперечисленных нормативных правовых актов, составляющих правовую основу охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, как в настоящее время, так и в будущем. Разработка и внедрение данной методологии является перспективным направлением совершенствования деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Основные положения построения такой методологии должны учитывать непосредственно основополагающие тенденции, которые находят свое выражение в динамике и структуре преступлений, а также в их видах. Кроме того, это будет в достаточной степени

\*\*\*\* О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. N 204 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. N 20. Ст. 2817.

обоснованным аргументом необходимости разработки и внедрения новых или совершенствования имеющихся методик расследования отдельных видов и групп преступлений, в основе которых должны лежать в первую очередь объективные результаты стратегического прогноза как вида криминалистического прогнозирования.

Таким образом, в заключение считаем необходимым сформулировать следующие выводы, которые определяют перспективные направления развития стратегического прогнозирования в рамках частной криминалистической теории – учения о криминалистическом прогнозировании.

Во-первых, имеющиеся исходные данные для стратегического прогнозирования как вида криминалистического про-

гнозирования не в полной мере позволяют обеспечивать деятельность, направленную на повышение эффективности раскрытия и расследования преступлений. С этой целью учеными-криминалистами должны прилагаться все необходимые усилия по исполнению нормативных правовых актов, составляющих правовую основу охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Во-вторых, стратегическое прогнозирование как вид криминалистического прогнозирования обуславливает актуальность потребности в научном осмыслении организации разработки и внедрения методологических основ, направленных на исполнение указанных нормативных правовых актов.

### Список литературы

1. Еремченко В.И. К вопросу о предмете криминалистики // Общество и право. 2014. N 4 (50). С. 236-238.
2. Саулов М.И. К вопросу о предмете криминалистики // Бюллетень инновационных технологий. 2017. N 1 (3). С. 31-33.
3. Меретуков Г.М. Еще раз об объекте и предмете криминалистики // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. N 96. С. 633-652. URL: <http://ej.kubagro.ru> (дата обращения: 1 июля 2020 г.).
4. Белкин Р.С., Краснобаев Ю.И. О предмете советской криминалистики // Правоведение. 1967. N 4. С. 90-94.
5. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; под ред. Р.С. Белкина. М.: НОРМА (НОРМА-ИНФРА М), 2001. 990 с.
6. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. 781 с.
7. Криминалистика: учебник для вузов / под общ. ред. Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппова. М., 2007. 743 с.
8. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2. М.: Юрист, 1997. 464 с.
9. Бирюков В.В. Криминалистическое прогнозирование, его значение в криминалистике и практике расследования преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. N 1 (43). С. 17-22.
10. Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 943 с.
11. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. 718 с.
12. Подшибякин А.С. Правовые основы криминалистики // Союз криминалистов и криминологов. 2013. N 2. С. 40-45.
13. Хижняк Д.С. Криминалистическая стратегия расследования преступлений и борьбы с ними // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. N 2 (109). С. 229-234.
14. Никитина И.Э. Сотрудничество европейских государств в сфере экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности в рамках интеграционных и межправительственных объединений: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2017. 390 с.
15. Феоктистова Е.Е. Международное сотрудничество органов предварительного расследования по уголовным делам: процессуально-правовые и криминалистические аспекты: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2010. 98 с.

### References

1. Eremchenko V.I. On the subject of forensics. Society and Law, 2014, no. 4 (50), pp. 236-238. (In Russ.).
2. Saulov M.I. On the subject of forensics. Bulletin of innovative technologies, 2017, no. 1 (3), pp. 31-33. (In Russ.).
3. Meretukov G.M. Once again about the object and subject of forensics. Political mathematical electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University, 2014, no. 96, pp. 633-652. Available at: <http://ej.kubagro.ru> (Accessed July 1, 2020). (In Russ.).

4. Belkin R.S., Krasnobaev Yu.I. On the subject of Soviet forensics. Jurisprudence, 1967, no. 4, pp. 90-94. (In Russ.).
5. Aver'yanova T.V., Belkin R.S., Koruhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Forensics. Moscow, NORMA Publ., 2001. 990 p. (In Russ.).
6. Forensics. Executive editor N.P. Yablokov. Moscow, 2005. 781 p. (In Russ.).
7. Forensics. Edited by E.P. Ishchenko, A.G. Filippov. Moscow, 2007. 743 p. (In Russ.).
8. Belkin R.S. Forensics course. In 3 volumes. Vol. 2. Moscow, Yurist Publ., 1997. 464 p. (In Russ.).
9. Biryukov V.V. Forensic forecasting, its importance in forensic science and crime investigation practice. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2018, no. 1 (43), pp. 17-22. (In Russ.).
10. Forensics. Edited by A.F. Volynsky, V.P. Lavrov. Moscow, UNITY-DANA Publ., 2015. 943 p. (In Russ.).
11. Forensics. Responsible editor N.P. Yablokov. Moscow, Yurist" Publ., 2001. 718 p. (In Russ.).
12. Podshibyakin A.S. Legal bases of criminalistics. Union of Criminalists and Criminologists, 2013, no. 2, pp. 40-45. (In Russ.).
13. Khizhnyak D.S. The forensic strategy for investigating and combating crimes. Bulletin of the Saratov State Law Academy, 2016, no. 2 (109), pp. 229-234. (In Russ.).
14. Nikitina I.E. Cooperation of European States in the field of forensic and operational investigative activities within the framework of integration and intergovernmental associations. Doct. Diss.: 12.00.09. Moscow, 2017. 390 p. (In Russ.).
15. Feoktistova E.E. International cooperation of bodies of preliminary investigation in criminal cases: procedural-legal and criminalistic aspects. Moscow, 2010. 98 p. (In Russ.).

БАХТЕЕВ Д.В.,  
кандидат юридических наук, доцент,  
dmitry.bakhteev@gmail.com  
Кафедра криминалистики;  
Уральский государственный  
юридический университет,  
620137, г. Екатеринбург,  
ул. Комсомольская, 21

BAKHTEEV D.V.,  
Candidate of Legal Sciences,  
associate professor,  
dmitry.bakhteev@gmail.com  
Chair of criminalistics;  
Ural State Law University,  
Komsomolskaya St. 21,  
Yekaterinburg, 620137,  
Russian Federation

ЛЕДНЁВ И.В.,  
ilialednev@gmail.com  
Кафедра криминалистики;  
Уральский государственный  
юридический университет,  
620137, г. Екатеринбург,  
ул. Комсомольская, 21

LEDNEV I.V.,  
ilialednev@gmail.com  
Chair of criminalistics;  
Ural State Law University,  
Komsomolskaya St. 21,  
Yekaterinburg, 620137,  
Russian Federation

### ПОНЯТИЕ И СВОЙСТВА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ И ПОВЕДЕНИЯ НЕИЗВЕСТНОГО ПРЕСТУПНИКА\*

**Аннотация.** В статье анализируются подходы к определению понятия и предмета частного криминалистического метода – профилирования неизвестного преступника, проводится разграничение понятий «криминалистический профиль» и «психологический портрет». Профиль предполагает не только вероятное конструирование личностных качеств неизвестного преступника, но и моделирование его настоящего и будущего поведения, в том числе перемещения на местности. Подчеркивается, что в криминалистический профиль, помимо психологических аспектов, включаются социальноэкономические, логистические, географические и иные параметры. Авторами статьи рассмотрены основные признаки криминалистического профилирования: мультидисциплинарность используемого инструментария, практическая ориентированность, глубокая статистическая база, возможность как мысленного профилирования, так и использования специализированных программных комплексов. Обосновывается возможность совершенствования метода криминалистического профилирования с использованием систем искусственного интеллекта на основе машинного обучения.

**Ключевые слова:** криминалистическое профилирование; географическое профилирование; искусственный интеллект; криминалистический профайлинг; психологический портрет; моделирование личности; криминалистическая характеристика.

Для цитирования: Бахтеев Д.В., Леднёв И.В. Понятие и свойства криминалистического профилирования личности и поведения неизвестного преступника // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 3 (53). С. 110-118.

### THE CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF FORENSIC PROFILING OF THE PERSONALITY AND BEHAVIOR OF AN UNKNOWN OFFENDER\*\*

**Annotation.** The approaches to defining the concept and subject of a private forensic method – an unknown offender profiling, are analyzed in the article. The authors differentiate the terms “criminal profiling” and “psychological portrait”. The profile is not only a psychological sketch of an unknown offender and involves constructing his (or her) personal qualities, it may also be used to predict an offender’s present and future behavior and actions, including his (or her) location and moving. It is

\* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект 18-29-16001 «Комплексное исследование правовых, криминалистических и этических аспектов, связанных с разработкой и функционированием систем искусственного интеллекта».

\*\* The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 18-29-16001 “Comprehensive study of legal, forensic and ethical aspects related to the development and operation of artificial intelligence systems”.

emphasized that the forensic profiling, in addition to psychological aspects, includes social and economic, logistical, geographical and other aspects. The authors of the article consider the main characteristics of forensic profiling: the multidisciplinary of the tools used, practical orientation, profound statistical data, the possibility of profiling carried out by a forensic psychologist (by human mind) and the use of specialized software systems. The possibility of improving the method of forensic profiling by using artificial intelligence systems based on machine learning is substantiated.

**Keywords:** forensic profiling; geographic profiling; artificial intelligence; criminal profiling; psychological portrait; personality modeling; forensic characteristics.

For citation: Bakhteev D.V., Lednev I.V. The concept and characteristics of forensic profiling of the personality and behavior of an unknown offender // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 3 (53). P. 110-118.

Значительная часть криминалистического знания ориентирована на работу с так называемым известным неизвестным, то есть информацией, существование которой для следователя очевидно, однако ее качественно-количественное наполнение неполно или вообще отсутствует. Если требуемая информация касается личности неизвестного преступника, (например, при расследовании серийных преступлений или нераскрытых преступлений прошлых лет), то относительно эффективным средством установления такой личности является метод криминалистического профилирования. Для эффективного использования этого метода требуется его детальное изучение с помощью аппарата криминалистической науки. Этому и посвящена настоящая статья. Разработка единой терминологии является отправной точкой для создания научных и методических основ применения данного метода, который предоставит сотрудникам правоохранительных органов эффективное средство установления личности преступника при раскрытии и расследовании сложных, многоэпизодных преступлений, совершенных в условиях неочевидности. Следующим же шагом становится конкретизация наполнения содержания криминалистического профиля неустановленного преступника.

Следует отметить, что в зарубежных странах используются различные термины, например, "criminal profiling" (криминалистическое профилирование), "offender profiling" (профилирование преступника), "criminal personality profiling" (профилирование личности преступника), "applied criminology" (прикладная криминология), "crime scene analysis" (анализ места преступления), "criminal behavioral analysis"

(криминалистический поведенческий анализ), "investigative criminology" (следственная криминология) [1, p. 38-39] и т.п.

По мнению криминалиста Б. Турви (США), под криминалистическим профилированием следует понимать «процесс выявления отличительных личностных черт лица, совершившего преступление» [2, p. 212]. Другой криминалист из США, В. Геберт, полагает, что «профилирование личности преступника – научно обоснованное предположение, адресованное следственным органам и содержащее специфические сведения о лице, которое совершило конкретное преступление» [3, p. 774]. Криминалист П. Айнсвот (Нидерланды) определяет профилирование как «процесс использования всей доступной информации о преступлении, месте преступления, жертве для составления профиля неизвестного (пока) преступника» [4, p. 7].

Единообразие в вопросах определения понятия отсутствует и в отечественной криминалистике. Например, С.Н. Богомолова и В.А. Образцов используют термин «метод психологического портрета» [5, с. 140]. При этом, говоря о конечном результате использования такого метода, В.А. Образцов использует понятия «психологический портрет преступника» и «психологический профиль преступника» как синонимы [6, с. 104]. В свою очередь, Г.Н. Мухин, О.Г. Каразей, Д.В. Исютин-Федотов используют термин «уголовное профилирование» [7, с. 7].

Л.Я. Драпкин с соавторами применяют термин «криминалистический портрет» [8]. Е.И. Фойгель вводит термин «поисково-криминалистический профиль неизвестного преступника» [9]. Л.А. Бегунова пишет о построении психолого-криминалистического портрета преступника

[10, с. 76]. Аналогичного мнения придерживаются Л.М. Исаева, В.В. Нестерова и О.И. Прокофьев [11, с. 91].

Такое терминологическое разнообразие вызвано отсутствием устойчивого представления о месте и значении рассматриваемой концепции в системе научного знания, о том, какие сведения должны содержаться в профиле преступника. Однако указанные определения не в полной мере отражают сущность и специфику профилирования, поскольку концентрируются на одном аспекте в ущерб всем прочим либо используют не совсем корректную терминологию.

По нашему мнению, в данном случае необходимо использовать именно термин «криминалистическое профилирование». Это объясняется рядом факторов.

Профиль преступника, помимо психологических параметров его личности, включает в себя расширенный комплекс свойств и признаков, способствующих установлению личности неизвестного преступника. С точки зрения Дж. Дугласа и его соавторов, с помощью профилирования могут быть определены демографические, физиологические характеристики преступника, его привычки, поведение до и после преступления, на основании этого могут быть сформулированы рекомендации по проведению расследования [12, р. 137]. Согласно В. Геберту, посредством профилирования можно определить 22 различные характеристики преступника, такие как пол, возраст, семейное положение, уровень интеллекта, образования, образ жизни, внешний вид, социоэкономический статус, мотив, наличие судимости, сексуальных и психических расстройств, место жительства и др. [3, р. 780-781].

Г.Н. Мухин с соавторами считают, что профилирование позволяет сделать вывод о поле, возрасте, анатомических признаках, профессиональных навыках, времени, месте совершения преступления, психофизиологических и иных отличительных свойствах личности преступника и его посткриминального поведения, а также об особенностях выбираемой жертвы [7, с. 30].

Некоторые из указанных характеристик, несомненно, можно отнести к психологическим, однако также несомненно, что исключительно ими профиль не ограничивается, предоставляя массу других све-

дений для правоохранительных органов. Более того, иные типы профилирования (в частности, при конкурентной разведке) также имеют в своей структуре компоненты психологического содержания, однако иные элементы будут отличаться, и именно ими определяется функциональная направленность метода. Например, посредством «географического профилирования» возможно определение ориентировочной зоны проживания преступника, что не входит в предметную область психологии или иных указанных научных дисциплин, а является компонентом поисковой деятельности, входящей в предмет изучения криминалистики.

Ряд авторов, признавая, что перечень сведений, которые содержатся в профиле, не является исключительно психологическим, тем не менее считают профилирование (и, соответственно, профиль) психологическим, поскольку в процессе используются психологические методы. Например, по мнению С.Б. Целиковского и О.Ю. Михайловой, при профилировании «...речь идет об описании субъекта психологическими методами (реконструкция личности, поведения и состояния) в криминалистических целях...» [13, с. 83]. А.И. Анфиногенов считает: «прикладная специфика "портрета" предопределяет его содержание, а психологические методы разработки признаков преступника его определение — "психологический"» [14, с. 4]. Однако с этим нельзя согласиться полностью, поскольку комплексность характеристик преступника, содержащихся в профиле, предполагает использование ряда методов различных отраслей знания, как общенаучных, так и методов криминалистики, криминологии, психологии, психиатрии, а также инструментария точных наук.

Соответственно, применение термина «психологический» к профилированию необоснованно, так как не отражает его методологическую базу, а также свойства получаемых посредством профилирования сведений и алгоритм их использования. При этом следует помнить, что при включении в содержание профиля сведений, которые входят в предмет изучения других наук, не отрицается его криминалистический характер, который обусловлен назначением профиля, сферой его при-

менения, а также спецификой предмета и методологии криминалистики. В случаях использования одной наукой достижений других областей научного знания между ними формируются отношения вложенности, которые должны быть оформлены соответствующим понятийным аппаратом.

В зарубежной криминалистике является распространенной позиция, согласно которой любые знания, используемые в расследовании преступлений, можно называть криминалистическими. Так, в США в предмет криминалистики наряду, например, с судебной баллистикой входят судебная медицина, судебная токсикология, судебная психиатрия и т.п. Отечественная криминалистика «...никогда не выступала только в роли проводника чужих знаний» [15, с. 166], а преобразовывала их, приспособлявая к решению задач раскрытия и расследования преступлений. Это может достигаться путем корректировки целей или отдельных элементов содержания исходного метода, что происходит и в случае с криминалистическим профилированием. При этом вложенность проявляется в использовании в структуре криминалистического профилирования, помимо собственно криминалистического знания, достижений внешних по отношению к криминалистике областей знания, без изменения их собственной предметности. Подобная связь научных дисциплин присутствует в теории криминалистической идентификации, теории следственных ситуаций, использовании отдельных физических и химических методов в криминалистических исследованиях материальных следов преступления и т.д. Соответственно, привлечение знаний и методов других научных дисциплин в процессе криминалистического профилирования носит вспомогательный характер, а ключевое содержание этого процесса задается криминалистикой.

Развивая мысль об отнесении профилирования к сфере криминалистики, отметим следующее. В рамках отечественной парадигмы к числу основных задач криминалистики относится разработка научно обоснованных рекомендаций по наиболее эффективно раскрытию и расследованию преступлений. Необходимо признать, что профилирование, которое нацелено на определение черт личности преступника

(преступников), значимых с точки зрения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, несомненно, является методом раскрытия преступлений. Как справедливо отмечают Л.М. Исаева и В.Г. Вилков, «...общеизвестно, что именно криминалистика... является прикладной наукой, предоставляющей уполномоченным лицам... научно разработанные и проверенные практикой средства, приемы и методы раскрытия и расследования преступлений» [16, с. 5].

Вышеуказанные факторы предполагают, что в данном контексте необходимо говорить именно о криминалистическом профиле, поскольку криминалистика является единственной прикладной наукой, которая, синтезируя в себе положения других наук, вырабатывает научно обоснованные рекомендации, приемы, методы для практики расследования преступлений. Думается, избыточными являются такие термины, как «психологический», «поисковый» и т.п., поскольку учет данных аспектов профиля и так предполагается при использовании термина «криминалистический». Более того, субъектом криминалистического профилирования как прикладного метода является основной потребитель криминалистических рекомендаций – следователь, которому принадлежит право постановки соответствующей задачи и определения содержания профиля. Непосредственное наполнение этого содержания может достигаться как следственными, так и оперативно-розыскными методами, а также с помощью использования специальных знаний.

По мнению Г.Н. Гетьман, профиль отличается от портрета глубиной и объемом содержащейся в нем информации [17, с. 340]. Е.И. Фойгель, развивая данную мысль, отмечает, что профиль представляет собой первый этап составления портрета, поскольку на первоначальном этапе расследования, в условиях крайнего дефицита информации, невозможно полное определение всех черт личности, и только впоследствии, при получении новой информации, возможно построение «портрета» на базе уже имеющегося «профиля» [9]. В связи с этим, поскольку конечным результатом применения данного метода является составление «профиля»

преступника, то и для процесса составления данного профиля логично использовать именно термин «профилирование».

Соответственно, можно резюмировать, что наиболее обоснованным является применение термина «криминалистическое профилирование».

Криминалистическое профилирование необходимо рассматривать в двух аспектах.

С теоретической точки зрения «криминалистическое профилирование» представляет собой метод раскрытия преступлений, заключающийся в поиске, анализе и интерпретации следов преступления и преступника с целью определения комплекса вероятных сведений о лице (лицах), совершивших конкретное преступление (группу преступлений), которые могут использоваться следственными и оперативными работниками. В данном смысле криминалистическое профилирование как одна из категорий науки криминалистики включает в себя методологическую основу, цели и задачи профилирования, общие принципы профилирования, совокупность методик, а также особенности профилирования конкретных преступлений.

В свою очередь, практический аспект отражает профилирование как процесс по поиску, сбору, исследованию и интерпретации следов конкретного преступления и конкретного преступника посредством использования одной из ряда методик профилирования. Конечным результатом такого процесса является система вероятных криминалистически релевантных сведений о лице, совершившем конкретное преступление, — профиль, который может включать в себя, помимо указанных выше характеристик, также описание потенциальных навыков лица, совершившего преступление, и связи этих навыков с иными параметрами профиля. Например, завязывание узла на удавке может свидетельствовать о наличии опыта скалолазания, альпинизма, морского дела и пр., а расстояние между узлами — о размахе рук и, следовательно, росте убийцы.

По нашему мнению, данное разграничение способствует более адекватному осмыслению места профилирования в структуре науки криминалистики и в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Криминалистическое профилирование становится возможным благодаря скрупулезному сбору любых сведений о личности и поведении преступника. При этом подобные сведения могут носить непосредственный характер и быть собраны при проверке сообщения о преступлении (при проведении следственных осмотров, освидетельствований, судебных экспертиз, опросов и т.д.) либо быть опосредованными. В последнем случае, аналогично версионному процессу, профилирование требует, помимо фактологической информации, получаемой при производстве проверочных действий, также и подкрепляющих, внешних для следственной ситуации сведений (теоретической базы). Очевидным источником таких сведений является криминалистическая характеристика преступлений, однако следует учитывать, что именно в статистически обусловленных элементах профиля, почерпнутых из криминалистической характеристики преступлений, находится область риска в виде несоответствия таких статистических показателей личности конкретного человека. Однако криминалистическая характеристика является ценнейшим источником заполнения лакун в профиле, образовавшихся после детального анализа исходной информации по делу.

Помимо традиционной привязки криминалистической характеристики к отдельному виду или категории преступлений, в случае профилирования требуется еще и региональная привязка, поскольку поведение преступника, его действия в пространстве и времени определяются спецификой региона совершения преступления, в том числе уровнем готовности правоохранительных органов, менталитетом населения и самого преступника, доступностью средств транспорта и связи для преступника, плотностью населения и иными факторами. Таким образом, криминалистическая характеристика наряду с фактическими сведениями, а также сведениями из других областей научного знания выступает источником для наполнения результата криминалистического профилирования как практического процесса — криминалистического профиля.

В результате опроса 80 следователей подразделений Следственного комитета Российской Федерации, органов внутрен-

них дел, а также оперативных сотрудников органов дознания, проводимого на базе кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета, было определено, что основными, наиболее распространенными элементами профиля неустановленного преступника в процессе планирования преступления для них являются:

- пол (указал 81 % опрошенных);
- наличие и характеристика преступного опыта (81 % опрошенных);
- возраст (70 % опрошенных);
- наличие судимости (68 % опрошенных);
- географические характеристики – место проживания, место работы и пр. (57 % опрошенных);
- характеристика социальных связей, круг общения (46 % опрошенных);
- уровень технической или компьютерной грамотности (35 % опрошенных) и иные характеристики.

Очевидно, что подобная совокупность сведений важна именно для деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, однако не все элементы профиля совпадают с содержанием анкетных данных преступника, то есть профиль носит именно криминалистическое значение, ориентированное на поисковые и розыскные действия.

Профилирование органически связано с криминалистическими учениями об установлении личности преступника и организации расследования. Данный метод, с одной стороны, синтезирует достижения криминалистики и иных наук, которые могут быть использованы для установления криминалистически значимых черт личности преступника. С другой стороны, ориентирующая информация о преступнике, которая содержится в профиле, помогает организовать процесс расследования преступления и направляет правоохранительные органы в нужном направлении, а также служит информационной базой для определения тактики конкурентных следственных действий и тактических операций, то есть данное криминалистическое профилирование является компонентом планирования расследования.

В связи с комплексностью непосредственного (следы преступления) и опосред-

ованного (личность преступника) объекта исследования профилирование может принимать различные формы. В частности, исходя из механизма формирования профиля, можно выделить следующие формы профилирования: мысленное, программно-алгоритмическое и на основе машинного обучения.

Обстоятельства совершения преступления, включенные в исходную информацию по делу, уже дают следователю возможность фрагментированного представления о личности неустановленного преступника. Самым простым примером является вывод о наличии психических заболеваний у лица, применяющего избыточное насилие к потерпевшему. В этом случае криминалистическое профилирование осуществляется именно следователем и представляет собой одну из операций версионного криминалистического мышления, а сам профиль является разновидностью следственной версии, выдвинутой в отношении личности лица, совершившего преступление. Данная форма профилирования является самой ранней, распространенной на практике, и именно ей посвящен основной массив ранее упомянутых исследований.

Накопление статистически значимой информации, разработка различных теорий, посвященных пространственным перемещениям людей (в том числе преступников), а также широкое распространение компьютеров и относительная простота их использования позволили разработать программные комплексы, направленные на поиск неустановленного преступника в условиях крупных населенных пунктов. Примерами такого программного обеспечения являются программы:

- „Rigel“, разработанная К. Д. Россмо;
- „Dragnet“, разработанная Д. Кантером;
- „Crimestat“, разработанная Н. Левином;
- „Predator“, разработанная М. Гудвином.

Данные программы работают по строгому, заранее заданному алгоритму и, соответственно, не могут выйти за его пределы, и это ограничивает их применение в тех ситуациях, когда требуется эвристическое осмысление имеющейся инфор-

мации. На практике это приводит к тому, что в ходе полевых испытаний результаты их использования оказались крайне вариативными: оценка точности работы таких программ в разных источниках варьируется от 8 до 85 процентов [18, р. 430; 19, р. 225]. Следует также указать, что данные программы ориентированы на составление географического профиля, то есть вариантов пространственного перемещения преступника и места его вероятного нахождения. В основу такого профиля помещается, как правило, способ совершения преступления, в то время как для мысленного профилирования также характерно использование данных о механизме слеодообразования.

Современные технологии машинного обучения открывают перспективы обработки исходной информации по делу и составления профиля преступника с помощью систем искусственного интеллекта, построенных на архитектуре искусственных нейронных сетей\*. «Машинным обучением называется систематическое обучение алгоритмов и систем, в результате которого их знания или качество работы возрастают по мере накопления опыта» [20, с. 16]. При использовании методов машинного обучения система лишь обучается по заданному разработчиком формализованному алгоритму, а ее функционирование уже не является алгоритмизированным. Это позволяет, подобно мышлению человека, анализировать данные, выявлять в них закономерности, в том числе и недоступные пониманию человека, и делать соответствующие выводы. При этом такая система свободна от некоторых ограничений человеческого мышления: может работать без остановки, анализировать большие объемы данных, не испытывая информационной перегрузки, и с накоплением опыта повышать свою эффективность. Однако для внедрения подобных систем требуются значительные усилия по сбору и систематизации необходимой информации (на-

пример, нужен сбор статистических сведений как по раскрытым, так и по нераскрытым преступлениям).

Криминалистическое профилирование преследует строго практическую, утилитарную цель, которая заключается в предоставлении правоохранительным органам информации о преступнике. Такая информация не может носить доказательственный характер, однако способствует установлению настоящего и будущего поведения преступника, формированию розыскных версий и получению иных ориентирующих сведений. Однако, как и многие другие методы и средства криминалистической деятельности, криминалистическое профилирование требует научного осмысления, которое, в свою очередь, не может обойтись без анализа сопутствующих рисков и проблемных компонентов.

К таковым в настоящее время можно отнести:

1. Неопределенность места криминалистического профилирования в системе научного знания, которая приводит к различным вариантам понимания этого метода и, как следствие, к разным результатам его практического применения.

2. Слабую систему моделей оценки методик профилирования с точки зрения как валидности включенных характеристик личности преступника и их взаимосвязи, так и размеров статистической выборки. К этой же группе проблем следует отнести трудности при оценке эффективности профилирования: учитывая, что данный метод практически не фиксируется в процессуальных документах (за исключением заключений специалистов), не совсем понятно, каким образом произвести указанную оценку.

3. Неоднородность видов преступлений, в расследовании которых может быть задействован данный метод. Очевидно, что к таковым следует отнести преступления, требующие раскрытия, а не только расследования: преимущественно преступления против личности, поскольку в таких более ярко проявляются действия по сокрытию, посткриминальное поведение преступника, как правило, значительно отличается от его нормального образа жизни. При этом работа по составлению признаков личности преступников по другим категориям преступлений, по сути, ограни-

\* См. об этом подробнее: Сибилькова А.В. Искусственный интеллект на службе у следователя // Российский следователь. 2019. N 3. С. 68-70; Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. N 2. С. 43-47.

чивается описанием личности преступника в структуре соответствующей криминалистической характеристики, что недостаточно для составления полноценного профиля. Помимо этого, учитывая региональные особенности при совершении однородных преступлений, следует учитывать, что конкретная методика профилирования может демонстрировать различные результаты при применении в разных локациях.

По нашему мнению, решение указанных вопросов позволит снабдить сотрудников правоохранительных органов эффективным криминалистическим средством, которое сделает возможным значительное повышение раскрываемости тяжких, особо тяжких и иных сложных в раскрытии и расследовании преступлений.

Подводя итог сказанному, отметим следующее:

1. Криминалистическое профилирование представляет собой метод раскрытия преступлений, заключающийся в поиске, анализе и интерпретации следов преступления и преступника, с целью определения комплекса вероятных сведений о лице (лицах), совершивших конкретное

преступление (группу преступлений), которые могут использоваться следственными и оперативными работниками.

2. Конечным результатом процесса профилирования является профиль – система вероятных криминалистически релевантных сведений о лице, совершившем конкретное преступление.

3. Профилирование не может заменять собой комплексное исследование криминалистически значимой информации, а является вспомогательным инструментом познания события преступления.

4. В зависимости от механизма формирования профиля можно выделить несколько форм профилирования: мысленное, программно-алгоритмическое и на основе методов машинного обучения.

5. К настоящему времени теория и практика криминалистического профилирования характеризуется следующими проблемными моментами: методологическая неопределенность, отсутствие конкретных форм валидации результатов составления профиля, отсутствие разработок методик профилирования для широкого круга возможных составов преступлений.

### Список литературы

1. Canter D. V., Youngs D. E. Investigative Psychology: offender profiling and the analysis of criminal action. New York: Wiley and sons Ltd., 2009. 484 p.
2. Turvey B. E. Criminal Profiling: An Introduction to Behavioral Evidence Analysis. 4th edition. Boston: Elsevier Science, 2012. 728 p.
3. Geberth V. J. Practical homicide investigation: tactics, procedures, and forensic. 4th edition. Boca Raton: CRC Press, 2006. 1060 p.
4. Ainsworth P. B. Offender Profiling and Crime Analysis. Cullompton: Willan Publishing, 2001. 197 p.
5. Богомолова С.Н., Образцов В.А. Серийные убийства на сексуальной основе как объект психолого-криминалистического изучения (анализ зарубежного опыта) // Труды Московской государственной юридической академии. 1997. N 1. С. 133-145.
6. Образцов В.А. Серийные убийства как объект психологии и криминалистики: учеб. и практ. пособие. М.: ИМПЭ, Омега-Л, 2003. 208 с.
7. Искютин-Федотков Д.В., Каразей О.Г., Мухин Г.Н. Криминалистическое моделирование личности неустановленного преступника и его преступного поведения: науч.-практ. пособие / под общ. ред. Г.Н. Мухина. М.: Юрлитинформ, 2012. 208 с.
8. Драпкин Л.Я., Долинин В.Н., Шуклин А.Е. Использование криминалистического портрета преступника в расследовании серийных убийств // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. N 4. С. 93-101. URL: <http://electronic.ruzh.org> (дата обращения: 11 марта 2020 г.).
9. Фойгель Е.И. О понятии поисково-криминалистического профиля неизвестного преступника // Пролог: журнал о праве. 2016. N 4. С. 52-55. URL: <http://www.prolaw38.ru>. DOI: 10.21639 / 2313-6715.2016.4.11 (дата обращения: 12 апр. 2020 г.).
10. Бегунова Л.А. Проблемы разработки и использования психолого-криминалистического портрета подозреваемого при раскрытии изнасилований и убийств, сопряженных с действиями сексуального характера: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 172 с.
11. Исаева Л.М., Нестерова В.В., Прокофьев О.И. Методика составления психолого-криминалистического портрета по тяжким преступлениям против личности // Психологические аспекты в деятельности органов внутренних дел: сб. метод. рек. М.: ВНИИ МВД России, 2009. С. 91-118.

12. Ressler R. K., Burgess A. W., Douglas J. E. *Sexual homicide: Patterns and motives*. Lexington: Lexington Books, 1988. 234 p.
13. Целиковский С.Б., Михайлова О.Ю. Динамика выбора жертвы как информативный признак при разработке психологического профиля серийного сексуального преступника // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2015. N 2. С. 82-88.
14. Анфиногенов А.И. Методика установления признаков преступника, сопряженных с обстоятельствами происшествия: учеб.-метод. пособие / под ред. И.А. Попова М.: Акад. управления МВД России, 2003. 57 с.
15. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов: в 3 т. Т. 1. 3-е изд., доп. М., 2001. 323 с.
16. Исаева Л.М., Вилков В.Г. Психолого-криминалистическое портретирование: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2015. 143 с.
17. Гетьман Г.Н. Психологический профиль: проблемы моделирования личности неизвестного преступника // Проблемы законности. 2013. N 123. С. 338-347.
18. The Efficiency of Ideographic Models for Geographical Offender Profiling / D. V. Canter, L. Hammond, D. E. Youngs, P. Juszcak // *Journal of Quantitative Criminology*. 2013. N 29 (3). P. 423-446.
19. Rossmo D. K. *Geographic profiling*. New York: CRC Press, 2000. 347 p.
20. Флах П. Машинное обучение. Наука и искусство построения алгоритмов, которые извлекают знания из данных / пер. с англ. А.А. Слинкина. М.: ДМК Пресс, 2015. 400 с.

### References

1. Canter D. V., Youngs D. E. *Investigative Psychology: offender profiling and the analysis of criminal action*. New York, Wiley and sons Ltd., 2009. 484 p.
2. Turvey B. E. *Criminal Profiling: An Introduction to Behavioral Evidence Analysis*. 4th edition. Boston, Elsevier Science, 2012. 728 p.
3. Geberth V. J. *Practical homicide investigation: tactics, procedures, and forensic*. 4th edition. Boca Raton, CRC Press, 2006. 1060 p.
4. Ainsworth P. B. *Offender Profiling and Crime Analysis*. Cullompton, Willan Publishing, 2001. 197 p.
5. Bogomolova S.N., Obratsov V.A. Serial sexual murders as an object of psychological and forensic research (analysis of foreign experience). *Works of Moscow State Law Academy*, 1997, no. 1, pp. 133-145. (In Russ.).
6. Obratsov V.A. *Serial murders as an object of psychology and forensic*. Moscow, IMPE, Omega-L Publ., 2003. 208 p. (In Russ.).
7. Isyutin-Fedotkov D.V., Karazey O.G., Mukhin G.N. Forensic modeling of the identity of an unidentified criminal and his criminal behavior. *Moscow, Yurlitinform Publ.*, 2012. 208 p. (In Russ.).
8. Drapkin L.Ya., Dolinin V.N., Shuklin A.E. The use of forensic portrait of a perpetrator in the investigation of serial murders. *Electronic supplement to the Russian juridical journal*. 2017, no. 4, pp. 93-101. Available at: <http://electronic.ruzh.org> (Accessed March 11, 2020). (In Russ.).
9. Foygel E.I. On the concept of the unknown criminal search and criminalistic profile. *Prologue: Law Journal*, 2016, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru>. DOI: 10.21639/2313-6715.2016.4.11 (Accessed April 12, 2020). (In Russ.).
10. Begunova L.A. Problems of development and use of a psychological and forensic portrait of a suspect in the investigation of rape and murder involving sexual acts. *Cand. Diss. Moscow*, 2002. 172 p. (In Russ.).
11. Isaeva L.M., Nesterova V.V., Prokof'ev O.I. The methodology of compiling a psychological and forensic portrait of grave crimes against the person. *Psychological aspects of the activities of the internal affairs bodies: a collection of guidelines*. Moscow, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. Pp. 91-118. (In Russ.).
12. Ressler R. K., Burgess A. W., Douglas J. E. *Sexual homicide: Patterns and motives*. Lexington, Lexington Books, 1988. 234 p.
13. Tselikovskiy S.B., Michailova O.Yu. Dynamics of choosing a victim as an informative characteristic in developing psychological profile of a serial sexual offender. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2015, no. 2, pp. 82-88. (In Russ.).
14. Afinogenov A.I. Methodology for establishing the features of a criminal associated with the circumstances of the incident. *Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2003. 57 p. (In Russ.).
15. Belkin R.S. *Criminalistics course*. In 3 volumes. Vol. 1. Moscow, 2001. 323 p. (In Russ.).
16. Isaeva L.M., Vilkov V.G. *Psychological and forensic portraiture*. Moscow, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 143 p. (In Russ.).
17. Get'man G.N. Psychological profile: problem of modeling the identity of an unknown criminal. *Problems of legality*, 2013, no. 123, pp. 338-347. (In Russ.).
18. Canter D. V., Hammond L., Youngs D. E., Juszcak P. The Efficiency of Ideographic Models for Geographical Offender Profiling. *Journal of Quantitative Criminology*, 2013, 29 (3), pp. 423-446.
19. Rossmo D. K. *Geographic profiling*. New York, CRC Press, 2000. 347 p.
20. Flach P. *Machine Learning: The Art and Science of Algorithms That Make Sense of Data*. Moscow, DMK Press Publ., 2015. 400 p. (In Russ.).

|   |  |
|---|--|
| <p>КРАВЕЦ Е.Г.,<br/>кандидат юридических наук,<br/>bmv-21@inbox.ru</p> <p>Кафедра предварительного расследования<br/>учебно-научного комплекса<br/>по предварительному следствию<br/>в органах внутренних дел;<br/>Волгоградская академия<br/>Министерства внутренних дел<br/>Российской Федерации,<br/>400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130</p> | <p>KRAVETS E.G.,<br/>Candidate of Legal Sciences,<br/>bmv-21@inbox.ru</p> <p>Chair of preliminary investigation<br/>of the educational and scientific complex<br/>of the preliminary investigation<br/>in the internal affairs bodies;<br/>Volograd Academy of the Ministry<br/>of the Interior of the Russian Federation,<br/>Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089,<br/>Russian Federation</p> |
|---|--|

|   |   |
|---|---|
| <p>ШУВАЛОВ Н.В.,<br/>кандидат юридических наук, доцент,<br/>marilin-87@mail.ru</p> <p>Кафедра предварительного расследования<br/>учебно-научного комплекса<br/>по предварительному следствию<br/>в органах внутренних дел;<br/>Волгоградская академия<br/>Министерства внутренних дел<br/>Российской Федерации,<br/>400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130</p> | <p>SHUVALOV N.V.,<br/>Candidate of Legal Sciences,<br/>associate professor,<br/>marilin-87@mail.ru</p> <p>Chair of preliminary investigation<br/>of the educational and scientific complex<br/>of the preliminary investigation<br/>in the internal affairs bodies;<br/>Volograd Academy of the Ministry<br/>of the Interior of the Russian Federation,<br/>Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089,<br/>Russian Federation</p> |
|---|---|

### **КОМПЛЕКС СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ, НЕОБХОДИМЫХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВРЕДОНОСНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ**

**Аннотация.** Специфика производства следственных действий при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации состоит в необходимости использования специальных знаний разных отраслей (электроники, программирования, телекоммуникаций и других), а также в скрупулезной подготовке к их проведению. В последние годы все чаще совершаются посяательства на денежные средства с использованием телекоммуникационных сетей. Раскрывать эти преступления удается крайне редко. В связи с этим имеется необходимость в исследовании технических возможностей оборудования и программного обеспечения, а также использования этих средств в борьбе с правонарушениями. Авторами статьи предпринято криминалистическое обоснование комплекса мер, направленных на выявление основных признаков преступлений рассматриваемой категории. Исследованы вопросы, касающиеся применения специальных знаний при изучении детализации телефонных соединений, осмотре компьютерного устройства, а также в производстве судебной компьютерной экспертизы.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство; специальные знания; вредоносная компьютерная программа; расследование хищений; судебная экспертиза; эксперт; следователь.

Для цитирования: Кравец Е.Г., Шувалов Н.В. Комплекс специальных знаний, необходимых при расследовании хищений, совершаемых с использованием вредоносных компьютерных программ // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 3 (53). С. 119-126.

### **SPECIAL KNOWLEDGE REQUIRED FOR INVESTIGATING THE THEFTS COMMITTED BY USING MALICIOUS SOFTWARE**

**Annotation.** The specificity of investigative actions when conducting the investigation of cybercrimes consists in the need to use special knowledge of various industries (electronics, programming, telecommunications and others), as well as in thorough preparation for their implementation. In recent years, the amount of cyberattacks aimed at stealing money is only increasing. It is extremely rare

fact when such crimes are solved. In this regard, there is a need to study the technical capabilities of hardware and software, as well as the use of these tools in the fight against such crimes. The authors of the article have undertaken the forensic substantiation of a set of measures aimed at identifying the main characteristics of crimes of the considered category. The issues concerning the use of special knowledge when analyzing the details of telephone connections, inspection of the computer, as well as when conducting computer forensic examination, have been investigated.

**Keywords:** criminal proceedings; special knowledge; malicious software; investigation of theft; forensic examination; expert; investigator.

For citation: Kravets E.G., Shuvalov N.V. Special knowledge required for investigating the thefts committed by using malicious software // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 3(53). P. 119-126.

### **Использование специальных познаний при изучении детализации телефонных соединений потерпевшего**

Одним из направлений применения специальных познаний при расследовании хищений с платежной карты клиента банка с использованием компьютерных вредоносных программ является изучение технической документации о телефонных соединениях потерпевшего, совершенных в период хищения (детализации, биллинга) [1, с. 51].

Детализация телефонных соединений потерпевшего может быть важным источником информации о способе хищения денежных средств в случае его совершения с использованием средств сотовой связи. Таким образом, для качественного анализа и получения на его основе результирующей информации необходимо, чтобы специалист обладал знаниями в сфере функционирования сетей сотовой связи, мобильных устройств и программного обеспечения.

В данном случае специальные познания могут применяться как в процессуальных формах (участие специалиста при осмотре документов, допрос специалиста), так и в непроцессуальной, например, в форме консультаций следователя со специалистом при подготовке следственных действий [2, с. 103].

Мобильный банк представляет собой программное приложение, функционирующее на терминалах сотовой связи (мобильных телефонах, планшетах), позволяющее путем отправки SMS-сообщения и USSD-команд на определенный номер, принадлежащий банку, управлять своим банковским счетом, а именно: получать информацию о состоянии счета банковской карты, осуществлять различные пла-

тежи, перевод денежных средств со счета банковской карты на счета других банковских карт, принадлежащие клиенту. Провайдером при этом является организация, предоставляющая услуги сотовой связи (голосовые данные, SMS-сообщения, MMS-сообщения и др.). Таким образом, пользование услугой «мобильный банк» возможно при наличии подключенного к оператору сотовой связи мобильного устройства. Сеть Интернет для работы данного приложения не требуется.

Схема проведения операции по банковской карте через услугу «мобильный банк» следующая: на своем мобильном устройстве гражданин (одновременно являющийся клиентом банка и абонентом оператора сотовой связи) формирует SMS-сообщение определенного содержания на соответствующий номер (который показывает все движения денежных средств по банковской карте клиента) или USSD-команду и передает на сервер оператора сотовой связи. Далее сервер оператора сотовой связи передает SMS-сообщение или USSD-команду в процессинговый центр банка, который расположен, как правило, в г. Москве. Процессинговый центр, в свою очередь, обрабатывает команду (сообщение) и проводит соответствующую операцию со счетом карты.

Таким образом, с использованием, с одной стороны, возможностей доступа вредоносной программы ко всем SMS-сообщениям, поступающим на мобильный телефон потерпевшего, а также отправки с его номера SMS-сообщений и USSD-команд, с другой – сервисов приложения «мобильный банк», путем несанкционированных денежных переводов осуществляется хищение денег с банковской карты потерпевшего.

В большинстве крупных банков также имеется компьютерная система дистанционного банковского обслуживания. Для доступа к ней необходима авторизация путем введения реквизитов – логина и пароля. Данные реквизиты можно получить у оператора банка, написав соответствующее заявление, а также в банкомате и терминале банка, предъявив банковскую карту, в результате этого банкомат (терминал) выдает кассовый чек, в котором будут отражены логин и пароль. Подключившись к системе дистанционного банковского обслуживания, клиент банка в любое время, находясь в любом месте и имея доступ к сети Интернет, может совершать операции со всеми своими счетами (лицевыми, расчетными, депозитными и т.д.), оплачивая коммунальные услуги, услуги связи, осуществлять денежные переводы.

Для функционирования данной услуги обязательно использование сети Интернет. В этом состоит ее отличие от услуги «мобильный банк». Кроме того, клиентам, использующим сервисы дистанционного банковского обслуживания, доступна информация обо всех принадлежащих им счетах и об операциях по ним, то есть функции данного приложения более широкие.

Следовательно, для совершения хищения с использованием системы дистанционного банковского обслуживания злоумышленникам необходим доступ к сведениям о реквизитах доступа к ней – логину и паролю. Информацию о них злоумышленники получают также в результате использования вредоносных компьютерных программ.

Необходимо отметить, что критерии вредоносности компьютерных программ определены в самой диспозиции ст. 273 УК РФ: «Создание, распространение или использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации».

Выделяются различные типы вредоносных компьютерных программ, которые могут быть использованы в самых

разных целях. При хищении денежных средств с банковских и иных платежных счетов используются вредоносные программы троянского типа. Данные программы распространяются людьми, в отличие от «вирусов» и «червей», которые распространяются самопроизвольно. Задачами троянских программ являются сбор информации и ее передача (копирование) злоумышленнику, уничтожение информации или злонамеренная модификация, нарушение работоспособности компьютерного устройства, использование ресурсов компьютерного устройства в противоправных целях.

Для хищения денежных средств с банковских и иных счетов граждан злоумышленниками используются различные виды «троянских» вредоносных программ, созданных для разных операционных систем. При этом подавляющее большинство подобных вредоносных программ создано именно для операционной платформы Android.

Нередко на первоначальном этапе расследования потерпевший в ходе допроса поясняет, что он не получал SMS-сообщений с запросом на проведение денежного перевода и не отправлял SMS-сообщений с подтверждением платежа. Сведения о данных сообщениях на телефоне потерпевшего отсутствуют. Из его показаний следует, что телефон «самостоятельно» совершил все действия, необходимые для осуществления денежного перевода с помощью сервисов мобильного банкинга [3, с. 79]. При этом основной задачей специалиста в ходе изучения телефонных соединений является установление факта и технологии списания денежных средств. Действие большинства компьютерных вредоносных программ, функционирующих на операционных системах мобильных устройств и предназначенных для хищения денежных средств с платежных карт, основано на возможностях удаленного перехвата и отправки SMS-сообщений с мобильного устройства потерпевшего. Однако если подобные сообщения поступали и отправлялись на абонентский номер потерпевшего, то информация о них содержится в детализации телефонных соединений [4, с. 73].

Процессуальный порядок истребования детализации телефонных соединений

в рамках уголовного дела четко определен ст. 186.1 УПК РФ. Однако получение и изучение детализации телефонных соединений потерпевшего является одним из первичных мероприятий, в связи с этим данную информацию целесообразно получить еще на стадии процессуальной проверки (например, в порядке осуществления оперативно-розыскной деятельности). При проведении осмотра протокола телефонных соединений потерпевшего в качестве специалиста целесообразно привлечь сотрудника технического отдела сотового оператора либо иных организаций, деятельность которых связана с разработкой и обслуживанием биллинговой информации для сетей сотовой связи.

При этом перед специалистом ставятся следующие задачи:

1. Изучить и разъяснить следователю информацию обо всех телефонных соединениях потерпевшего за период, в который осуществлены незаконные списания денежных средств с платежной карты.

2. Зафиксировать все входящие и исходящие SMS-сообщения между абонентским номером потерпевшего и сервисным номером (номерами) банка. Отобразить точную последовательность и время их поступления и отправки.

3. Документально закрепить информацию об IMEI (индивидуальный номер мобильного оборудования) мобильных устройств, в которых использовался абонентский номер потерпевшего в период совершения хищения, а также непосредственно до и после обозначенного периода (по ближайшим соединениям). В пояснении следователю необходимо сделать вывод об идентичности либо различии используемых номеров IMEI.

4. Получить и проанализировать данные об адресах базовых станций, фиксировавших телефонные соединения потерпевшего в период хищения, а также непосредственно до и после обозначенного периода.

Таким образом, в результате изучения телефонных соединений и пояснений специалиста должно быть установлено следующее:

– отправлялись ли на сервисный банковский номер команды на проведение и подтверждение платежа с номера потерпевшего;

– отправлялись ли данные сообщения с мобильного устройства потерпевшего, либо с какого-то иного устройства;

– место, с которого отправлялись данные сообщения.

Если сведения технического характера, содержащиеся в протоколе телефонных соединений, требуют дополнительных пояснений, то следователь может прибегнуть к еще одной форме использования специальных познаний – допросу специалиста [5, с. 8].

### **Использование специальных познаний при осмотре компьютерного устройства потерпевшего**

Важной формой использования специальных познаний при расследовании хищений с использованием вредоносных компьютерных программ является участие специалиста в осмотре ЭВМ (персонального компьютера, ноутбука, планшета, смартфона, иных устройств), принадлежащей потерпевшему. Первоначальный осмотр ЭВМ может проводиться в рамках осмотра предметов. Однако производство данного действия целесообразнее еще на стадии доследственной процессуальной проверки, а именно в ходе осмотра места происшествия.

Анализ следственной практики по рассматриваемым преступлениям выявил ряд проблем организационного и технического характера, которые следователю приходится решать при проведении данного вида осмотра. Основной причиной низкой результативности осмотров мест происшествий является недостаточная компетентность осуществляющих их лиц [6, с. 26].

На первоначальном этапе расследования основной задачей является установление способа и механизма совершения хищения, в частности документирование факта использования вредоносных компьютерных программ. Для ее решения крайне важно правильно с правовой и технической стороны осуществить осмотр компьютерного устройства, которым пользовался потерпевший. От этого зависит последующая квалификация преступного деяния, а также планирование дальнейших следственных действий [7, с. 7]. При этом следователь или иное лицо, осуществляющее процессуальную проверку, как правило, не обладает необходимым уровнем знаний и навыков.

Для корректной и полной фиксации интересующей информации, содержащейся в мобильном устройстве, необходимо привлечение специалиста, обладающего знаниями в сфере технического оснащения мобильных терминалов. Понимание алгоритма функционирования вредоносных компьютерных программ, предназначенных для хищения денежных средств с платежных карт клиентов банка, также является необходимым критерием для выбора специалиста, участвующего в осмотре мобильного устройства.

При проведении осмотра компьютерной техники приоритетным вариантом является привлечение в качестве специалиста сотрудника подразделения территориального ЭКЦ, специализирующегося на компьютерно-технических экспертизах. Но подобная возможность предельно ограничена по причине чрезмерной загруженности и небольшой численности указанной категории сотрудников. В случае невозможности привлечения к осмотру сотрудника ЭКЦ допустимо прибегнуть к помощи работников иных государственных органов (например, Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций), а также негосударственных организаций (например, технических специалистов интернет-провайдеров, операторов сотовой связи, различных IT-компаний) [8, с. 79].

Основной информацией, подлежащей обнаружению и фиксации на компьютерном устройстве потерпевшего в ходе осмотра, является наличие вредоносной компьютерной программы (программ), а также следов ее использования. Принцип действия вредоносных компьютерных программ, предназначенных для хищения денежных средств с банковских счетов, для всех операционных платформ является схожим и заключается в сборе информации и удаленном управлении банковским счетом потерпевшего с целью дальнейшего списания с него денежных средств. Злоумышленники, устанавливая на мобильном терминале пользователя троянскую программу, получают исчерпывающие данные об устройстве и его программном обеспечении, а самое главное – обладают возможностью перехватывать и отправлять SMS-сообщения от имени пользователя без его ведома.

В следственной практике ярким проявлением «вредоносности» программ указанного типа явился массовый характер хищения денежных средств со счетов клиентов крупнейших банков, использующих на своих мобильных устройствах программное приложение «мобильный банк». Троянская программа данного типа, установленная на зараженное мобильное устройство потерпевшего под видом обновления популярного приложения, собирала и отправляла на сервер преступников сведения о наличии пакета «мобильный банк», анализировало его активность, в результате этого злоумышленники получали информацию о платежной банковской карте пользователя. Далее, используя удаленное администрирование мобильного устройства пользователя, а также возможности сервиса «мобильного банка», злоумышленники отправляли SMS-сообщения с командой на перевод денежных средств с платежной карты потерпевшего. При этом входящее SMS-сообщение, поступающее от сервера банка о необходимости подтверждения платежа, перехватывалось вредоносной программой, будучи скрыто от пользователя. В ответ на данное сообщение троянской программой отправлялось SMS-сообщение о подтверждении проведения платежа, содержащее (при необходимости) одноразовый код подтверждения [9, с. 89].

Таким образом, на стадии осмотра целью привлечения специалиста являются обнаружение, установление типа вредоносной программы, принципа ее функционирования, фиксации следов ее использования.

Действия специалиста при осмотре компьютерного устройства заключаются в следующем:

– определение внешних признаков устройства, его размеров, модели, а для терминалов сотовой связи (планшетов, смартфонов) – сведений об IMEI-номере, используемых на момент осмотра абонентском номере и сим-карте;

– определение системных параметров устройства – установленные операционная система, программные приложения, параметры быстродействия (процессор, оперативная память и т.д.). Особое внимание на данном этапе уделяется наличию (отсутствию) установленных программных приложений дистанционного банковско-

го обслуживания, а также антивирусных программ. Необходимо отразить свойства данных приложений, даты и время установки и последнего использования;

– непосредственное обнаружение на компьютерном устройстве вредоносной программы либо следов ее применения, документирование факта осуществления несанкционированных платежей. Для этого проводится изучение журнала работы программ дистанционного банковского обслуживания, а также антивирусного программного обеспечения. В первом случае фиксируются сведения обо всех проведенных платежах за интересующий период (дата, время, адресат денежного перевода и другие). Во втором случае необходимо отразить информацию обо всех обнаруженных угрозах и предупреждениях. Также в ходе осмотра целесообразно провести дополнительное сканирование системы на предмет обнаружения вредоносных программ. При этом крайне важно предварительно правильно настроить параметры сканирования (без опции удаления и других мер к обнаруженным угрозам), чтобы по неосторожности не удалить сами вредоносные программы, а также следы их функционирования;

– при осмотре терминалов сотовой связи (планшетов, смартфонов) необходимо изучение и фиксация журнала SMS-сообщений и телефонных соединений за период, в который осуществлено хищение денежных средств (проведены несанкционированные транзакции со счета потерпевшего). Подробно описывается и фиксируется каждое входящее и исходящее SMS-сообщение (время, дата, адресат отправки, полный текст сообщения, а также время, дата и адресаты входящих (исходящих) телефонных звонков).

В ходе выполнения всех описанных действий обязательна фотофиксация полученных результатов осмотра. А в процессе обнаружения вредоносных программ с использованием антивирусного программного обеспечения также необходимо использовать средства видеозаписи.

Следует отметить, что на практике привлекаемые к осмотру специалисты не всегда обладают необходимой компетенцией. Решению данной задачи на качественном уровне может способство-

вать привлечение к осмотру мобильных устройств представителей экспертных учреждений и иных организаций, специализирующихся на экспертных исследованиях вредоносных компьютерных программ. Они обладают всеми необходимыми знаниями и навыками, позволяющими в результате выстроить полную картину совершения преступления [10, с. 97].

Таким образом, участие специалиста в осмотре компьютерного устройства является необходимым на первоначальном этапе расследования хищений, совершаемых с использованием вредоносных компьютерных программ. Обязательным критерием выбора специалиста является его компетентность в сфере устройства мобильных терминалов и функционирования вредоносных компьютерных программ. Совокупность данных условий способствует правильной квалификации преступного деяния, планированию и проведению следственных действий на последующих этапах расследования.

#### **Использование специальных познаний при проведении судебной компьютерной экспертизы**

Несмотря на важность участия специалиста в осмотре ЭВМ, принадлежащей потерпевшему, основной формой применения специальных познаний при расследовании уголовных дел, связанных с хищением денежных средств с использованием вредоносных компьютерных программ, является проведение судебной экспертизы.

Необходимо корректно, с учетом специфики объекта исследования определить цели экспертизы, отчетливо представлять ее результат. Важно при этом четко и однозначно формулировать вопросы, адресованные эксперту.

Критерии, которым должны отвечать поставленные перед экспертом вопросы:

– корректная с правовой и технической точек зрения формулировка;

– соответствие фактическим возможностям эксперта (экспертного учреждения), его компетенции и оснащенности;

– точное и однозначное отражение цели и прогнозируемого результата исследования.

Наиболее оптимальным представляется следующий перечень вопросов:

1. Обнаруживаются ли на исследуемом компьютерном устройстве файлы, атрибутируемые антивирусной программой как вредоносные программы для ЭВМ?

2. Каков тип вредоносной компьютерной программы?

3. Каково происхождение вредоносной программы на исследуемом устройстве?

4. Какие задачи решает данная вредоносная программа? Каков алгоритм ее функционирования? Достижению каких целей он подчинен?

5. Существует ли возможность удаленного администрирования исследуемого компьютерного устройства посредством данной вредоносной программы? С какого устройства производилось удаленное администрирование?

6. Каково влияние вредоносной программы на работу других программных приложений, инсталлированных на устройстве (в том числе приложений мобильного банкинга)?

7. Куда поступали результаты работы вредоносной программы (сетевой адрес ресурса)?

8. Содержатся ли иные сведения об удаленном администрировании в памяти представленного на исследование компьютерного устройства?

Этот перечень вопросов может быть дополнен, исходя из конкретной следственной ситуации. Но если эксперт смо-

жет ответить на приведенные вопросы, то следователь получит представление о пути распространения вредоносной программы, ее администраторе, способе совершения хищения, адресате и способе противозаконных переводов денежных средств потерпевшего.

На месте выявления последствий посяательства и производства оперативно-розыскных мероприятий применяются мобильные криминалистические комплексы, позволяющие без нарушения целостности (с сохранением носителя информации в качестве доказательства) изымать данные и на месте выполнять их экспресс-исследования. Для специалиста имеет значение хронологическая последовательность создания значимой информации, доступа к ней и ее неправомерного использования. Существуют разработки, позволяющие восстановить цепочку действий преступника посекундно и обнаружить вредоносные файлы, не определяемые антивирусными программами [11].

В заключение следует отметить, что доскональное изучение механизма совершения преступления, установление всех причастных к хищению соучастников (в том числе распространивших вредоносную компьютерную программу и использовавших ее, а не только лиц, обналичивающих похищенное, — финальное звено преступной цепи) возможно исключительно на основании качественного заключения компьютерно-технической экспертизы.

### Список литературы

1. Лихолетов А.А., Лихолетов Е.А. Проблемы квалификации хищений, совершаемых с использованием электронных средств платежа // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. N 1 (48). С. 51-56.
2. Замылин Е.И., Закатов А.А. Плановость как важнейшее организационное требование к розыскной деятельности следователя // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. N 1 (48). С. 103-107.
3. Еремин С.Г. Возбуждение уголовного дела о преступлениях в сфере дистанционно-банковского обслуживания, следственные ситуации, версии, планирование и расследование на первоначальном этапе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. N 2 (49). С. 78-84.
4. Голятина С.М., Ковальченко А.А. Некоторые элементы криминалистической характеристики хищений электронных денежных средств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. N 2 (49). С. 73-77.
5. Дьяконова О.Г. Судебная экспертиза и предварительные исследования как конкурирующие формы использования специальных знаний // Судебная экспертиза. 2019. N 2 (58). С. 8-19.
6. Хаскина В.Ю. Основные направления работы со следами, изъятыми при осмотре места происшествия // Судебная экспертиза. 2018. N 4 (56). С. 26-33.
7. Аминев Ф.Г. Проблемные вопросы, возникающие при назначении новых родов и видов судебных экспертиз // Судебная экспертиза. 2018. N 2 (54). С. 7-14.
8. Австрийсков А.В. Ретроспектива использования технических средств оперативно-розыскного назначения при раскрытии и расследовании преступлений в России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. N 1 (48). С. 79-87.

9. Еремин С.Г., Домовец С.С. Способы совершения преступлений в сфере дистанционно-банковского обслуживания и следы-признаки их образования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. N 2 (45). С. 89-94.

10. Желудков М.А., Попов А.М., Дубровина М.М. Проблемы правового обеспечения противодействия киберпреступности в России и зарубежных странах // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. N 3 (46). С. 97-101.

11. Group-Ib. Расследования. URL: <http://www.group-ib.ru/investigation.html#lab> (дата обращения: 11 июня 2020 г.).

### References

1. Liholetov A.A., Liholetov E.A. Problems of qualification of thefts committed using electronic means of payment. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 1 (48), pp. 51-56. (In Russ.).

2. Zamylin E.I., Zakatov A.A. Planning as the most important organizational requirement for the investigative activities of the investigator. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, no. 1 (48), pp. 103-107. (In Russ.).

3. Eremin S.G. Initiation of a criminal case on crimes in the field of remote banking services, investigative situations, versions, planning and investigation at the initial stage. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 2 (49), pp. 78-84. (In Russ.).

4. Golyatina S.M., Koval'chenko A.A. Some elements of the forensic characteristics of the theft of electronic money. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 2 (49), pp. 73-77. (In Russ.).

5. D'yakonova O.G. Forensic examination and preliminary research as competing forms of using special knowledge. Forensic examination, 2019, no. 2 (58), pp. 8-19. (In Russ.).

6. Haskina V.Yu. The main directions of work with traces seized during the inspection of the scene of the incident. Forensic examination, 2018, no. 4 (56), pp. 26-33. (In Russ.).

7. Aminev F.G. Problematic issues arising in the appointment of new genera and types of forensic examinations. Forensic examination, 2018, no. 2 (54), pp. 7-14. (In Russ.).

8. Avstriyskov A.V. Retrospective of the use of technical means of operational-search purposes in the disclosure and investigation of crimes in Russia. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 1 (48), pp. 79-87. (In Russ.).

9. Eremin S.G., Domovets S.S. Methods of committing crimes in the field of remote banking services and traces-signs of their formation. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, no. 2 (45), pp. 89-94. (In Russ.).

10. Zheludkov M.A., Popov A.M., Dubrovina M.M. Problems of legal support for countering cybercrime in Russia and foreign countries. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, no. 3 (46), pp. 97-101. (In Russ.).

11. Group-Ib. Investigations. Available at: <http://www.group-ib.ru/investigation.html#lab> (Accessed June 11, 2020). (In Russ.).

## Раздел 8. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

МЕЩЕРЯКОВА М.А.,  
maryana.an@gmail.com  
Кафедра информационно-аналитического  
и документационного обеспечения  
деятельности органов внутренних дел;  
Тюменский институт повышения  
квалификации сотрудников  
Министерства внутренних дел  
Российской Федерации,  
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

MESHCHERIAKOVA M.A.,  
maryana.an@gmail.com  
Chair of information, analytical  
and documentation support  
of the internal affairs bodies activities;  
Tyumen Advanced Training Institute  
of the Ministry of the Interior  
of the Russian Federation,  
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,  
Russian Federation

### КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ТАЙНУ КОММУНИКАЦИИ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

**Аннотация.** Статья посвящена конституционному праву на тайну коммуникации как интегративной научной конструкции, которая отражает содержание установленного в части 2 статьи 23 Конституции Российской Федерации права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Предложено авторское определение понятия права на тайну коммуникации. На основании анализа законодательства, судебной практики и результатов научных исследований определены объекты защиты права на тайну коммуникации. К ним, наряду с содержанием межличностного общения в вербальной и невербальной форме, отнесены любые сведения об осуществлении такого общения через средства коммуникации. Изучены пределы реализации права на тайну коммуникации, основания и порядок его правомерного ограничения. Рассмотрена система юридических гарантий конституционного права на тайну коммуникации и роль правовых позиций высших судебных органов в его обеспечении.

**Ключевые слова:** конституционное право; права и свободы личности; тайна коммуникации; тайна связи; тайна переписки; тайна корреспонденции; информация; цифровизация.

Для цитирования: Мещерякова М.А. Конституционное право на тайну коммуникации: понятие и содержание // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 3 (53). С. 127-137.

### CONSTITUTIONAL RIGHT TO PRIVACY OF COMMUNICATION: CONCEPT AND CONTENT

**Annotation.** The article is devoted to the constitutional right to privacy of communication as an integrative scientific structure which reflects the content of the right to privacy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph and other messages, fixed in part 2 of article 23 of the Constitution of the Russian Federation. The author's definition of the right to privacy of communication is proposed. Basing on the analysis of legislation, judicial practice and the results of scientific research, the objects of the protection of the right to privacy of communication are determined. Along with the content of interpersonal verbal and non-verbal communication, they include any information about such communication through the means of communication. The limits of implementing the right to privacy of communication, as well as the grounds and procedure for its legal restriction are studied. The system of the legal guarantees of the constitutional right to privacy of communication and the role of the legal views of the highest judicial bodies while ensuring this right are analyzed.

**Keywords:** constitutional law; individual rights and freedoms; privacy of communication; secrecy of communications; privacy of correspondence; secrecy of correspondence; information; digitalization.

For citation: Meshcheriakova M.A. Constitutional right to privacy of communication: concept and content // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 3 (53). P. 127-137.

Тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений является элементом правового государства и необходимым условием комфортного существования и развития личности. Ее гарантированность обеспечивает конституционное право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации).

Современной реальностью является масштабная цифровизация всех сфер жизнедеятельности, представляющая собой наступательный процесс и являющаяся залогом успешного развития государства и его экономики. Возрастающее значение цифровизации было отмечено в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 20 февраля 2019 г.\* В Послании от 15 января 2020 г. уже говорится о создании искусственного интеллекта, развитии цифровых технологий, цифровой трансформации\*\*.

Развитие цифрового пространства вызывает сложности, связанные с доступностью коммуникаций и обеспечением конституционной тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Данные процессы можно сравнить с созданием современного автомобиля, в процессе которого производители стремятся максимально снизить его массу, а государство требует обеспечить безопасность водителя и пассажиров за счет установки систем активной и пассивной безопасности, увеличивающих его массу.

Аналогичная ситуация складывается в области развития цифровых коммуникаций. Телекоммуникационные компании стремятся к увеличению скорости и упрощению передачи информации, а государство должно обеспечивать ее безопасность, которая приводит к снижению скорости информационного обмена. И здесь важен юридически гарантированный баланс свободы технического развития и защиты прав личности.

Как справедливо отмечает С.В. Наруто, «...в современных условиях тайна связи

обеспечивается недостаточно надежно, правовое регулирование значительно отстает от сложных технологий» [1].

Например, в 2019 году появилась информация о раскрытии данных 60 млн кредитных карт\*\*\*. В СМИ также сообщалось о перехвате дипломатической переписки посла Соединенного Королевства в США\*\*\*\*. Эти примеры наглядно показывают, что если в наиболее защищаемых сферах банковской тайны, персональных данных, дипломатической переписки происходит «утечка» информации, то переписка, телефонные переговоры, почтовые, телеграфные и иные сообщения граждан находятся в еще более уязвимом положении.

Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. N 203\*\*\*\*\*, в качестве одной из целей определена необходимость обеспечения баланса между своевременным внедрением современных технологий обработки данных и защитой прав граждан, включая право на личную и семейную тайну (п. «б» ст. 31). Решение этой задачи требует переосмысления отдельных правовых категорий, к числу которых следует отнести и право на тайну коммуникации.

Сказанное обуславливает высокую актуальность темы исследования, его теоретическую и практическую значимость.

#### **О понятии «тайна коммуникации»**

Анализ ст. 23 Конституции Российской Федерации свидетельствует, что ее нормы обеспечивают правовую охрану нескольких взаимосвязанных прав личности:

- 1) на неприкосновенность частной жизни;
- 2) личную и семейную тайну;
- 3) защиту своей чести и доброго имени;
- 4) тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Несмотря на очевидную взаимосвязь перечисленных прав, они имеют разное содержание. Особенность права на тайну

\*\*\* URL: <https://www.interfax.ru>

\*\*\*\* URL: <https://ria.ru>

\*\*\*\*\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. N 20. Ст. 2901.

\* Рос. газ. 2019. 21 февр.

\*\* Там же. 2020. 16 янв.

переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений заключается в том, что каждое из них, будучи самостоятельным правом, является юридической гарантией для остальных прав в данной группе.

Не каждое нарушение права на неприкосновенность частной жизни наносит ущерб личной и семейной тайне. Не каждое нарушение права на неприкосновенность частной жизни, права на личную и семейную тайну наносит ущерб чести и доброму имени. Вместе с тем нарушение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в том случае, если оно не касается исключительно вопросов деловой активности человека, безусловно, нарушает его право на неприкосновенность частной жизни, а также может нанести вред личной и семейной тайне, чести и доброму имени.

Таким образом, гарантированность всей группы прав, перечисленных в ст. 23 Конституции Российской Федерации, зависит от надлежащего обеспечения права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Важно отметить, что перечень видов коммуникации, находящихся под конституционной охраной, является открытым и охватывает не только переписку, телефонные переговоры, почтовые, телеграфные сообщения, но и иные сообщения. Данная конструкция нормы позволяет соответствовать уровню технического развития общества и гарантировать неприкосновенность новых, неизвестных на момент разработки Конституции Российской Федерации видов коммуникации.

В юридической науке для характеристики исследуемого конституционного права используются следующие понятия: «тайна связи» [1; 2, с. 300], «тайна корреспонденции» [3, с. 48; 4, с. 40], «тайна коммуникации» [5, с. 56].

Наиболее часто используемое понятие — «тайна связи». Это обусловлено, в частности, наименованиями федеральных законов, регулирующих данные правоотношения: от 7 июля 2003 г. N 126-ФЗ «О связи»\* (далее — Закон о связи), от

17 июля 1999 г. N 176-ФЗ «О почтовой связи»\*\* (далее — Закон о почтовой связи), а также наименованием ст. 63 Закона о связи — «Тайна связи».

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой приведено семь значений слова «связь», среди которых только одно относится к сфере общения [6, с. 705]. Это затрудняет определение круга охраняемых правоотношений. Например, факт знакомства двух или нескольких людей тоже указывает на наличие связи, но она не входит в сферу исследуемых отношений. Трактовка слова «связь» в узком смысле — как способа передачи сообщений охватывает не все формы обмена информацией между людьми, в частности, игнорируются виртуальные и невербальные способы общения. Соответственно, научная конструкция «право на тайну связи» не в полной мере отражает исследуемые явления.

Другое понятие — «тайна корреспонденции» связано с ч. 1 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (г. Рим, 4 ноября 1950 г.)\*\*\*, в которой оно именуется уважением корреспонденции. Тайна корреспонденции была первой в данной группе прав. В Конституции РСФСР 1937 года она называлась тайной переписки (ст. 132), в Конституции РСФСР 1978 г. закреплялась тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений (ст. 54).

Так, с развитием технологий эволюционировал и конституционный текст. Но сегодня тайна корреспонденции также не охватывает все способы передачи информации: к ней можно отнести обмен письмами, но никак не телефонные переговоры или видеосвязь.

И хотя Европейским Судом по правам человека понятие «корреспонденция» толкуется расширительно (к ней, в частности, относится телефонная связь\*\*\*\*,

\*\* Там же. 1999. N 29. Ст. 3697.

\*\*\* Там же. 1998. N 20. Ст. 2143.

\*\*\*\* Решение Европейского Суда по правам человека от 6 сент. 1978 г. по делу «Класс и другие против Германии (Klass and Others v. Germany)». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. N 28. Ст. 2895.

в том числе мобильная\*), его распространение на область невербальной коммуникации в судебной практике не выявлено

Вместе с тем невербальная коммуникация занимает значительное место в жизни отдельного человека и общества в целом. Объем передаваемой посредством невербальной коммуникации информации весьма значителен. Существуют различные подходы к классификации ее форм. Например, с точки зрения Т.В. Медведевой, «...к ее видам традиционно относятся паралингвистику, кинесику, проксемику, хронемистику, окулесику, гаптику, гестику, аускультацию, ольфакцию и т.д.» [7, с. 99]. Даже этот традиционный перечень заслуживает внимания юридической науки с точки зрения расширения объекта правовой защиты передаваемой между лицами информации.

Как отмечается в специализированных исследованиях по невербальной коммуникации, «...даже современные мобильные телефоны постепенно из средства голосовой коммуникации превращаются в средство невербальной коммуникации» [8, с. 119]. С учетом того, что современные технологии позволяют передавать на расстояние не только изображение, но и запахи (коммуникация посредством запахов), тактильные ощущения (тактильная коммуникация), эти формы сообщений со временем станут привычными и применение в отношении их понятия «связь» будет столь же неуместным, как и на сегодняшний день использование понятия «корреспонденция» в отношении видеосвязи.

Эволюция технологий порождает развитие понятийного аппарата. Предлагаемый термин «коммуникация» охватывает как объем понятия «корреспонденция», так и объем понятия «связь». Он поглощает их и дополнительно охватывает различные виды виртуального и невербального общения. Как верно отмечает А.В. Назарчук, «само понятие коммуникации возникло и получило распространение сравнительно недавно, в середине XX века. Его введение в научный обиход обязано исследо-

ваниям в области кибернетики и теории информации, а причиной информационно-коммуникационной революции является переход к электромагнитным сигналам и носителям информации» [9, с. 15-16].

Возникновение новых медиаформатов, развитие « сетевого общества », создание « виртуальных миров » требует новых подходов к обеспечению прав человека, и понятие « коммуникация » для научного обозначения исследуемого права является оптимальным. В информационном обществе оно наиболее полно отражает сущность охраняемых правоотношений.

Слово « коммуникация » в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой имеет два значения: сообщение, общение; путь сообщения, линия связи [6, с. 287]. Соответственно, коммуникация – это не только общение, но и средства, при помощи которых оно осуществляется. Таким образом, конституционное право на тайну коммуникации обеспечивает правовую охрану не только самого общения (его содержания), но и средств, при помощи которых оно осуществляется. Защита способов передачи информации является необходимым условием и гарантией защиты информации и обеспечения безопасности коммуникации.

#### **Содержание конституционного права на тайну коммуникации**

Значение права на тайну коммуникации как самостоятельного права человека и гражданина и гарантии обеспечения иных конституционных прав личности (как права второго уровня) возрастает в связи со стремительным развитием теории коммуникации, совершенствованием средств передачи вербальной и невербальной информации. Ведь « коммуникация, говоря образно, – это ткань, из которой в мире людей состоит все самое важное » [10, с. 7-9].

В информационном обществе повышается значение взаимосвязи между тайной коммуникации и тайной частной жизни, обусловленное сокращением личного пространства человека. Простое определение координат по данным мобильного устройства, отслеживание перемещений хоть и не связано напрямую с общением, но вместе с тем охватывается понятием « коммуникация » как передача

\* Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 дек. 2015 г. по делу « Роман Захаров (Roman Zakharov) против Российской Федерации » // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. N 6.

инной информации (в данном примере — географических координат).

Как уже отмечалось, ст. 23 Конституции Российской Федерации к коммуникации относит переписку, телефонные переговоры, почтовые, телеграфные и иные сообщения. В статье 15 Закона о почтовой связи говорится о почтовых, телеграфных и иных сообщениях. В перечень охраняемой информации включена также информация об адресных данных пользователей услуг почтовой связи, о почтовых отправлениях, почтовых переводах денежных средств, телеграфных и иных сообщениях. В статье 63 Закона о связи перечислены почтовые отправления, их вложения, информация и документальная корреспонденция, передаваемая по сетям электросвязи и сетям почтовой связи. К охраняемым сведениям в ней также отнесены сведения о передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи сообщениях, о почтовых отправлениях и почтовых переводах денежных средств.

Положения о распространении правовой защиты не только на содержание общения, но и на сам факт осуществления коммуникации и любые связанные с ней обстоятельства не являются новеллой. Если раньше эти вопросы касались переписки: «объектом права на тайну переписки является не только содержание корреспонденции, но и сам факт переписки между определенными лицами» [11, с. 137], то с развитием средств коммуникации изменился и перечень объектов правовой охраны, к которым на сегодняшний день относятся «любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи»\*. Расширение объекта правовой охраны не яв-

ляется выявлением новой сущности права на тайну коммуникации. Это естественное его развитие, следствие научного и технического прогресса.

Тайной коммуникации, согласно ст. 53 Закона о связи, являются сведения об абонентах (фамилия, имя, отчество или псевдоним абонента-гражданина, наименование (фирменное наименование) абонента — юридического лица, фамилия, имя, отчество руководителя и работников этого юридического лица), а также адрес абонента или адрес установки оконечного оборудования, абонентские номера и другие данные, позволяющие идентифицировать абонента или его оконечное оборудование, сведения баз данных систем расчета за оказанные услуги связи, в том числе о соединениях, трафике и платежах абонента.

Вследствие объективного отставания законодательства от технического прогресса судам в правоприменительной практике требуется дополнительно расширять перечень объектов правовой охраны, гарантированных правом на тайну коммуникации.

Как отмечается в судебной практике Европейского Суда по правам человека, даже для получения IMEI (международного идентификатора мобильного оборудования) требуется соблюдение установленной законом процедуры ограничения права\*\*.

Согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. N 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)»\*\*\* (далее — Постановление Пленума ВС РФ о судебной практике по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина) нарушением тайны телефонных переговоров является, в частности, незаконный доступ к информа-

\* Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Муллина Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 53 Федерального закона «О связи»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 окт. 2008 г. N 528-О-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

\*\* Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 дек. 2015 г. по делу «Роман Захаров (Roman Zakharov) против Российской Федерации».

\*\*\* Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2019. N 2.

ции о входящих и об исходящих сигналах соединения между абонентами или абонентскими устройствами пользователей связи (дате, времени, продолжительности соединений, номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов).

Вместе с тем в действующих нормативных правовых актах не урегулированы вопросы гарантированности тайны коммуникации в виртуальном информационном пространстве (например, общение в социальных сетях или в многопользовательских играх), не выработалась и соответствующая судебная практика. Безопасность подобных форм общения обеспечивается расширительным толкованием конституционного положения об «иных сообщениях».

Специальные нормы об охране таких видов коммуникации должны найти отражение при дальнейшем развитии права и законодательства с учетом реалий цифровизации. Как справедливо отмечается в юридической литературе, «нормативные разработки понятийного аппарата и юридических конструкций позволят существенным образом повысить гарантии реализации и защиты конституционных прав граждан в цифровом обществе» [12, с. 112].

Рассматривая правовую гарантированность новых способов коммуникации, сложно согласиться с А.В. Бурыловым в том, что право на защиту других сообщений, передаваемых по сетям электросвязи, от необоснованного вмешательства основывается на праве каждого человека на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений [13, с. 5-6]. Это, по существу, одно право. Названные в ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации «иные сообщения» охватывают все возможные способы коммуникации, поэтому никакого производного права в данном случае не возникает.

Подобного расширительного толкования «иных сообщений» придерживается Верховный Суд Российской Федерации. В пункте 5 Постановления Пленума ВС РФ о судебной практике по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина указывается, что под иными сообщениями в статье 138 УК РФ следует понимать сообщения граждан, передаваемые по сетям элек-

трической связи, например SMS- и MMS-сообщения, факсимильные сообщения, передаваемые посредством сети Интернет мгновенные сообщения, электронные письма, видеозвонки, а также сообщения, пересылаемые иным способом.

Таким образом, право на тайну коммуникации является конституционным правом личности, обеспечивающим безопасность общения, а именно безопасность обмена информацией в процессе общения при использовании любых известных средств, а также ее недоступность для других лиц без явно выраженного на это согласия.

### **Реализация конституционного права на тайну коммуникации: пределы и ограничения**

Известное выражение «права одного человека заканчиваются там, где начинаются права другого» нашло отражение в ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Это универсальный закон для определения пределов реализации любого права, в том числе и права на тайну коммуникации.

Изучая пределы права реализации на тайну коммуникации, следует обратить внимание на соотношение двух разных по сути, но близких по объекту прав: исследуемого права и права на доступ к информации (ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации). В целях обеспечения каждого из них важно определить границу между правом на тайну коммуникации и правом на доступ к информации.

В юридической науке право на информацию рассматривается в основном с точки зрения доступа к информации, находящейся в распоряжении органов власти, тогда как вопросам вторжения данного права в область права на тайну коммуникации уделяется недостаточное внимание.

В связи с этим следует заметить, что в условиях информатизации всех сторон жизни общества, перехода реализации прав и свобод человека и гражданина в «цифровое пространство» возрастает актуальность проблемы разграничения права на тайну коммуникации, с одной стороны, и права на доступ к информации (свободно искать, получать, передавать, производить

и распространять информацию любым законным способом) — с другой. Основой оптимального баланса между данными правами должен стать указанный в ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации «законный способ».

При этом важно, что право на тайну коммуникации не распространяется на те случаи, когда лица добровольно предоставили доступ к своей переписке, телефонным переговорам, почтовым, телеграфным и иным сообщениям, официально их опубликовав, разместив их в доступном для всех месте, в том числе в цифровом пространстве. При наличии согласия лиц на свободный доступ к их сообщениям они добровольно не пользуются правом на тайну коммуникации, соответственно, обязанность уполномоченных субъектов по обеспечению ее охраны не возникает.

Согласно п. 4 Постановления Пленума ВС РФ о судебной практике по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина «тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений признается нарушенной, когда доступ к переписке, переговорам, сообщениям совершен без согласия лица, чью тайну они составляют, при отсутствии законных оснований для ограничения конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений».

Ограничение конституционных прав осуществляется в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены при сочетании условий: 1) формального — введение ограничений федеральным законом; 2) фактического — только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Согласно ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации обеспечиваемое правом на тайну коммуникации право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации) не подлежит ограничению. В то же время право на

тайну коммуникации в соответствии с ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации может быть ограничено, но только на основании судебного решения.

С целью недопущения разглашения сведений о частной жизни, личной и семейной тайне при ограничении в установленном порядке права на тайну коммуникации уполномоченные органы обязаны обеспечить сохранность полученной информации и ее последующее уничтожение. Такой подход к установлению пределов права на тайну коммуникации и его ограничению реализован в законодательстве и подтверждается судебной практикой.

Согласно ч. 4 ст. 241 УПК РФ переписка, запись телефонных и иных переговоров, телеграфные, почтовые и иные сообщения лиц могут быть оглашены в открытом судебном заседании только с их согласия, в противном случае — в закрытом судебном заседании. Аналогичные положения содержатся в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ.

В пункте 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. N 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» установлено следующее: «Судам надлежит иметь в виду, что в соответствии с Федеральным законом “Об оперативно-розыскной деятельности” проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений может иметь место лишь при наличии у органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно; о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно; о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации»\*.

\* Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 1996. N 1.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 г. N 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года "О связи"» указывается: «Судья, рассматривающий ходатайство органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, о производстве действий, связанных с ограничением права на тайну телефонных переговоров, обязан подходить к оценке представляемых в таких случаях материалов ответственно и всесторонне. При недостаточной обоснованности ходатайства он может затребовать дополнительные сведения, но не вправе отказать в рассмотрении материалов об ограничении названного конституционного права»\*.

#### **Гарантии конституционного права на тайну коммуникации**

Реализуя потребность в общении, максимально свободном обмене информацией, граждане не всегда намерены раскрывать его содержание, делать доступным для других лиц, и в этом заключается их субъективное конституционное право на тайну коммуникации.

Вместе с тем, по наблюдениям М.Е. Черемисиновой, «...заинтересованность со стороны общества, бизнеса и государства в использовании телекоммуникационных ресурсов настолько высока, что неопределенность правовых последствий отходит на второй план» [14, с. 128]. При этом государство должно обеспечивать их гарантированность и защиту.

Следует согласиться с точкой зрения А.В. Безрукова о том, что «...в качестве гарантии конституционных прав и свобод выступает не только сам результат деятельности органов государственной власти, но и механизм — определенный законом порядок осуществления этой деятельности» [15, с. 100].

В целях обеспечения тайны коммуникации ст. 7 Закона о связи устанавливает правовой механизм охраны сетей и сооружений связи, в отношении которых операторами связи и застройщиками должна

быть обеспечена защита от несанкционированного доступа при строительстве и реконструкции зданий, строений, сооружений (в том числе сооружений связи), а также при построении сетей связи. Обязанность обеспечения защиты средств связи и сооружений связи от несанкционированного доступа возложена на операторов связи, их эксплуатирующих.

Конкретные правовые, организационные и технические меры защиты информации предусмотрены ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»\*\*. Они позволяют обеспечить защиту информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения и иных неправомерных действий, а также соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа. Как определено в законе, «государственное регулирование отношений в сфере защиты информации осуществляется путем установления требований о защите информации, а также ответственности за нарушение законодательства об информации, информационных технологиях и о защите информации». В совокупности эти нормы образуют юридический механизм как форму гарантии права на тайну коммуникации.

Отдельные аспекты данного механизма содержатся в иных правовых актах, регулирующих вопросы оказания услуг связи. В постановлении Европейского Суда по правам человека отмечается следующее: «Обеспечение эффективности подобных средств защиты — прямая обязанность государства, призванная оградить граждан от произвола властей, несанкционированного сбора или распространения сведений о частной и семейной жизни и нарушения права граждан на тайну переписки»\*\*\*.

Право на тайну коммуникации гарантируется принятием ряда правовых,

\*\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 31 (ч. I). Ст. 3448.

\*\*\* Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 дек. 2015 г. по делу «Роман Захаров (Roman Zakharov) против Российской Федерации».

\* Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2004. N 1.

организационных и экономических мер. Перечисленные правовые меры являются ядром юридических гарантий права на тайну коммуникации. Они обязательны к исполнению всеми субъектами права, и на это прямо указывает Конституционный Суд Российской Федерации: «статья 23 (часть 2) Конституции Российской Федерации... является в силу ее статьи 15 (части 1 и 2) нормой прямого действия, обязательной для соблюдения всеми субъектами права, — отсутствие в федеральном законодательстве прямого указания на обязанность именно правообладателя интернет-сервиса, посредством которого осуществляется отправка и получение электронных сообщений, обеспечивать тайну связи не может рассматриваться как свидетельство отсутствия у него такой обязанности»\*.

К юридическим гарантиям права на тайну коммуникации следует также отнести юридическую ответственность за ее нарушение. В случае нарушения данного права могут применяться все известные виды юридической ответственности, включая конституционно-правовую. В мировой практике ярким примером использования такого вида ответственности за нарушение права на тайну коммуникации является «уотергейтский скандал», когда в связи с незаконным прослушиванием телефонов высокопоставленных чиновников и влиятельных бизнесменов Президент США Р. Никсон «добровольно» ушел в отставку ввиду неотвратимости объявления импичмента.

Как отмечается в п. 6 Постановления Пленума ВС РФ о судебной практике по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина, ответственность за незаконные действия, нарушающие тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений конкретных лиц или неопределенного круга лиц, наступает независимо от того, составляют

передаваемые в переписке, переговорах, сообщениях сведения личную или семейную тайну гражданина или нет. Иными словами, для наступления юридической ответственности установление самого факта нарушения права на тайну коммуникации является достаточным условием.

Совокупность указанных положений законодательства и правовых позиций высших органов судебной власти выступает надежной правовой гарантией права на тайну коммуникации и позволяет обеспечивать его всестороннюю защиту.

### Выводы

Нарастающие процессы информатизации объективно актуализировали вопросы обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, реализация большинства из которых «переместилась» в цифровое пространство. Цифровизация современного общества породила ряд проблем в сфере гарантированности права на тайну коммуникации, усилив актуальность данного направления исследований. Проведенный в рамках данной статьи анализ позволил предложить введение в научный оборот понятия «конституционное право на тайну коммуникации», выявить новые аспекты обеспечения прав и свобод личности и сформулировать следующие умозаключения:

1. Под конституционным правом на тайну коммуникации понимается охраняемая конституцией возможность реализации личностью потребности в общении в различных его формах посредством любых доступных средств обмена информацией при обеспечиваемой государством недоступности информации, которой обмениваются в процессе общения, а также о любых связанных с общением обстоятельствах, другим лицам.

Конституционное право на тайну коммуникации является интегративной научной конструкцией, включающей право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Будучи результатом развития таких юридических конструкций, как «право на уважение корреспонденции» и «право на тайну связи», данное право наиболее полно отражает сущность охраняемых конституционных прав в современном информационном обществе.

\* По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 окт. 2017 г. N 25-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. N 45. Ст. 6735.

2. Право на тайну коммуникации предполагает безопасность в отношении следующей информации:

— любое содержание межличностного общения, выраженное как в вербальной, так и невербальной форме, передаваемое через средства коммуникации;

— любые сведения об осуществлении межличностного общения через средства коммуникации (факт общения, дата, время, место, способ, абоненты и их данные, данные об оборудовании, продолжительность и т.д.). Гарантии права на тайну коммуникации заключаются в том, что указанные объекты подлежат защите от любого незаконного доступа (ознакомление с ними, копирование, записывание с помощью различных технических устройств и т.п.);

— все известные средства коммуникации. В части 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации перечислены переписка, телефонные переговоры, почтовые, телеграфные сообщения. Содержащееся в ней положение об «иных сообщениях» делает данный перечень открытым, распространяя охранительное воздействие названной нормы на все имеющиеся в на-

стоящее время и создаваемые в будущем средства коммуникации.

3. Гарантированный правом на тайну коммуникации режим охраны обеспечивает защиту указанных объектов от несанкционированного доступа любых субъектов права: государства, органов публичной власти, должностных лиц, организаций, граждан и др., а в перспективе — искусственного интеллекта.

4. В условиях стремительного развития технологий, цифровизации практически всех сфер жизни общества гарантированность права на тайну коммуникации приобретает важное значение. Только государство с его возможностями правового регулирования, государственным аппаратом, реализуя охранительную функцию, может обеспечить это важное для каждого человека право. Гарантированность данного права обеспечивается системой правовых, организационных, экономических мер. Юридический механизм его обеспечения включает установленный законом порядок осуществления конституционного права на тайну коммуникации, основания и пределы его ограничения и юридическую ответственность за нарушение данных процедур.

### Список литературы

1. Нарутто С.В. Тайна связи. (Научная статья подготовлена для системы «КонсультантПлюс». 2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Изотова А.Н. Отдельные вопросы обеспечения тайны связи // Евразийский юридический журнал. 2018. N 1. С. 300-302.
3. Бушков Д.В. Право на тайну личной корреспонденции как объект уголовно-правовой охраны // Общество и право. 2004. N 2. С. 48-52.
4. Борзова В.А. Право на тайну корреспонденции в современном российском государстве // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России: материалы XI междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей: сб. науч. ст. Саратов: Саратовский национальный исследовательский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2018. С. 40-44.
5. Шварц М.З. К вопросу о тайне личной коммуникации в контексте правил доказывания в гражданском судопроизводстве // Закон. 2018. N 4. С. 56-63.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
7. Медведева Т.В. Ольфакция как составляющая невербальной коммуникации // Языки и литература в поликультурном пространстве. 2016. N 2. С. 99-103.
8. Обухова Ю.О. Мобильный телефон как средство самопрезентации в межличностной коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. N 2. С. 119-138.
9. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии: учебник. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 320 с.
10. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 231 с.
11. Петрухин И.Л. Личная жизнь: пределы вмешательства. М.: Юрид. лит., 1989. 192 с.
12. Карасев А.Т., Кожевников О.А., Мещерягина В.А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антиномии. 2019. Т. 19. N 3. С. 99-119.

13. Бурылов А.В. Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в Российской Федерации: Конституционно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Екатеринбург, 2003. 22 с.
14. Черемисинова М.Е. Реализация законных интересов в сети Интернет // Журнал российского права. 2018. N 9. С. 120-130.
15. Безруков А.В. Конституционное право России: учеб. пособие. М.: Юстицинформ, 2018. 344 с.

### References

1. Narutto S.V. The secret of communication (The scientific article was prepared for the «ConsultantPlus» system. 2020). Access from the reference legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).
2. Izotova A.N. Certain issues of ensuring the secrecy of communication. Eurasian law journal, 2018, no. 1, pp. 300-302. (In Russ.).
3. Bushkov D.V. The right to privacy of personal correspondence as an object of criminal law protection. Society and law, 2004, no. 2, pp. 48-52. (In Russ.).
4. Borzova V.A. The right to privacy of correspondence in the nowadays Russian state. Actual problems of legal, social and political development of Russia. Saratov state University, 2018. Pp. 40-44. (In Russ.).
5. Shvarts M.Z. On the issues of the secret of personal communication in the context of rule in civil proceedings. Law, 2018, no. 4, pp. 56-63. (In Russ.).
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions. Moscow, A TEMP Publ., 2006. 944 p. (In Russ.).
7. Medvedeva T.V. Olfaction as a component of non-verbal communication. Languages and literature in a multicultural space, 2016, no. 2, pp. 99-103. (In Russ.).
8. Obukhova Yu.O. Mobile phone as a means of self-presentation in interpersonal communication. Journal of Sociology and Social Anthropology, 2011, vol. 14, no. 2, pp. 119-138. (In Russ.).
9. Nazarchuk A.V. Communication theory in modern philosophy. Moscow, 2009. 320 p. (In Russ.).
10. Gavra D.P. Fundamentals of Communication theory. Moscow, 2019. 231 p. (In Russ.).
11. Petrukhin I.L. Personal life: the limits of intervention. Moscow, 1989. 192 p. (In Russ.).
12. Karasev A.T., Kozhevnikov O.A., Meshcheryagina V.A. Digitalization of legal relations and its impact on implementation of particular constitutional rights of citizens in the Russian Federation. Antinomies, 2019, vol. 19, no. 3, pp. 99-119. (In Russ.).
13. Burylov A.V. The right to privacy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph and other messages in the Russian Federation: Constitutional and legal analysis. Cand. Diss. Yekaterinburg, 2003. 22 p. (In Russ.).
14. Cheremisinova M.E. Implementation of legitimate interests on the internet. Journal of Russian Law, 2018, no. 9, pp. 120-130. (In Russ.).
15. Bezrukov A.V. Constitutional law of Russia. Moscow, Yustitsinform Publ., 2018. 344 p. (In Russ.).

САРАНЧИН Д.В., SARANCHIN D.V.,  
Oksana.r81@yandex.ru Oksana.r81@yandex.ru  
Кафедра оперативно-разыскной деятельности  
и оперативно-технических мероприятий  
органов внутренних дел;  
Тюменский институт повышения  
квалификации сотрудников  
Министерства внутренних дел  
Российской Федерации,  
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75  
Chair of detective activities  
and crime detection technical actions  
of the internal affairs bodies;  
Tyumen Advanced Training Institute  
of the Ministry of the Interior  
of the Russian Federation,  
Amurskaya St. 75, Tyumen,  
625049, Russian Federation

### ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЯНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТАТЬЕЙ 151.2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные вопросы уголовной ответственности, возникающие при применении статьи 151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделено таким квалифицирующим признакам, как вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а также осуществленное в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет. В результате проведенного исследования автором статьи формулируются предложения по совершенствованию статьи 151.2 уголовного закона, а также рекомендации по квалификации анализируемого преступления.

**Ключевые слова:** уголовный кодекс; уголовная ответственность; девиантное поведение; несовершеннолетний; отягчающее обстоятельство; квалифицирующий признак; опасность для жизни несовершеннолетнего.

Для цитирования: Саранчин Д.В. Проблемы дифференциации ответственности за деяние, предусмотренное статьей 151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. N 3 (53). С. 138-146.

### PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY FOR THE ACT PROVIDED BY ARTICLE 151.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Annotation.** Topical issues of criminal liability arising when applying Article 151.2 of the Criminal Code of the Russian Federation are discussed in the article. Special attention is paid to such qualifying elements as the involvement of a minor in the commission of actions that pose a danger to the life of a minor, committed by a group of persons by prior agreement or by an organized group, as well as carried out in a public speech, a publicly displayed work, in the media or information and telecommunications networks, including the Internet. As a result of the research, the author of the article formulates proposals for improving Article 151.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as recommendations for qualifying the analyzed crime.

**Keywords:** criminal code; criminal liability; deviant behavior; minor; aggravating circumstance; qualifying element; danger to the life of a minor.

For citation: Saranchin D.V. Problems of differentiation of responsibility for the act provided by Article 151.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2020. No. 3 (53). P. 138-146.

Закрепление в статьях Особенной части УК РФ отягчающих обстоятельств — квалифицирующих признаков является одним из основных средств дифференциации уголовной ответственности лиц, вино-

ных в совершении преступлений [1, с. 105]. В настоящее время вопросы вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, совершенного

группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «б» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ), являются актуальной научной проблемой.

Как справедливо отмечает В.М. Гарманов, «...групповое преступление представляет значительную опасность, т.к. при таком способе преступления повышается вероятность достижения преступного результата, более того, при таком объединении участников их деятельность может носить планомерный характер, обстоятельства преступления могут тщательно продумываться соучастниками и др.» [2, с. 21]. В связи с этим представляется обоснованным закрепление в уголовном законе группового способа совершения вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, в качестве квалифицирующего признака состава преступления.

Содержание квалифицирующих признаков группы лиц по предварительному сговору и организованной группы, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ, определено в ст. 35 УК РФ и является достаточно разработанным в уголовном праве, как в общем учении о соучастии в преступлении, так и применительно к составам отдельных преступлений [3, с. 8].

Данные квалифицирующие признаки не характеризуются специфическим содержанием применительно к составу вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего. И.В. Сидорова в качестве особенности выделяет лишь то, что чаще всего вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, осуществляется группой виновных, которые сами участвуют в противоправных действиях, опасных для жизни [4, с. 45].

При этом каждый из участников группы лиц по предварительному сговору должен совершить действия, входящие в объективную сторону состава данного преступления. Другими словами, каждый из участвующих в преступном вовлечении должен быть соисполнителем этого преступления, действующим по предварительному сговору с другими соучастниками.

Группа соисполнителей-вовлечателей может состоять только из лиц, склоняющих подростка к совершению противоправных действий, опасных для жизни, либо иным способом вовлекающих его в это [4, с. 46]. Группа лиц может также состоять из соисполнителей, один из которых склоняет потерпевшего к девиантному поведению, опасному для жизни, а другой применяет для этого обман, угрозу, насилие или иной способ побуждения несовершеннолетнего к указанному поведению. Вне зависимости от того, полностью или частично каждый из участников преступления совершает действия, входящие в объективную сторону преступления, каждый из них является соисполнителем, а преступление должно признаваться групповым, если соучастники заранее договорились о его совместном совершении.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации неоднократно указывал, что в соответствии со ст. 35 УК РФ организованная группа характеризуется устойчивостью, более высокой степенью организованности, распределением ролей, наличием организатора и (или) руководителя\*. При квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, совершенного организованной группой, все участники организованной группы, достигшие восемнадцатилетнего возраста, независимо от их роли в совершении преступления признаются соисполнителями данного преступления и несут ответственность по п. «б» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ. Речь идет не только о тех лицах, которые непосредственно полностью или частично выполняли объективную сторону преступного вовлечения, но и о других членах организованной группы, руководивших совершением преступления или содействовавших ему [5, с. 25].

Относительно правильности закрепления признаков «группа лиц по предварительному сговору» и «организованная

\* См., например: О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. N 12 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2010. N 130.

группа» в рамках одного квалифицированного состава преступления следует отметить, что это не отвечает цели дифференциации уголовной ответственности за рассматриваемое преступление. По общему правилу совершение преступления организованной группой обладает повышенной степенью общественной опасности по сравнению с преступлением, совершенным группой лиц по предварительному сговору. Следовательно, наказание за данные виды соучастия в преступлении не должно быть одинаковым. Ввиду этого уголовное наказание за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, в составе организованной группы должно быть более строгим.

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, совершенное посредством публичного выступления, публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) (п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ) — квалифицирующий признак, охватывающий несколькоотягающих обстоятельств, характеризующих способ преступного вовлечения. Повышенная степень общественной опасности подобного способа преступления обусловлена его публичным характером, тем, что лицо использует средства массовой коммуникации, когда преступное деяние совершается в условиях информационного воздействия на широкий или неопределенный круг лиц. Благодаря такому способу в числе потерпевших от преступления могут оказаться многие несовершеннолетние.

В отличие от понятия «средство массовой информации», легальное определение которого существует в законодательстве, и понятия «информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть Интернет)», толкование которого может быть определенным, наибольшие трудности при квалификации квалифицированного вовлечения представляет оценка первых двух квалифицирующих признаков, поскольку в законодательстве они не определены. Практическое значение имеет постановка вопросов о значении понятий «выступле-

ние» и «произведение», а также о публичности выступления и произведения.

Рассматриваемый квалифицирующий признак содержится в ряде других составов преступлений (доведение до самоубийства; склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства; организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства; клевета; нарушение неприкосновенности частной жизни; публичные призывы к осуществлению террористической деятельности; публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма; жестокое обращение с животными; публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и др.). В связи с этим в уголовно-правовых исследованиях обозначенные вопросы ставились.

Ю.М. Ткачевский, например, среди публично демонстрирующихся произведений выделяет «стенные газеты, листовки или сообщения, напечатанные на пишущей машинке, написанные от руки, графические изображения, фотомонтажи и т.п., приклеенные на стендах, стенах, дверях в общественном здании» [6, с. 45].

С точки зрения А.В. Хабарова, публичное выступление представляет собой сообщение информации одновременно большой группе людей (но не менее чем 2-3 лицам), которые собрались (скопились) в определенном месте [7, с. 158]. Приведенные мнения достаточно распространены в литературе при характеристике соответствующего квалифицирующего признака применительно к тому или иному составу преступления. Однако они являются оценочными и не содержат четких ответов на поставленные выше вопросы.

По нашему мнению, вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, реализованное в публичном выступлении, имеется, если склонение или иное вовлечение совершалось виновным в процессе передачи информации другим лицам, когда субъект передачи информации завладевает вниманием других лиц. В такой ситуации лицо, используя целенаправленный процесс передачи информации другим лицам, внимание которых приковано к информационному воздействию, вовлекает несовершеннолетнего в соверше-

ние действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего. При этом для квалификации не имеет значения форма публичного выступления (произнесение речи на митинге или шествии, в процессе чтения лекции, выступление на школьном собрании или при ином скоплении несовершеннолетних).

Исходя из этого публичное выступление как квалифицирующий признак вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, будет отсутствовать, если виновный склонил или иным образом вовлек потерпевшего в девиантное поведение в присутствии других лиц, однако не в процессе целенаправленного сообщения им какой-либо информации, приковывающей их внимание к виновному и выражающей формат публичного выступления (например, преступное вовлечение потерпевшего в присутствии его сверстников или других лиц). Таким образом, при квалификации преступления необходимо учитывать различия между двумя понятиями – «вовлечение, содержащееся в публичном выступлении» и «публичное вовлечение».

По мнению И.В. Сидоровой, которая проанализировала содержание соответствующего квалифицирующего признака применительно к оскорблению, термин «произведение» вносит определенные ограничения в объем соответствующего квалифицирующего признака. Авторы считают, что «не любой публично демонстрирующийся материал оскорбительного характера может признаваться произведением по смыслу ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ, а лишь тот, что создан в результате творческой деятельности виновного (рисунки, фотоматериалы, кино-, аудио- и печатная продукция, сценическая игра и т.п.)». Следовательно, вряд ли можно считать произведением оскорбительные объявления, нехудожественные надписи, хотя и демонстрирующиеся публично. Иное, по их мнению, означает расширительное толкование уголовно-правовой нормы, граничащее с применением уголовного закона по аналогии [4, с. 98].

Полагаем, что с этим мнением применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 151.2 УК РФ, можно согласиться частично. Чаще всего публичное вовлече-

ние несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, содержится не в художественной или иной литературе, иных формах традиционного творчества (рисунках, песнях и т.п.), а в коротких надписях, объявлениях, которые наносятся на тротуары, уличные столбы, заборы, фасады зданий и т.п. (например, распространенные в Санкт-Петербурге надписи «Экскурсии по крышам. Тел.: ...»). Очевидно, что в таком случае склонение к совершению противоправных действий, опасных для жизни, носит публичный характер, однако не содержится в публичном выступлении, средствах массовой информации или сети Интернет. Если не расценивать данный способ вовлечения в качестве публично демонстрирующегося произведения, то уголовная ответственность виновного за преступление при отягчающих обстоятельствах будет исключена. В связи с этим прием расширительного толкования понятия «произведение» является оправданным, следовательно, произведением можно назвать объявление на фонарном столбе, надпись на тротуаре или фасаде здания. Если речь вести о буквальном значении слова «произведение», то такие приведенные формы публичного выражения информации произведением признать трудно. В этой части упомянутые выше авторы правы.

На основании вышеизложенного считаем, что с позиции расширительного толкования под произведением в п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ необходимо понимать любой продукт физической или интеллектуальной деятельности человека (книга, статья в журнале, интервью, стихи, песня, афиша, видео-, фото-, аудиодокументы, в том числе афиши и рекламная продукция, надписи в общественных местах и т.п.), содержанием которого является рассчитанная на несовершеннолетних информация о возможности или необходимости совершения ими противоправных действий, опасных для их жизни.

Исходя из повышенной общественной опасности вовлечения несовершеннолетнего в девиантное поведение, опасное для жизни, посредством любых публичных материалов, представляется возможным закрепить новую редакцию рассматриваемого квалифицирующего признака,

заменяя слова «в публично демонстрирующемся произведении» на слова «в публично демонстрирующейся форме».

Переходя к анализу признака публичности выступления и публичности демонстрирующегося произведения, следует отметить, что понятием «публичность» (от лат. *publicus* — народный, общественный, государственный) обозначают те общественные отношения, основополагающим элементом которых является общественный, государственный интерес [8, с. 238]. Согласно Толковому словарю С.И. Ожегова слово «публичный» понимается как осуществляемый в присутствии публики, открытый, общественный, не частный.

Таким образом, публичность выступления или публичная демонстрация произведения означает доведение соответствующей информации до сведения многих лиц, обычно неопределенного или неограниченного числа лиц. Включением соответствующего квалифицирующего признака в состав преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ, подчеркнута повышенная степень общественной опасности вовлечения несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, опасных для жизни [9, с. 26], если такое вовлечение адресовано большому количеству людей, особенно несовершеннолетним. Если даже произведение выставлено для публичного обозрения в единственном экземпляре (например, настенная надпись), то преступное вовлечение нужно признавать содержащимся в публично демонстрируемом произведении.

В литературе высказано верное мнение о том, что публично демонстрирующимся следует признавать любое произведение, предназначенное для ознакомления с ним неопределенного количества человек [4, с. 73]. Соответственно, квалифицированный состав преступного вовлечения, содержащегося в публично демонстрирующемся произведении, будет иметь место тогда, когда информация о возможности и необходимости совершения противоправных действий, опасных для жизни несовершеннолетнего, рассчитана на то, чтобы стать достоянием десятков, сотен или тысяч человек, в том числе тогда, когда массового распространения соответствующей информации не произошло ввиду своевременного

изъятия произведения из публичной демонстрации. Приготовление к публичному вовлечению несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, опасных для жизни (например, изготовление текста или видеоролика соответствующего содержания, достижение договоренности о его публичном издании или размещении и т.п.) уголовной ответственности не влечет согласно правилу ч. 2 ст. 30 УК РФ [4, с. 98].

Особая сложность в оценке публичного способа преступного вовлечения возникает в случае, когда круг третьих лиц, до сведения которых виновным доводится информация о необходимости совершения противоправных действий, опасных для жизни, индивидуально определен (например, поименный список школьников или студентов). Полагаем, что, исходя из смысла закона, нельзя расценивать как публичное такое выступление, которое было адресовано одному или двум лицам, до сведения которых виновный доводит соответствующую информацию. В таком случае актуальным является вопрос о количестве лиц, которым адресовано публичное выступление виновного. Это, в свою очередь, вызывает другой вопрос — об отличии вовлечения несовершеннолетнего в опасное для жизни девиантное поведение, содержащегося в публичном выступлении, от аналогичного деяния, совершенного в отношении двух или более несовершеннолетних.

В юридической литературе количественное содержание признака публичности характеризуется по-разному. Обычно публичное выступление характеризуют как выступление на митинге, демонстрации, собрании определенных лиц [7, с. 23]. Н.К. Рудый полагает, что публичными следует признавать действия, совершенные в учреждениях или общественных местах (при большом скоплении народа) с использованием средств массовой информации либо в присутствии хотя бы одного постороннего лица [10, с. 24]. А.В. Хабаров связывает публичность с большой группой людей (но не менее 2-3 человек) [7, с. 158].

Следует согласиться с выводом, полученным И.В. Сидоровой, в соответствии с которым все попытки формализовать признак публичности конкретным числом лиц оставляют широкую почву для теоретических упреков и дискуссий. Очевидно

также то, что в существующем виде такой квалифицирующий признак, как публичное выступление, обуславливает широкий спектр субъективных оценок в правоприменительной практике, создает возможность манипулирования нормой закона [4, с. 101]. Заслуживают внимания выработанные указанными авторами критерии оценки публичности выступления, а именно то, что не вызывает сомнения, что публичным следует считать выступление, адресованное неопределенному количеству людей при их массовом скоплении (например, митинг, народные гуляния и т.п.), а равно определенной аудитории людей, исчисляемых сотнями или десятками человек (например, присутствующие на лекции, участники собрания и т.п.). Следовательно, проблема оценки публичности выступления, содержащего призыв конкретных несовершеннолетних к совершению противоправных действий, опасных для жизни, остро стоит применительно к аудитории до одного десятка человек [4, с. 101].

Понятие «средства массовой информации» предусмотрено Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. N 2124-1 «О средствах массовой информации»\* (далее – Закон о СМИ). В статье 4 данного закона содержится запрет на использование средств массовой информации в целях совершения противоправных деяний. Включение средства массовой информации в число квалифицирующих признаков вовлечения несовершеннолетнего в противоправные действия, опасные для жизни, не является случайным, поскольку это разновидность публичного способа преступного вовлечения.

Согласно ст. 2 Закона о СМИ под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы. Под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой

информации под постоянным наименованием (названием). Кроме того, в ней раскрывается содержание других основных понятий («периодические печатные издания», «продукция средств массовой информации»), которые также могут использоваться при уголовно-правовой оценке рассматриваемого квалифицирующего признака.

Понятие средства массовой информации характеризуется следующими признаками: массовость, то есть распространяемая с помощью носителя информация должна быть предназначена для неограниченного круга лиц; периодичность, то есть выход через определенные промежутки времени; распространяемость, то есть лица должны получать к нему доступ самостоятельно.

Особое значение в уголовно-правовом противодействии преступному вовлечению несовершеннолетних в девиантное поведение, опасное для жизни, имеет включение в число способов совершения этого преступления как квалифицирующих признаков использование информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе Интернета). В соответствии с содержащимся в Законе о СМИ понятием «средства массовой информации» информационно-телекоммуникационная сеть Интернет не относится к средствам массовой информации, и это порождало проблемы квалификации, например, экстремистских преступлений, совершенных с использованием сети Интернет [11, с. 6]. Формой существования СМИ в Интернете, как указано в законе, является только сетевое издание – сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с законом о СМИ. Однако по характеру и способам распространения информации, значению в жизни современного общества Интернет соответствует категории средства массовой информации, а по некоторым характеристикам (объемы и скорость передачи данных) многократно превосходит традиционные СМИ. Поэтому выделение вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, посредством сети Интернет в качестве квалифицирующего способа совершения преступления, безусловно, является обоснованным.

\* Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. N 7. Ст. 300.

Формулирование в ч. 2 ст. 151.2 УК РФ квалифицированного состава с учетом вышеописанных отягчающих обстоятельств не означает, что возможности дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, исчерпаны.

Как уже отмечалось, в ст. 151.2 УК РФ, в отличие от ст.ст. 150 и 151 УК РФ, в квалифицированный состав анализируемого преступления не выделены такие способы вовлечения, как применение насилия или угроза его применения. Вследствие этого применение физического насилия к несовершеннолетнему или угроза его применения в процессе вовлечения в совершение противоправных действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, квалифицируются по ч. 1 ст. 151.2 УК РФ, в том числе по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 115, ст.ст. 111, 112, 116, 117, 119 УК РФ.

Такой подход, допускающий при квалификации насильственных способов вовлечения в одних случаях совокупность преступлений, в других — единое преступление, не может не вызывать возражения. Во-первых, насильственный способ преступного вовлечения по сравнению с иными способами совершения преступления обладает повышенной степенью общественной опасности, поскольку применение насилия или угроза его применения посягают на дополнительный объект уголовно-правовой охраны — здоровье и неприкосновенность личности. Справедливо высказывание А.Э. Жалинского о том, что «нужно осознать приоритетность правового противостояния насилию», недооценка опасности последнего приводит к искажению логики развития законодательства, что проявляется, в частности, в парадоксах наказуемости различных по характеру и степени общественной опасности преступлений [12, с. 31].

Законодательство традиционно учитывает повышенную общественную опасность насильственного способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий, предусматривая применение насилия и угрозы его применения в качестве особо

квалифицирующих признаков данных преступлений (ч. 3 ст. 150 и ч. 3 ст. 151 УК РФ). Размеры санкций в указанных нормах характеризуют преступления как тяжкие (лишение свободы на срок до 7 лет в ч. 3 ст. 150 УК РФ и лишение свободы до 6 лет в ч. 3 ст. 151 УК РФ). Соответственно, признаком насилия охватываются последствия, включая вред здоровью средней тяжести, и дополнительной квалификации по ст.ст. 112, 115, 116, 116.1, 119 УК РФ не требуется.

В сравнении с наказуемостью насильственного вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий строгость уголовной ответственности за насильственное вовлечение несовершеннолетнего в противоправные действия, опасные для его жизни, не выдерживает критики. Например, если в процессе вовлечения к несовершеннолетнему было применено физическое насилие в виде умышленного причинения вреда здоровью средней тяжести, то с учетом квалификации содеянного по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 151.2 и ч. 1 ст. 112 УК РФ, максимальное наказание, которое может быть назначено по правилам ч. 2 ст. 69 УК РФ, не будет превышать 4,5 лет лишения свободы. А в случае совокупности преступления, квалифицируемого по ч. 1 ст. 151.2 УК РФ с преступлениями, предусмотренными ч. 2 ст. 115, ст. 116, ч. 1 ст. 119 УК РФ, максимальное наказание не будет превышать трех лет лишения свободы. Думается, что такой уровень наказуемости не соответствует действительным характеру и степени общественной опасности насильственного вовлечения несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, представляющих опасность для его жизни, которые вполне сопоставимы с характером и степенью общественной опасности насильственных форм однородных преступлений, предусмотренных ст.ст. 150 и 151 УК РФ. При этом следует подчеркнуть, что преступления, предусмотренные частями третьими ст. 150 и ст. 151 УК РФ, являются тяжкими.

Исходя из этого полагаем, что ст. 151.2 УК РФ необходимо дополнить особо квалифицирующим составом преступления по признаку применения насилия или угрозы его применения, предусмотрев за это преступление наказание в виде лише-

ния свободы на срок от двух до шести лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. Для этого предлагается внести в ст. 151.2 УК РФ часть третью следующего содержания:

«3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, —

наказываются лишением свободы на срок от двух до шести лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового».

Ответственность по ч. 1 ст. 151.2 УК РФ несет любое лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста, в том числе родитель, педагог и иное лицо, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. В связи с этим очевиден законодательный пробел в дифференциации уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, поскольку для последней категории субъектов преступления не предусматривается более строгого уголовного наказания в рамках ст. 151.2 УК РФ. Между тем соответствующий критерий дифференциации ответственности, состоящий в особом правовом статусе лица, совершающего преступное вовлечение, традиционно используется при регламентации оснований ответственности за другие преступления против несовершеннолетних (ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ). Г.А. Трофимова, изучившая судебную практику по ст.ст. 150 и 151 УК РФ, пришла к выводу о том, что лицами, совершающими преступления, выступают преимущественно малообразованные, неработающие, ведущие нездоровый асоциальный, а то и преступный образ жизни родители, пренебрежительно относящиеся к имеющимся у них по воспитанию и содержанию ребенка обязанностям [13, с. 18].

Учитывая, что преступление против несовершеннолетних, предусмотренное ст. 151.2 УК РФ, является однородным с другими преступлениями против несовершеннолетних, состоящими в преступном вовлечении в девиантное поведение, имеет с ними в сущности одинаковый непосредственный объект, по нашему мнению, в законодательстве следует использовать

унифицированную модель дифференциации уголовной ответственности за указанные преступления.

В связи с этим предлагаем включить в ст. 151.2 УК РФ квалифицирующий признак, предусмотренный в частях вторых статей 150 и 151 УК РФ: «То же деяние, совершенное родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего».

Следует учитывать, что данный квалифицирующий признак распространяется на случаи вовлечения виновным в противоправное поведение, опасное для жизни несовершеннолетнего, по отношению к которому на него возложена юридическая обязанность по воспитанию. Следовательно, на случаи преступного вовлечения «чужих» несовершеннолетних данный квалифицирующий признак не распространяется.

Выводы:

1. За вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, в составе организованной группы должно следовать более строгое уголовное наказание. Это может быть достигнуто путем выделения данного признака в особо квалифицированный состав преступления и закрепление последнего в ч. 3 ст. 151.2 УК РФ.

2. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, осуществленное в публичном выступлении, будет иметь место при условии, если склонение или иное вовлечение совершалось виновным в процессе целенаправленной передачи информации другим лицам, когда субъект передачи информации завладевает их вниманием (произнесение речи на митинге или шествии, в процессе чтения лекции, выступление на школьном собрании или при ином скоплении несовершеннолетних).

3. Под произведением в п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ необходимо понимать любой продукт физической или интеллектуальной деятельности человека (книга, статья в журнале, интервью, стихи, песня, афиша, видео-, фото- и аудиодокументы, в том числе афиши и рекламная продукция, надписи в общественных местах и т.п.), содержанием которого является рассчитан-

ная на несовершеннолетних информация о возможности или необходимости совершения ими противоправных действий, опасных для их жизни.

4. Учитывая повышенную общественную опасность вовлечения несовершеннолетнего в девиантное поведение, опасное для жизни, посредством любых публичных материалов, предлагается сформулировать соответствующий квалифицирующий при-

знак, заменив слова «в публично демонстрирующемся произведении» словами «в публично демонстрирующейся форме».

5. Часть вторую статьи 151.2 УК РФ предлагается дополнить квалифицирующим признаком: «То же деяние, совершенное родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего».

### Список литературы

1. Саранчин Д.В. Квалифицирующие признаки состава преступления, предусмотренного статьей 151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. N 2 (13). С. 105-110.
2. Гарманов В.М. Уголовная ответственность за получение взятки: учеб.-практ. пособие. Тюмень, 2009. 113 с.
3. Бессонов А. Уголовно-правовая характеристика убийства, совершенного организованной группой // Уголовное право. 2005. N 5. С. 8-11.
4. Сидорова И.В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2010. 216 с.
5. Моисеенко М.И. Посредничество во взяточничестве уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Тюмень, 2014. 214 с.
6. Курс уголовного права. Особенная часть: учебник для вузов: в 3 т. Т. 3 / под ред. Г.И. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 2002. 442 с.
7. Хабаров А.В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учеб.-метод. комплекс и курс лекций для студентов дистанционной формы обучения. Тюмень, 2001. 517 [1] с.
8. Касаткина С.А. Публичность и диспозитивность в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2002. 255 с.
9. Коровин Е.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего: учеб. пособие. Ставрополь, 2019. 69 с. Сер.: Борьба с преступностью: вчера, сегодня, завтра.
10. Рудый Н.К. Квалификация оскорбления представителя власти // Мировой судья. 2007. N 12. С. 22-25.
11. Алаторцев А.Ю. Новые разъяснения Пленума Верховного Суда об уголовной ответственности за экстремизм в Интернете в контексте принципа правовой определенности // Уголовное право. 2017. N 2. С. 4-11.
12. Жалинский А.Э. Насильственная преступность и уголовная политика // Советское государство и право. 1991. N 3. С. 31-34.
13. Трофимова Г.А. Уголовная ответственность родителей: оптимизация действующих норм // Адвокат. 2017. N 3. С. 18-22.

### References

1. Saranchin D.V. Qualifying signs of corpus delicti under article 151.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 2 (13), pp. 105-110. (In Russ.).
2. Garmanov V.M. Criminal liability for receiving a bribe. Tyumen, 2009. 113 p. (In Russ.).
3. Bessonov A. Criminal-legal characteristics of the murder committed by an organized group. Criminal law, 2005, no. 5, pp. 8-11. (In Russ.).
4. Sidorova I.V. Criminal and legal characteristics of insult. Cand. Diss. Omsk, 2010. 216 p (In Russ.).
5. Moiseenko M.I. Mediation in bribery criminal-legal characteristics and qualification issues. Cand. Diss. Tyumen, 2014. 214 p. (In Russ.).
6. Criminal Law Course. The special part. Volume 3. ed. G.I. Borzenkov, V.S. Komissarov. Moscow, 2002. 442 p. (In Russ.).
7. Khabarov A.V. Criminal law of the Russian Federation. Special part. Tyumen, 2001. 517 [1] p. (In Russ.).
8. Kasatkina S.A. Publicity and Dispositiveness in the Russian Criminal Procedure 2002. 255 p. (In Russ.).
9. Korovin E.P. Criminal liability for involving a minor in the commission of acts that pose a danger to the life of a minor. Stavropol, 2019. 69 p. (In Russ.).
10. Rudy N.K. Qualification of insults to a government representative. Magistrate, 2007, no. 12, pp. 22-25. (In Russ.).
11. Alatortsev A.Yu. New explanations of the Plenum of the Supreme Court on criminal responsibility for extremism on the Internet in the context of the principle of legal certainty. Criminal law, 2017, no. 2, pp. 4-11. (In Russ.).
12. Zhalinskiy A.E. Violent crime and criminal policy. Soviet state and law, 1991, no. 3, pp.31-34. (In Russ.).
13. Trofimova G.A. Criminal responsibility of parents: optimization of existing norms. Lawyer, 2017, no. 3, pp. 18-22. (In Russ.).